

Ключевые слова в трилогии А.К. Толстого

© Н.В. МАДИГОЖИНА,
кандидат филологических наук

Автор показывает важность лексики со значением правильного, прямого пути в трилогии А.К. Толстого. Эта «геометрия» пути прежде всего связана с образом Бориса Годунова.

Ключевые слова: власть, нравственность, путь прямой, кривой, окольный.

The author shows the importance of vocabulary with the meaning the right path in the trilogy by A.K. Tolstoy. This «geometry» of the path is primary associated with the image of Boris Godunov.

Key words: power, morality, path direct, curve, roundabout.

Трилогия А. К. Толстого, состоящая из трех пьес: «Смерть Иоанна Грозного» (1866), «Царь Федор Иоаннович» (1868), «Царь Борис» (1870), связана между собой не только общими проблемами, образами, персонажами, но и ключевыми словами. Рассмотрим, как одна из основных историко-философских идей А. К. Толстого выражается в «сквозной» лексике, которая формирует ключевые образы *кривого*, *окольного* и *прямого* пути.

В начале пьесы «Смерть Иоанна Грозного» показан закат правления царя Ивана IV. У писателя нет сомнений в том, что «путем кровавым» Россия больше двигаться не должна. Путь Грозного — это зигзаг, кривая линия: периоды кровавых казней чередуются с временами затишья и покоя. И это путь исторически тупиковый.

На смену Ивану Грозному приходит царь Федор, ничем не похожий на своего батюшку — добрый, кроткий, любящий, терпеливый... почти святой. Вот, казалось бы, прирожденный государь, который сможет повести Русь прямым путем к свету и правде. Он знает завещанный Богом Путь, но как всех «согласить» и как все «сгладить», *выровнять* — он не понимает. Толстой писал, что его Федор — это человек, «наделенный от природы самыми высокими душевными качествами, при недостаточной остроте

ума и совершенном отсутствии воли» [1. С. 497]. Ясно, что в этом случае власть должна была перейти к тому, кто мог и хотел ею воспользоваться. Претендентов на власть было немало, но ближайшим к трону оказался брат любимой жены Федора, Борис Годунов, с образом которого и связана главная идея всей трилогии.

Тот путь, который избрал себе Борис, неоднократно называется «окольным» самим Годуновым и его сторонниками. Эта формулировка появляется уже в романе «Князь Серебряный». Один из бояр так характеризует Годунова: «Никогда не суется вперед, а всегда тут; никогда не *прямит*, не перечит царю, идет себе *окольным* путем <...>. Кругом его кровь так и хлещет, а он себе и чист и бел, как младенец, даже и в причину не вписан...» [2. С. 268. Курсив здесь и далее наш. — Н.М.]. Конечно, сравнение хитрого Годунова с младенцем не лишено иронии, для читателя здесь есть и напоминание о будущем злодействе Бориса. Но пока Годунову окольным путем нередко удается удержать царя-деспота от очередного злодеяния.

Серебряный напоминает былинного богатыря, для которого годится только «дорожка прямоезжая», потому что его враг внешний, очевидный. И положительный герой исторического романа спасался только тем, что большую часть времени воевал, а не был «окольным» у царя. Стоило благородному князю попасть ко двору, как он едва не простился со своей головой. На рассуждения Серебряного о том, что всегда лучше правду сказать, Годунов возражает: «Кабы стал я перечить царю, давно бы меня здесь не было, а не было б меня здесь, кто б тебя вчера от плахи спас?» [Там же. С. 307].

Серебряный вскоре попадает в тюрьму, а Борис продолжает оставаться возле царя, не утерев его благоволения и доверия, при этом Годунов помогает и опальному князю. Разговор, состоявшийся между Борисом и Никитой Романовичем в последних главах романа, кажется, служит окончанием их постоянного спора. «Так ты меня уж боле не винишь, князь, что я не *прямою*, а *окольную* дорогой иду?» — «Грех было бы мне винить тебя, Борис Федорыч...» [Там же. С. 477]. В этот момент может показаться, что А. К. Толстой хочет убедить читателя в том, что бывают эпохи и ситуации, когда нужно действовать с оглядкой, даже где-то лукаво, если хочешь чего-нибудь добиться для себя или своих единомышленников. Но отметим, что главный герой, хотя и согласился с Годуновым, сам для себя все-таки возможности «окольного пути» не принял: «... теперь я вижу, куда ты *гнешь*, и понимаю, что по-твоему делать лучше. А я б и хотел, да не умею <...> я бы только даром душой *кривил*» [Там же]. Серебряный в разговоре употребляет слова *окольный* и *кривой* как синонимы, в этом же ряду стоит и глагол *гнешь*. А Годунов считает, что путь кривой — это тот, при котором человек имеет в виду только личное благо, а путь окольный предполагает благородную цель с неизбежными отклонениями от прямого пути

в случаях крайней необходимости. Именно «окольный путь» Годунова к власти А. К. Толстой подробнее всего прослеживает в своей трилогии.

Все три пьесы были написаны в разгар реформ Александра II, и читателю XXI века может показаться наивной вера писателя в то, что в государственной политике есть один верный Путь, при котором благие цели достигаются только высоконравственными средствами, а «правильная» политика не может быть построена на лжи и двоемыслии, не говоря уж о деспотизме и жестокости. В трилогии не только в каждой из пьес есть персонажи, чья жизнь символизирует возможность прямого и светлого Пути, но в принципе все герои знают, каков он, этот путь (предопределенный, безусловно, Писанием), и только большинство людей сознательно по разным причинам уклоняются от него.

В пьесе «Смерть Иоанна Грозного» прямой путь представляет собой боярин Никита Романович Захарьин. Конечно, не случайно, что Серебряного автор сделал его полным тезкой. Но в проектах постановки пьесы драматург напоминает, что хотя Захарьин и почти идеальный персонаж, в нем должна чувствоваться «доля апатии»: «В том-то и проклятие времен нравственного упадка, что они парализуют лучшие силы лучших людей» [С. 466]. Кому же захочется перечить царю, если родовитый боярин Сицкий будет казнен всего лишь за то, что отказался просить царя остаться на престоле, когда тиран вроде бы сам собирался отречься от власти.

Иван IV устраивает в начале пьесы спектакль с угрозами уйти в монастырь, а Сицкий предлагает в государи Захарьина: «У царского кровавого престола / Он тридцать лет стоит и чист, и бел... / И стелется пред нами жизнь его / Без пятнышка, как снежная *равнина!*» [С. 16]. Заметим, что, хотя первостепенными здесь являются цветковые эпитеты, играют свою роль и пространственно-геометрические образы. Грозного Годунов сравнит позднее с высокой *горой*, которую ему приходилось обходить, правление Федора будет ассоциироваться с *провалом*. А Захарьин напоминает соратникам равнину, по которой только и можно идти прямым путем. Он весь виден и понятен, он никогда не кривит душой и просто удивительно, что государь до сих пор щадил своего «старого шурина».

Многие просят Захарьина принять власть, но тот обращается за советом к Годунову, признавая, что в сложной ситуации «*уклончивой мудростью*» Бориса можно добиться большего, чем прямым словом таких, как он. Знатные бояре вынуждены обратиться за помощью к «татарину», и это нравится далеко не всем; реплики, звучащие «в сторону», — не в пользу Годунова. Любопытно, что многие из них содержат слова, связанные с кривыми линиями. Один боярин спрашивает: «Куда он *гнет?*». Второй отвечает: «Хвостом *вертит!*». Третий называет Бориса «вьюном». [С. 19]. Почти все уверены, что Годунов действует в личных интересах, и все его слова — от *лукавого* (как известно, одно из значений слова «лука» — кривизна). Только Захарьин утверждает, что «*уклончивая мудрость*» Бориса — дар господа,

а не бесовское искусство. Никита Романыч понимает, что путь хитрого царедворца сейчас единственно возможный, но все же предостерегает, что «опасен / *Окольный* путь бывает для души!» [С. 42]. На что Годунов отвечает Захарьину: «Как рад бы я, отец мой, без *уклона* / Всегда вперед идти *прямым* путем! / Но можно ль мне?» [Там же].

Отметим, что Годунов и Захарьин употребляют определения *окольный* и *уклончивый* как синонимы, и при этом для них обоих такой образ действий вовсе не равнозначен *кривому*. Это лишь обходной путь ради достижения конкретной цели, и надо только вовремя вернуться на прямую дорогу с минимальными потерями для чистоты души.

Когда на сцене появляется царь, Борис под впечатлением разговора с Захарьиным делает попытку воздействовать на государя открыто. Грозный немедленно отклоняет все доводы Бориса, который после говорит: «Вот он, / Тот путь *прямой*, которым мне Захарьин / Идти велит! На первом он шагу / Мне властью царицы, как стеною, / Пересечен! ... / Легко тебе, Никита / Романович, идти *прямым* путем! / Перед собой ты не поставил цели!» [С. 46].

Годунов уверен, что есть только две возможности: либо остаться *чистым* и *белым*, отказавшись от трудностей и соблазнов борьбы, либо позволить себе где-то схитрить. Борис принципиально избегает слова *кривой* даже в разговоре с самим собой, а вот глагол *лукавить* его почему-то не смущает.

Захарьин напомнил Борису об опасности окольного пути, но никаких средств и способов высоконравственной борьбы с хитростью и подлостью он придумать не может. В конце первой драмы положительный герой недоволен тем, что Годунов устраняет своих врагов и обвиняет Бориса в неоправданном уклонении от прямого пути. Умер страшный царь, но Годунову не удалось остаться в «белых одеждах». Впрочем, и сейчас он не царь на троне, он опять зависит от приказов и настроений нового, теперь уже слабого, правителя.

Драма «Царь Федор Иоаннович» начинается со сцены, в которой несколько духовных лиц, купцов и бояр во главе с князем Иваном Петровичем Шуйским организуют заговор против Годунова. Заговор состоит в том, чтобы развести царя Федора с женой, сестрой Бориса, и таким образом ослабить влияние «татарина» на государя. Шуйский понимает, что неблагородно действовать против умной, доброй, любящей Ирины, и поэтому неоднократно повторяет: «Мой путь *не прям*». Он успокаивает свою совесть тем, что бесчестный поступок делается для блага страны: «...мой путь *не прям*, – / Но пятиться не стану. Лучше пусть / Безвинная царица пропадет, / Чем вся земля!» [С. 153].

И Иван Шуйский пытается обосновать неизбежность временного ухода честного человека с прямого пути: «Мой путь *не прям*. Сегодня понял я, / Что чистым тот не может оставаться, / Кто борется с *лукавством*...» [С. 158]. Но первый же шаг с прямой дороги погубит наивного героя, к тому же он

будет считать, что это Бог его наказал за то, что он помыслил действовать против святого царя и кроткой царицы. [С. 266].

В этот опасный момент Годунов предлагает мир своим врагам, и этот его «порыв», конечно, всецело поддерживает царь Федор. Шуйский колеблется: «Не первый раз, боярин, хитрой речью / *Обходишь* ты противников своих...» [С. 182]. Глагол *обходить* в ту эпоху имел то же значение, что «обманывать» [3. С. 134], но автор, конечно, не случайно предпочел это слово, напоминающее об окольном пути.

Переводчик Н. Любимов писал, что представляет речь Бориса «полноводной рекой с изредка крутящимися воронками» [Там же. 141]. Вот в эти словесные «круги водоворота» и затягивает Годунов своих оппонентов. Автор трилогии делает речь Годунова образной и многозначной, но Годунов — не поэт, а политик, неоднозначность его речи лукава: она дает возможность говорящему в нужный момент от какого-то из смыслов отказаться.

Чтобы лучше понять замыслы своих врагов, «татарин» клянется на кресте в примирении с Иваном Шуйским и его сторонниками, используя такую формулировку: «Ничем не мстить за прежние вины!» [С. 184]. Наивный Федор не скрывает радости: «Вот это значит: *прямо* / Писание исполнить!» [С. 184]. Но вот уж чего нет в клятве Бориса, так это прямо-ты. Формулировка заведомо двусмысленна. Такую речь, которую можно было истолковать двояко, в те времена называли «*окольной* речью» (поэтому слово «околесица» в Словаре В. И. Даля имеет не только значение «бессмыслица», но и речь с намеками, «окружная». Конечно, скоро находят не прежние, а новые проступки, за которые Годунов и отправляет своих врагов в тюрьму. Ивану Шуйскому кажется, что теперь всем ясна лживая сущность Бориса: «Он сам себя позорным делом выдал! / Избавил нас отыскивать средь тьмы / *Кривых* путей!» [С. 207].

Василий Шуйский пожимает плечами, слушая дядю: «Знай, думает, я *прав*, / Так съем *неправого*, — младенец сущий!» [С. 209]. Иван Шуйский указывает царю на то, что Годунов «честный крест на *криве* целовал» [С. 152] («на криве» означало «лживо»). Но Федор мечтает о примирении противников и убеждает себя, что бояре «не поняли друг друга». Лишь ультимативное требование Годунова устранить Шуйских едва не становится для самого же Бориса роковым, но *кривой* шаг Шуйского, решившего, как мы помним, предать Ирину, позволяет одержать на этот раз верх Годунову.

Б. Реизов справедливо отметил, что, хотя в пьесе Годунов и Иван Шуйский противопоставлены друг другу, в нравственном смысле их пути сходятся. Шуйский «тоже ради блага государства вступил на окольный путь, следуя все той же теории государственной необходимости и цели, оправдывающей средства» [4. С. 158]. Но Шуйский, в отличие от Годунова и Захарьина, использует слова «окольный» и «кривой» уже как синонимы. Он говорит, что не хочет обманывать себя, доказывая, что его руки

чисты и сам он безгрешен. Иван намерен с полным осознанием своей вины принести в жертву женщину святой души и святого царя.

В этой пьесе представительницей «прямого пути» является Ирина. Брат и сестра в нескольких диалогах сожалеют о том, что их пути *разошлись*. Ирина все поступки рассматривает в первую очередь с нравственной точки зрения и не считает возможным подсчитывать количество блага, порожденного злом. Она в принципе не верит, чтобы «дело кровавое пошло для царства впрок», поэтому отказывается помогать Борису заключить Шуйских в тюрьму. И последующие события доказывают ее правоту.

Когда Федору сообщают, что князь Иван Петрович «сею ночью петлей удавился», царь в ужасе спрашивает у Годунова: «Ты ведал это?» Ответ Бориса таков: «Бог / Свидетель мне — не ведал» [С. 279]. Возможно, Годунов действительно не знал о смерти противника, и слишком поторопились сторонники Бориса, а, возможно, что и эта формулировка уклончива... А. К. Толстой не настаивает на его вине в этом преступлении. Но в это время еще и прибывает гонец из Углича со страшной вестью: царевич Дмитрий в падучем недуге упал на ножи и закололся. Эту страшную «вину» А. К. Толстой, вслед за Карамзиным, признает за Борисом, хотя большинство историков XX — начала XXI века считают и этот факт недоказанным и сомнительным.

Хотя к этому времени «окольный путь» Годунова уже достаточно дискредитирован всем произошедшим, но автор трилогии не хочет возлагать всю вину на одного человека. Не менее, по убеждению А. К. Толстого, виноват и царь: «Через свою нерешительность Федор делается причиной страшных событий <...> Трагическая его вина — это исполнение власти при совершенном бессилии» [С. 495]. Глядя на мужа, даже Ирина понимает: «Свет государь, нет выбора тебе; / Один Борис лишь царством *править* может...» [С. 283].

И Годунов говорит сестре удовлетворенно: «Пути *сошлись* наши!». Ирина же отвечает: «О, если б им *сойтись* не довелось!» [Там же]. Вскоре Годунов получает полную власть в свои руки и может заняться, наконец, не интригами, а политикой и экономикой страны. Но власть получена страшной ценой — и это не пройдет бесследно ни для Руси, ни для самого Бориса.

В самом начале драмы «Царь Борис» показано, что за время правления Годунова многое изменилось к лучшему на Руси. Герой в своем монологе подводит черту под тем, что совершил ради восхождения на престол: «Кто может осудить / Меня теперь, что не *прямой* дорогой / Я к цели шел?.../ Могу теперь идти стезею *чистой*!» [С. 309]. Здесь определение «*чистой*» снова звучит неоднозначно: просвечивает и тот смысл, что после того, как дорога очищена от препятствий, можно идти путем прямым и «белым».

Борис убеждает себя в том, что он прервал связь с прошлым, одна-ко призрак собственного злодеяния неуловимо преследует его. Ирина

утверждает, что всей жизнью Борис должен искупать смерть Дмитрия и не прощать себе преступление, сколько бы времени ни прошло и к какому бы благоденствию брат ни привел страну. Но Годунов не согласен принципиально. Он убежден, что абсолютно чистым может остаться только тот, кто не находится у власти, а государственный деятель всегда вынужден лукавить. Разница лишь в том, во имя чего он совершает насилие: для себя или для того, чтобы «тьмы людей счастливыми сделать» [С. 319]. То есть Борис настаивает на арифметическом подсчете: тьмы людей против одного ребенка.

Б. Реизов пишет: «Будучи законным царем, Борис был бы государем идеальным. Он не стал бы совершать ни преступлений, ни жестокостей...» [4. С. 161]. Но разве только приход к власти требует нравственных жертв?! Вспомним сцену, в которой Федор Иоаннович, доведенный до отчаяния, произносит такие слова: «...Не вдруг отец покойный / Стал грозным государем! Через *окольных* / Он грозен стал – вы вспомните его!» [С. 279]. Хотя слово *окольный* в ту эпоху имело значение «приближенный царя», в контексте пьесы оно приобретает и другой смысл. Бояре, окружавшие царя, лгали и плели заговоры, поэтому государь вынужден был выправлять их поступки. Слово *право* изначально имело смысл «прямо», «истинно». Поэтому правде противопоставлялась *кривда* или *крива* [5]. Править государством – означало вести его к благоденствию прямым путем. Конечно, не в характере Федора было выполнять свои угрозы, но понятно, что иногда и добрейшему государю может показаться, что без насилия уже не выйти на правый, прямой путь.

Тем не менее, дальнейшие события пьесы «Борис Годунов» подтверждают точку зрения Ирины, которая в принципе не приемлет насилия. Тень прошлого перечеркнет все, что было сделано Годуновым для блага страны. В финале пьесы Борис обнаружит, что окружен лукавыми царедворцами и он сам перестал быть добрым правителем. Его опять «стеснили» с прямой дороги на скользкие тропы подозрительности и жестокости, а «от зла лишь зло родится». Годунов понимает, наконец, что *окольный* путь и *кривой* – это одно и то же. Свой жизненный путь он сравнивает с кругом: «Сдается мне, я шел, все шел вперед / И мнил пройти великое пространство, / Но только *круг* огромный очертил...» [С. 421]. А круг – это сомкнутая кривая, согласно Словарю В. И. Даля. Зло не может обернуться благом, даже если оно совершено не для себя, а для процветания государства.

Перед самой смертью Годунов передает престол сыну Федору, чья душа не испорчена, как у самого Бориса, «мудрствованьем ложным». Теперь Борису кажется, что «мудрствованье» – от лукавого. Его сын Федор чист и *прям* – значит, он сумеет вести страну по «ясному пути». К концу пьесы становится очевидным, что для правителя, по мнению А. Толстого, выбор путей ограничен не тремя, а двумя вариантами, хотя необходимость

окольного пути признавал в какой-то момент даже такой идеальный персонаж, как Никита Захарьин.

«Прямой путь» в тексте наделяется также определениями *правый, чистый, белый, ясный, ровный, светлый, божий*. «Кривой» — это *кровавый, окольный, обходной, уклончивый, лукавый, блудный, окружной, скользкий*. На такой путь нельзя ступать, несмотря на то, что «теснить», сталкивать туда государя жизненные обстоятельства будут постоянно.

В трилогии именно лексика, связанная с описанием геометрии пути, является сквозной для всех трех пьес, отражая ту систему понятий, на которой выстраивается философия истории А. К. Толстого.

Литература

1. Толстой А. К. Собр. Соч. В 4 т. М., 1969. Т. 3. С. 497. Далее указ. только стр.
2. Толстой А. К. Избранные произведения. М., 1970.
3. Любимов Н. Несгораемые слова. М., 1983.
4. Реизов Б. О драматической трилогии А. К. Толстого // Русская литература. 1964. № 3.
5. Вороничев О. Е. Лексические средства создания речевого колорита эпохи. // Перестройка и научный прогресс. Тезисы докладов научно-практической конференции, посвященной 60-летию БГПИ. Гуманитарные науки. Брянск. 1990. Кн. 2. С. 161–163.

*Гимназия № 3
Дубна Московской обл.*

Вещная деталь в прозе И.А. Бунина

© К.Н. ГАЛАЙ,

кандидат филологических наук

В статье рассматриваются функции предметных деталей, а именно предметы одежды, которые характеризуют персонажей в творчестве И.А. Бунина.

Ключевые слова: вещная деталь, знак эпохи, типизация, индивидуальность, характеристика персонажа.

The article considers the functions of subject details, namely clothers, which characterize the characters in the works of Ivan Bunin.

Key words: epithet, rem detail, mark of the era, typing, personality, characteristics of the character.

Одежду персонажей причисляют к категории вещной детали. Описание внешнего вида героев, в частности их одежды, может нести в себе такие функции, как культурно-историческая, характерологическая и, наконец, символическая. Интересны культурологические детали, потому что они способствуют зримому воплощению, например, национальных, сословных и других особенностей и являются общими знаками отображаемой эпохи.

В произведениях И. А. Бунина часто встречается детальное описание одежды людей, говорящей об их социальной и профессиональной принадлежности.

Во многих рассказах, показывая уклад деревенской жизни, он уделяет большое внимание одежде местных жителей: «Носят дурновские бабы “рога” на голове: как только из-под венца, косы кладутся на макушке, покрываются платком и образуют нечто дикое, коровье. Носят старинные темно-лиловые поневы с пазументом, белый передник вроде сарафана и лапти». Эпитеты *дикое*, *старинные* вызывают такие же ассоциации с нравами жителей «Деревни».

Писатель выводит целую галерею деревенских типов, обращая особое внимание на их одежду. Местный богач Тихон одевался добротнo: «...носил щеголеватые опойковые сапоги и расшитую косоворотку под двубортным пиджаком», а его брат — анархист Кузьма — ходил в прохудившейся одежде. Так через одежду выявляется и отношение к жизни двух братьев: «хозяйственность» Тихона, который всю свою жизнь положил на то, чтобы иметь достаток и свое хозяйство, и Кузьмы, философа-самоучки, который при многих своих задатках ничего не достигает, не находит своего места в жизни.

Интересно описание людей на ярмарке: «польские евреи в парусиновых балахонах и сбитых сапогах, загорелые мелкопоместные дворяне в поддевках и картузах... дряхлый севастопольский герой Хвостов... в длинном мундире и обвислых штанах, в сапогах с широкими носками и в большом картузе с желтым околышем... еврей-хлеботорговец, в котелке, в пальто с капюшоном». Возникает целая галерея деревенских и городских типов; описывая их одежду, Бунин соединяет эти отдельные частицы в пеструю картину жизни современной деревни.

Яркий пример обрисовки типов бродячей Руси — «охолы» из Черниговской губернии «в коротких толстых свитках, в несокрушимых сапогах, в коричневых бараньих шапках». Кузьма видел в них, с одной стороны, древнюю Русь, а с другой — «покорных скотов в свитках». Перед глазами героя проносятся вереницы образов в детально описанных одеяниях: кондуктор в «страшно тяжелой даже на вид шинели», чьи старые глубокие калоши были в засохшей грязи, хлястик шинели висел на одной пуговице. Это и странник, носивший «широкополую шляпу, драповое пальто, подпоясанное веревкой, мешок и жестяной чайник за плечами, на тонких ногах — бахилки». Это и купец, одетый «домовито, чисто, прочно — и лапти, и онучи, и новые тяжелые портки, и очень коротко, кургузо подрезанная сборчатая юбка поддевки из толстого сивого сукна».

Однако у Бунина деталь костюма может восходить к символу, например, показателен рассказ Тихона о немой стряпухе, которой он подарил заграничный платок, а «она взяла да и истаскала его наизнанку». Берегла и хотела дождаться праздника, а когда пришел праздник, «лохмотья одни остались». Символичен вывод этой истории, когда Тихон добавляет: «Так вот и я... с жизнью-то своей». Здесь вещная деталь «работает» на обобщение: говоря о быте, Тихон говорит о бытии.

Бунин любил старину, и любимые его персонажи в рассказах о крестьянстве носят именно старинную одежду. Например, Захар Воробьев из одноименного рассказа: «Ворот его суровой замашной рубахи... не застегивался, а завязывался маленькой красной ленточкой. На пояске висели медный гребень и медная копаушка. Лет до тридцати пяти носил он лапти... Зиму и лето не снимал он полушубка и шапки... Бурый котик, — опушка борта и воротника, — был еще остист и жесток». В таких описаниях

крестьян и их одежд, напоминающих былые века, воплотились для писателя лучшие черты русского крестьянина. Поэтому и рисует он этого персонажа с любовью. А вот антиподом Захара Воробьева является Егор из рассказа «Веселый двор», описание его одежды рождает уже совершенно другие эмоции. Если одежда Захара всегда была чистой, он любил «порядок, любил все новое, прочное», то Егор ходил в «облезлом, голубом от времени и тяжелом от пота, гимназическом картузе, в посконной рубаше с обитым, скатавшимся воротом, в обвисших, протертых и вытянутых на коленях портках, в лаптях, обожженных известкой».

Бунин был знатоком моды прошлого — в рассказе «Темные аллеи» он так описывает пожилого военного: «в большом картузе и в николаевской серой шинели с бобровым стоячим воротником...». Затем дает пояснения, говоря, что «вся наружность имела то сходство с Александром II, которое столь распространено было среди военных в пору его царствования».

Множество интересных описаний модной одежды светских людей есть в рассказе «Господин из Сан-Франциско». На корабле «Атлантида» встречаются «декольтированные дамы и мужчины во фраках и смокингах», и был «среди этой блестящей толпы некий великий богач, бритый, длинный, похожий на прелата, в старомодном фраке», и даже принц в «очках, котелке, английском пальто... и его европейская, совсем простая, но как будто особенно опрятная одежда таили в себе неизъяснимое очарование». Особое внимание уделено одежде главного героя — господина из Сан-Франциско — в его последний день жизни. Он «натянул на крепкое старческое тело... шелковое трико, а на сухие ноги с плоскими ступнями — черные шелковые чулки и бальные туфли, приседая, привел в порядок высоко поднятые шелковыми помочами черные брюки и белоснежную, с выпятившейся грудью рубашку, вправил в блестящие манжеты запонки». На первый взгляд, это описание типичного человека новой эпохи, у которого даже нет имени. Но с другой стороны, это тщательное одевание на бал, как думает герой, а на самом деле — перед кончиной, несет в себе символический смысл тщетности этих приготовлений перед лицом смерти.

В некоторых рассказах Бунин поражает читателя своим знанием модной одежды разных социальных слоев общества. Например, в рассказе «Таня» есть описание того, как одевались молодые девушки: «Я из города, я наряжена, — радуется горничная Таня, — у меня лицо как у модистки под этим шелковым белым платочком, я в новом гарусном коричневом платье под суконной жакеткой, на мне белые бумажные чулки и новые полсапожки с медными подковками!». Такое подробное перечисление деталей одежды несет в себе еще и другой смысл — передать радость влюбленной девушки предстать перед барином красивой и наряженной.

В рассказе «Зойка и Валерия» автор описывает москвичей, которые летом уезжали за город и «наслаждались своим летним благополучием,

праздностью и вольностью одежды – косоворотками навывпуск с расшитыми подолами, длинными жгутами цветных поясов, холщовыми картузами». Детально описывая распространенный «летний» стиль одежды своего времени, Бунин показывает наслаждение этой подчеркнута простой одеждой вдали от суеты большого города.

Одежда способна менять поведение человека, заставить чувствовать, хотя бы на время, свою принадлежность к другому сословию. В рассказе « Степа », в котором главный герой некий Красильщиков рос и учился в Москве, и, видимо, не выделялся из своих соплеменников, но преобразование его происходило, когда приезжал в свою тульскую усадьбу. Здесь он «любил чувствовать себя помещиком – купцом, вышедшим из мужиков, пил лафит и курил из золотого портсигара, а носил смазные сапоги, косоворотку и поддевку...». В рассказе «Антигона» герой в новой одежде «был похож на молоденького офицера – только белый картуз с голубым околышем был у него студенческий, все прочее на военный образец: белый китель, зеленоватые рейтузы, сапоги с лакированными голенищами...». И приезжая в этой одежде к богатым родственникам, он «вступал на некоторое время в жизнь совсем иную, в удовольствие большого достатка, начинал чувствовать себя красивым, бодрым, манерным». Короткой жестовой фразой Бунин передает содержание характера: «Он с невольным фатовством сел в легкую коляску». То, как одевались студенты и молодые офицеры, связывается с ощущениями героя.

В некоторых рассказах вещная деталь становится основной характеристикой персонажа. Для Бунина в одежде выражается определенный характер. Костюм героя может также передавать его эмоциональное состояние. Особенно интересен в этом смысле рассказ «Генрих», где одежда играет важную роль для создания женских характеров. Так, юная любовница главного героя, Надежда, предстает перед читателем «в беличьей шубке, в беличьей шапочке, во всей свежести своих шестнадцати лет, мороза, раскрасневшегося личика и ярких зеленых глаз». Очевидно, по замыслу автора, одежда показывает ее милой, доверчивой и напоминающей ребенка в своей наивности: «А за то, чтобы поехать с тобой, я бы, кажется, жизнь отдала!» – говорит она, и он умиляется ее серьезности, чистоте и нежности. По контрасту с ней представлена его другая любовница Ли, «тонкая, длинная, в прямой черно-маслянистой каракулевой шубке и черном бархатном большом берете, из-под которого длинными завитками висели вдоль щек черные букли, держа руки в большой каракулевой муфте, она зло смотрела на него своими страшными в своем великолепии черными глазами». Совершенно другая одежда – и совершенно другая женщина, которая грозитя облить своего возлюбленного серной кислотой, ревнивая и опасная. Поэтому несколько раз писатель употребляет эпитет *черный*. И так же, как глаза, одежда является зеркалом внутреннего состояния героинь.

Душевное состояние персонажа передается через описание одежды в рассказе «Зойка и Валерия»: «С Валерией вообще что-то сделалось — когда не было гостей, она перестала менять нарядные блузки, как делала прежде, иногда с утра до вечера ходила в мамином пеньюаре и вид имела брезгливый». Так выражается апатия молодой девушки после разрыва с молодым человеком.

В рассказе «Руся» именно простой наряд девушки говорит о ней. Она «носила желтый ситцевый сарафан и крестьянские чуньки на босу ногу, плетеные из какой-то разноцветной шерсти». На вопрос своей жены: «Тоже, значит, в русском стиле?», он отвечает: «Думаю, что больше всего в стиле бедности. Не во что одеться, ну и сарафан». Однако именно в этом сарафане на всю жизнь запомнил герой эту девушку, говоря о ней: «Возлюбленная нами, как никакая другая возлюблена не будет!».

В рассказе «Петлистые уши» суть главного героя Адама Соколовича подчеркивается его внешним видом и его одеждой. Герой, убивающий проститутку, носит «драповое пальто, забрызганное сзади грязью, и кожаный английский картуз» — «они носятся давно, бессменно и во всякую погоду». Забрызганное грязью пальто появляется как символ забрызганной грязью души героя. Такая неприглядная одежда становится одной из характеристик его внутреннего состояния, которое чувствовали люди: «всякий, кому он попался на глаза, испытывал чувство смутной неприятности, какого-то беспокойства и, отворачиваясь, думал: “Ах, какой ужасный господин!”».

Отношение к своей одежде разоблачает сущность героя в рассказе «Жилет пана Михольского». В нем Бунин представляет целую философию «вещной» жизни молодых провинциалов, отмечая за них, что «одна из основ приличной жизни заключается в приличной экипировке». Нашив себе «панталон, сюртуков, фраков и жилеток по самой последней моде», главный герой становится более уверенным в себе и даже едет на встречу, куда приглашен сам Гоголь. Автор представляет анекдотическую ситуацию, как Гоголь, увидев жилетку пана в гостях, куда его пригласили, ушел, даже не попив чай, — настолько испортилось его настроение. Но пан Михольский понял эту ситуацию иначе. Этот случай стал настоящей гордостью пана Михольского, потому что, как он считал, «Гоголь позавидовал на жилетку!.. Если бы граф не привез меня в Липки, — рассуждает главный герой, — то Гоголь и чай бы кушал и беседовал со всеми прочими гостями». В конечном итоге он делает вывод, что он «совершенно невольно отравил ему [Гоголю] жизнь своей жилеткой». Показательным саморазоблачением является последняя фраза героя: «Я, брат, свою жилетку выше всяких его “Мертвых душ” ставлю».

Описание одежды у Бунина может иметь мистико-символический характер. В рассказе «Мордовский сарафан» герой осматривает вышитый беременной женщиной сарафан и чувствует мистическую связь этой

одежды со смертью. «В руках у нее что-то странное и страшное, — передает главный герой свои чувства, рассматривая сарафан, — длинный балахон из суровой крестьянской холстины с нашивками и вышивками на плечах, на рукавах, на груди и на подоле темно-коричневыми и кубовыми шелками... Я встаю и опять с притворным вниманием осматриваю, восхищаюсь, а меж тем мне уж просто невоготу: что-то мрачное, древнее и как будто гробовое есть в этом балахоне, что-то жуткое и очень неприятное вызывает он во мне в связи с ее беременностью и тревожной веселостью. Вероятно, умрет родами...». Одежда словно пророчит скорую смерть героини, однако автор не раскрывает ее дальнейшую судьбу.

Одежда как символ описывается и в рассказе «Аглая» и также пророчит смерть героине: «В отрочестве она видела себя во сне в длинной льняной рубахе и в железном венце на голове». Здесь Бунин отсылает читателя к христианской символике. При этом объясняет значение этих символов: «И Катерина сказала ей: “Это тебе к смерти, сестра, к ранней кончине”».

Российский университет дружбы народов

Водная стихия в символике романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина»

© Л.М. БОРИСОВА,
доктор филологических наук

Рассматриваются акватические символы (рыба, вода) и их отражение в символике имени. В ходе анализа уточняются представления М. Горького о народе, интеллигенции, перспективах развития человечества.

Ключевые слова: символы рыбы, воды, символика имени, Левиафан, гностицизм, христианство, иносказание, «Жизнь Клима Самгина».

The article deals with the aquatic symbols (fish, water) and their reflection in a nominal symbolism. In the analysis M. Gorky's idea of people, intelligentsia and the people's evolution perspective are specified.

Key words: symbols of fish, symbols of water, nominal symbolism, Leviathan, Gnosticism, Christianity, parable, «Life of Klim Samgin».

Для идиостиля Горького в «Жизни Клима Самгина» чрезвычайно характерны интригующие лейтмотивы и лейтмотивные символы. Один из них связан с эпизодом ловли несуществующего сома. Лютов, которому принадлежит идея этого представления, затеял его с единственной целью – избавить воспитанную народниками интеллигенцию от слепой веры в *народушку*. Рыба – многозначный символ в мифологии разных народов, у первохристиан это символ Иисуса Христа [1]. Но у горьковского мужика никакого чудо-сома нет. Климу удалось разглядеть в воде только отражение огня, похожее «на золотую рыбу с множеством плавников». Но уж кто-кто, а Горький-то знал, как умеет мужик обращаться с огнем, с каким злорадством пополяет он интеллигентские иллюзии, среди которых самая большая – о мужике-Богоносце. В «Моих университетах» писатель вспоминает, как ярко горела их с Ромасём лавка: «<...> Мимо окна лилась, заглядывая в него, рыжая струя огня, <...> по ступенькам вползали багровые змеи <...>. В слуховое окно

над лестницей заглянула рыжебородая, желтая рожа, судорожно искривилась, исчезла, и тотчас же крышу пронзили кровавые копыя пламени». «А в туче дыма всё еще летали, точно голуби, страницы наших книг» [2].

По Горькому, «сом» был у революционной интеллигенции, он зашифрован в фамилии героини, которую не случайно зовут Любовь Сомова. В романе не раз говорится о том, что революционная идея была ее верой, и подчеркивается жертвенное начало в характере Любаши: то она с воспалением легких возвращается с очередного задания и тут же включается в политический спор, то ее, больную, арестовывает полиция. Растратив здоровье в бесконечных революционных акциях, Сомова совсем молодой умирает в «Крестах».

Что же касается народа, то в 1905 году, в день похорон Баумана, вместо чаемой золотой рыбки русский интеллигент увидит на улицах Москвы морское чудовище. «На Театральную площадь выползла красная голова небывалого и неестественно плотного тела процессии. <...> Над головою толпы колебалось множество красных флагов <...>. Но чем дальше на площадь выползал черный Левиафан, тем более было флагов, и теперь они уже напоминали красную чешую на спине чудовища. <...> в тишине он услышал, что чудовище ползет молча...» [Т. 22. С. 659–670]. Описание библейского Левиафана содержится в книге Иова: «Нет на земле подобного ему; он сотворен бесстрашным; на все высокое смотрит смело; он царь над всеми сынами гордости» (Иов 41: 2, 25–26). Трудно найти образ, который бы так совпадал с горьковским идеалом личности – гордым человеком, Человеком, сверхчеловеком, человекобогом. Книга Иова была любимым чтением Горького, «всегда читаю ее с величайшим волнением, а – особенно, 40-ю главу, где Бог поучает человека, как ему быть боговатым и как спокойно встать рядом с Богом», – писал он В.В. Розанову [3].

Писатель наделяет народ новой верой. Носительницей ее выступает в романе Марина Зотова, которая в какой-то момент встанет перед Самгиным «гладкая и гибкая, точно большая рыба» [Т. 23. С. 251]. Сравнение для Горького, кажется, вполне обычное. В его портретах человеческие черты часто мешаются с признаками всякого рода тварей, и рыбы глаза, рты – один из самых распространенных мотивов такого рода. Как правило, это свидетельствует о недоволенности человека, его несоответствии заданному образцу, но случай с Мариной особый. Загадочная купчиха, оставаясь реалистическим характером, одновременно является в романе аллегорией России, олицетворяет ее таинственную душу [4]. Вера Марины – синтез разных религиозно-философских учений на основе одного: «Тебе охота знать, верую ли я в бога? Верую. Но – в того, которого в древности звали Пропатор, Проарх, Эон, – ты с гностиками знаком?» [Т. 23. С. 196].

Нельзя не обратить внимания на морское имя горьковской героини и то, что в девичестве эта Марина – Премирова (на символический смысл

фамилии указывает А. Эткинд [5. С. 505]). В гностической мифологии, как и во всех других мифологиях мира, вода – первоначало, исходный элемент материи, первобытный хаос [6]. Ю. Н. Данзас (некоторые исследователи считают ее прототипом Зотовой) в очерках по истории гностицизма, изданных под псевдонимом Юрий Николаев, пишет: «... отделяя себя и свою духовную сущность от мира, посвященные называли себя *рыбами, плавающими в воде* (курсив автора. – Л.Б.). Таинственной Рыбой, плавающей среди материи, было и Само Божественное Начало, раздробленное в низшем мире» [7].

В одном из важнейших гностических первоисточников, диалоге «Поймандр» «Герметического свода» Гермеса Трисмегиста акт творения описывается следующим образом: «Святое Слово спустилось из Света и покрыло Природу, чистый огонь восстал из влажной Природы ввысь к тонкому миру <...>. Земля и вода оставались на месте перемешанными настолько, что через одно не было видно другое, и непрерывно получали воздействие дыханием Слова <...>». Ум, Отец всего сущего, Свет породил себе Человека. «Природа улыбнулась от любви, узрев отражение благолепия Человека в воде и его тень на земле», и он увидел «собственное отражение в воде» [8].

К этому мифу отсылают у Горького некоторые детали в сцене хлыстовского радения. Круг света на поверхности воды в чане и бесформенная тень в центре круга – первое, что увидел герой, заглянув в щель занавески, отделявшей его от комнаты радений. «Какой-то фокус», – соображает Клим. Высоко под потолком он разглядел лампу в черном колпаке, а под ней что-то вроде птицы, отбрасывавшее тень на воду. «Не очень остроумно», – думает Самгин про кустарный реквизит (символ гностического символа), с помощью которого в Русьгороде разыгрывают соединение Света-Духа с Водой-Материей. Между тем, скептик, как загипнотизированный, не может оторвать глаз от «светлого круга воды в чане».

С водой во всех культах связаны мотивы очищения, посвящения, второго рождения [6]. Последний, с точки зрения горьковской идеологии, особенно важен. Гностический подтекст снимает, казалось бы, непримиримое противоречие в характере горьковской героини – наполовину реалистическом, наполовину метафизическом. Одна Марина «тихо, но сурово» говорит: «Какой мужчина нужен, чтобы я от него детей понесла?» [Т. 23. С. 396], другая «детей – не любила и не хотела» [Т. 24. С. 179]. Однако нет никакого противоречия в том, что девица Премирова, мечтающая дать жизнь новому человечеству, отказывается продолжать рабский род людской.

Вода определяет метафорику всей сцены хлыстовского радения. Его участники изгибаются, «точно ныряя в воду»; упавших выносят из круга и погружают «в темноту, точно в воду»; от топота множества ног пол

в комнате «волнообразно взбухает и опускается точно палуба», не давая забыть о том, что Зотова – кормчая корабля. Апогеем действия становится момент, когда двое радеющих под крики «Ой – дух, ой – свят!» легко подняли Марину и погрузили ее в чан – «вода выплеснулась через края и точно обожгла ноги людей, – они взвыли, закружились еще бешенее» [Т. 23. С. 389].

Примечательная декорация выбрана Горьким для этой мистерии: «<...> окна нижнего этажа были частью заложены кирпичом, частью забиты досками, в окнах верхнего не осталось ни одного целого стекла, над воротами дугой изгибалась ржавая вывеска, но еще хорошо сохранились слова: “Завод искусственных минеральных вод”» [Там же. С. 380]. Не оправдавшее себя предприятие, завод искусственных минеральных вод – одновременно знак тупика в развитии человечества и символ мертвой воды. А на то, что Маринина вода – живая, указывает в романе судьба Нехаевой. Самгин не узнал в женщине, птицей носившейся вокруг чана, чахоточную подругу своей студенческой юности. Марина говорит о ее метаморфозе с иронией, но не без гордости: «Вот тебе и Фимочка! Умирала, умирала и вдруг – разбогатела...».

Наконец, по Юнгу [9], вода – символ бессознательного. На первый взгляд, к Горькому с его культом разума это не имеет никакого отношения. Однако в рассказах 1922–1924 годов и в «Жизни Клима Самгина» подсознание становится объектом самого пристального писательского внимания. Погруженный в самоанализ, надеясь найти хоть какое-то объяснение собственному провокаторству, герой рассказа «Карамора» так определяет свое состояние: «Я сам в себе, как рыба в бредне» [Т. 17. С. 367]. Он вспоминает действие, произведенное на него социалистической пропагандой: «<...> чувствую: замутил еврейчик мою воду» [Там же. С. 368], а о деградации личности во время войны говорит: «<...> человеческое соскочило с людей, как чешуя с протухшей рыбы» [Там же. С. 397]. В «Жизни Клима Самгина» про неспособность интеллигента выразить свое сокровенное сказано: «Человек бьется в словах, как рыба в песке» [Т. 22. С. 505].

Чистая психическая энергия, бессознательное – база, на которой строит свою веру Марина Зотова: «Это – не разум, а сила, двигающая разумом из глубины чистейшего духа, отрешенного земли и плоти...» [Т. 23. С. 197]. Все богословы (по Горькому, богостроители) Серебряного века вслед за В. Соловьевым исповедовали религию Духа. Марина не исключение из правила. Тот же Юнг в «Эоне» проводит параллель между подобными настроениями своих современников и учением средневековых сект, проповедовавших «смену христианского Евангелия “Евангелием Вечным” или второго Лица Троицы третьим» [10]. Проследившая истоки этого движения, ученый по-своему объясняет этимологию символа рыбы применительно к Иисусу Христу, усматривает здесь

астрологическую подоплеку. Согласно некоторым источникам, пришествие Мессии ожидалось под знаком Рыб. В герметических сочинениях первых лет христианства, как отмечает Юнг, символ рыбы относился не только к Спасителю («всякому сведущему в астрологии было ясно, что <...> он был рожден как первая Рыба эпохи Рыб» [9]), но и к Его антиподу (вторая Рыба). Этот двусмысленный символ, пожалуй, устроил бы горьковских героев с характерным для них отношением к Христу: «Мы тебя и ненавижу – любим, / Мы тебе и ненавистью служим». Гностические астрологи предрекали человечеству эсхатологическую битву рыб, а затем полное обновление мира. Воинствующее антихристианство Марины и перевернутое распятие в углу ее дивана (наблюдение А. Эткинда [5. С. 507]) не позволяют ошибиться в том, какого рода рыба пытается подчинить своему влиянию Русьгород.

«Водяные знаки» составляют лишь малую часть символики «Самгина», но и приведенных примеров достаточно, чтобы заметить ее системность. А это в свою очередь позволяет думать, что иносказание – ключ ко многим загадкам горьковского романа-завещания [11].

Литература

1. Соколов М.Н. Рыба // Мифы народов мира. В 2 т. М., 2000. Т. 2. С. 393.
2. Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения в 25 т. М., 1974. Т. 16. С. 123–124, 126. Далее указ. только том и стр.
3. Горький М. Полн. собр. соч. Письма в 24 томах. М., 2003. Т. 10. С. 9.
4. Борисова Л. «Двоеточие», «колокол», «нить», или Клим Самгин как аллегория // Вопросы литературы. 2015. № 2.
5. Эткинд А. Хлыст (Секты, литература и революция). М., 1998.
6. Аверинцев С.С. Вода // Мифы народов мира. В 2 т. М., 2000. Т. 1. С. 240.
7. Николаев Ю. В поисках Божества. К., 1995. С. 36–37.
8. Гермес Трисмегист и герметическая традиция Востока и Запада. К. – М., 2001. С. 14, 16–17.
9. Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991. С. 109.
10. Юнг К.Г. Эон: Исследования о символике самости. М., 2009. С. 103.
11. Борисова Л.М. Иносказание в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина» // Русская речь. 2014. № 1.

*Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского*

Роль художественного текста в «защитительных речах» С.А. Андреевского

© А.А. КОЖИН,

доктор филологических наук

В своих защитительных речах выдающийся русский адвокат С.А. Андреевский использовал художественные тексты и имена литературных персонажей в качестве конструктивного элемента, а также средства убеждения суда присяжных. Считая защитника «говорящим писателем», он применял литературно-художественные приемы для характеристики своих подзащитных и выяснения внутренних причин преступления.

Ключевые слова: художественный текст, литературный персонаж, ораторская речь, защитительная речь.

In his defensive speeches the outstanding russian lawyer S.A. Andreyevski used literary texts and names of literary characters as a constructive element and a persuasive mean for the common juri. Considering the defender to be a «speaking writer», he used literary methods for characterization of defendants and for clarification of internal reasons of the crime.

Key words: literary text, literary character, oratorial speech, defensive speech.

Судебной реформой 1864 года в России был учрежден институт присяжных поверенных. Гласность, публичность, состязательность обвинительной стороны и защиты, присутствие на суде выборных присяжных вызвали широкий общественный резонанс. Судебные слушания, в которых принимали участие выдающиеся ораторы (Андреевский, Карабчевский, Кони, Плевако и др.), привлекали внимание не только представителей прессы, но и литераторов, театральных деятелей.

В то время крупные уголовные процессы являлись своего рода развлечением, похожим на театр, в котором речи судебных ораторов

воспринимались как монологи главных героев, влиявших на судьбы обвиняемых и подзащитных, а также на развитие всей «пьесы».

Адвокаты, принимавшие участие в разбирательстве громких уголовных дел, всегда помнили о том, что впечатление, произведенное защитительной речью на суд присяжных и публику, неизбежно отразится на их профессиональной репутации и дальнейшей практике. Именно поэтому работа «на публику» для многих обвинителей и защитников была обязательной частью выступления в суде.

«Своеобразие судебного красноречия определялось самими условиями, в которых оказывались во время судебного процесса обе стороны: и обвинение, и защита. Во время допроса обвиняемых и свидетелей, а также заявлений и выступлений адвокатов постоянно возникали новые ситуации, обнаруживались новые материалы и факты. Все это ставило судебных ораторов перед необходимостью отказа от чтения заранее написанных речей. Они должны были все время иметь дело с живой устной речью, а это побуждало осваивать и развивать речевую культуру, уметь в совершенстве владеть языком, быть красноречивым, находчивым и убедительным» [1].

Сергей Аркадьевич Андреевский (1847–1918) был известен как блестящий оратор по уголовным делам. О нем знали не только в России, но и за ее пределами. В 1869 году он окончил юридический факультет Харьковского университета и стал кандидатом на должность при прокуроре Харьковской судебной палаты, был следователем в городе Карачеве Брянской области, товарищем прокурора Казанского окружного суда.

Результатом знакомства и совместной работы с А.Ф. Кони явилось назначение в 1873 году Андреевского на должность товарища прокурора Петербургского окружного суда. Уже тогда он проявил себя талантливым судебным оратором, однако в 1878 году за отказ выступить в качестве обвинителя по делу В.И. Засулич был вынужден уйти в отставку.

А.Ф. Кони помог ему найти место юрисконсульта в одном из банков Петербурга. В том же году он занялся адвокатской деятельностью.

Самобытность Андреевского как адвоката заключалась в том, что в основе защитительной речи находились личность преступника, условия его жизни и внутренние мотивы преступления. Психологический анализ поступков подзащитного выглядел ярко и убедительно. Андреевского можно по праву назвать виртуозом психологической защиты.

Один из организаторов русской дореволюционной адвокатуры К.К. Арсеньев считал, что судебные речи «одной своей стороной соприкасаются с общественной психологией, другой — с областью искусства. Содержание их знакомит с темными сторонами народной жизни, раскрывает несовершенство существующих порядков, обнаруживает

общие и частные причины преступлений, а их форма – при известной степени и известном свойстве ораторского таланта – приближает их к произведениям так называемой изящной литературы» [2].

Источником ярких образных речевых средств, которые использовали видные русские судебные ораторы второй половины XIX века, были художественные произведения.

Строя судебную речь, Андреевский часто обращался к литературно-художественным приемам. Считая ораторскую речь искусством, защитника он называл «говорящим писателем»: «Уголовная защита, прежде всего, не научная специальность, а искусство, такое же независимое и творческое, как все прочие искусства <...> Художественная литература, с ее великим раскрытием души человеческой, должна сделаться основною учительницей уголовных адвокатов <...> И я решил говорить с присяжными, как говорят с публикой наши писатели. Я нашел, что простые, глубокие, искренние и правдивые приемы нашей литературы в оценке жизни следует перенести в суд» [3].

Нередко описание фактического материала в судебных речах Андреевского напоминает манеру авторов художественных текстов, а подзащитные сравниваются с известными литературными героями.

Так, например, слесарю Пороховых заводов А.Г. Иванову было предъявлено обвинение в том, что 18 февраля 1891 года он умышленно, но без заранее обдуманного намерения лишил жизни свою невесту А.А. Назаренко (Дело Иванова). Андреевскому как защитнику необходимо было изменить отношение присяжных к преступнику и переквалифицировать деяние подзащитного: заменить формулировку «умышленное убийство» на «совершено в состоянии запальчивости и раздражения, повлекших невозможность управлять своими действиями».

Ссылки на литературные произведения и их создателей выступают в этом деле одним из способов отстаивания позиции судебного оратора: «Любовь была для этого человека [Иванова] чем-то величайшим на свете. <...> Для многих людей нашего времени любовь является тем же самым. Французский поэт Ришпен где-то сказал очень метко: “Наши отцы любили, как кролики; мы любим, как змеи”. Наша любовь – это какая-то адская смесь острой водки и святой воды. Да, может быть, “острой водки”, то есть вожделения, страсти, но зато и – “святой воды”, то есть искание какого-то идеала. Или, как, еще лучше, говорит наш Достоевский: “Слишком много загадок угнетают на земле человека. Разгадывай, как знаешь, и вылезай сухой из воды. Красота! Перенести я притом не могу, что иной, высший человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его, и воистину, воистину горит, как и в юные, беспорочные годы”» (Дело Иванова) [4. С. 154–155].

Известный литературный персонаж – это своеобразный характерологический знак, оригинальное средство создания образно-оценочной параллели: «Личность подсудимого глубоко поучительна. <...> Он будто целиком взят из самых странных романов нашей эпохи: в нем есть и карамазовская кровь, есть большое сходство с Позднышевым из “Крейцеровой сонаты”, он отчасти сродни и много думающим жуирам, постоянно изображаемым французскими писателями. Сама его фамилия “Иванов”, подобно заглавию чеховской комедии, будто хочет сказать нам, что таких людей много расплодилось в наше время» [Там же. С. 150].

Дело А.Г. Иванова слушалось в Петербурге в 1891 году. В том же году была опубликована «Крейцера соната» Л.Н. Толстого, которая вызвала исключительный интерес у читателей. Писатель проводил мысль о том, что преступление, совершенное его героем (Позднышевым), было спровоцировано причинами социально-нравственного характера.

31 января 1889 года состоялась премьера пьесы А.П. Чехова «Иванов». По мнению прессы, она «возбудила наибольший интерес во весь текущий сезон», «произвела переполох в театральном и литературном мире» [5]. В рецензиях отмечалось собирательное значение образа Иванова, которого называли «больным продуктом нашего нервного времени». В пьесе Чехова сближались признаки заболевания социального и нравственного, что возрождало в памяти известные слова тургеневского Базарова: «<...> нравственные болезни происходят от дурного воспитания, от всяких пустяков, которыми сызмала набивают людские головы, от безобразного состояния общества, одним словом. Исправьте общество и болезней не будет» [6].

Андреевский, апеллируя к известным литературным произведениям и их персонажам, смягчал вину своих подзащитных, перекладывал ее на общественные устои. «В слезах своих Иванов вылил из души навсегда последние трепетания своего обманчивого и обманутого чувства к Насте. Теперь он более не жалел ее. Он в этом случае точь-в-точь напоминает толстовского Позднышева из “Крейцеровой сонаты”. Ни к себе, ни к убитой он не испытывает особенной жалости. <...> И он не столько занят собой и своей жертвой, сколько мучается над вопросом: из-за чего и почему все это так безотрадно нелепо складывается в его жизни? Из-за чего, например, вот он теперь погиб?..»

Конечно, он погиб из-за любовной страсти, из-за того чувства, которое так часто и громко заявляет о себе в процессах и над которым так мучительно думал Толстой, когда писал свою “Крейцерову сонату”. К чему же пришел знаменитый писатель? Он нашел, что единственное средство избежать бедствий и преступлений от любви – это совершенно и навсегда отказаться мужчинам от женщин. Легко ли сказать? Единственное возможное средство, и то – невозможное. Значит, дело не

так просто. <... > Не глубже ли сказал Пушкин: “и всюду страсти роковые, и от судеб защиты нет!”» [4. С. 162–163].

Мир литературных персонажей использовался Андреевским и для оценок различных этапов судебного разбирательства: «Если же в настоящем деле эксперты вторили обвинению, то произошло это по очень странной причине, они давали свое заключение, вдоволь начитавшись об уликах. <...> В таком случае эксперт попадает в рабство к своему собственному предустановленному взгляду, который затем помыкает им точно так же, как принц Гамлет помыкал министром Полонием. Принц говорит: “Видишь это облако? Точно верблюд”. Министр отвечает: “Клянусь, совершенный верблюд. Или хорек! Спина как у хорька... Или как у кита? Совершенный кит”. То же самое и здесь» (Дело о краже изумрудной брошки) [Там же. С. 172].

Литературные персонажи не только упоминаются Андреевским, но и на время «оживают» перед публикой и присяжными, давая собственную оценку происходящему: «Ровно через месяц и один день после убийства следователь получает известие, что в полицию явилась какая-то молодая, прилично одетая женщина <...> и созналась в убийстве <...> Что бы сказал себе, получив это известие, знаменитый следователь Порфирий – идеальный следователь Достоевского? Он сказал бы: “Наконец-то! Я знал, что отсюда получится свет... Я был уверен, что это дело может разъяснить только какая-то женщина, исчезнувшая из-под глаз полиции. Она будет долго кружить вокруг да около и прятаться, но ее будет тянуть – к нам, – и она придет. Она пришла. Так и быть должно. Теперь мы все непонятное постигнем”... Вот что бы он сказал» (Дело Мироновича) [4. С. 198].

Однако не все ораторы считали целесообразным обращение в судебной речи к художественным произведениям и их героям. Так, мастер судебного красноречия П.С. Пороховщиков полагал, что отрывки из литературных произведений, ссылки на героев популярных романов неуместны в серьезном выступлении на суде.

Особенно возражал он против упоминания авторов художественных текстов: «Берите примеры из литературы, берите их сколько угодно, если они нужны; но никогда не говорите, что взяли их из книги. Не называйте ни Толстого, ни Достоевского; говорите от себя <...> Если и была нужна эта общая мысль, то она потеряла силу в этих именных вставках» [7. С. 32].

Некоторые русские юристы увлекались литературным творчеством. Перу Н.П. Карабчевского принадлежат прозаические и поэтические произведения, вошедшие в сборник «Поднятая завеса». А.Ф. Кони – автор очерков и воспоминаний «На жизненном пути». В.Д. Спасович – это не только блестящий адвокат, но также литератор, критик и публицист. Его литературно-публицистические статьи посвящены творчеству русских и зарубежных авторов: Пушкина, Лермонтова, Байрона, Гете,

Шиллера, Шекспира. Маститый адвокат А.И. Урусов, названный Андреевским «создателем литературного языка защитительной речи», сотрудничал в «Библиотеке для чтения», «Русских ведомостях».

В 1881 году были напечатаны критические статьи Андреевского о творчестве Лермонтова, Некрасова, Тургенева, Достоевского, Гаршина. Затем в свет вышли два сборника лирических стихотворений и поэм (1886 и 1898 годы).

Внимательно следил Андреевский за эволюцией творчества А.П. Чехова, с которым неоднократно встречался. В рецензии на сборник «Повести и рассказы», опубликованный в 1894 году, критик замечает, что в его авторе «все видят общепризнанного наследного принца наших крупных писателей» [8].

В статье «Театр молодого века» Андреевский пришел к выводу, что пьесы Чехова – «совершенно новое явление в драматической литературе», поскольку царящая в них тоска жизни предстает единственным драматическим элементом, а драмы «ни в смысле напряженного действия, ни в смысле назревающей и неизбежной катастрофы» в них нет.

Нарушение законов драматургии критик видел и в том, что Чехов постепенно переходит к изображению на сцене повседневной жизни простых людей. Андреевский отмечал: «<...> большинство современных драматургов уже избегают в своих пьесах крикливых, героических фигур и преимущественно занимаются жизнью “сереньких” людей» [9].

Чехов ценил мнение Андреевского как литературного критика. Так, в декабре 1888 года он писал А.П. Ленскому: «В понедельник я читаю в Литературном обществе свой новый рассказ [Припадок – А.К.]. Прения будут интересные. Придется ставить свою шею под удары таких неотразимых диалектиков, как адвокаты Андреевский и кн. Урусов. Впрочем, с нами бог!» [10].

Писатель изучал речи лучших адвокатов, обращая при этом внимание на художественный и содержательный аспекты выступлений. В письме к Андреевскому от 21 декабря 1891 года он отмечал: «Для меня речи таких юристов, как Вы, Кони и др. представляют двоякий интерес: в них я ищу, во-первых, художественных достоинств, искусства и, во-вторых, того, что имеет научное или судебно-практическое значение. Ваша речь по поводу юнкера, убившего своего товарища, это – вещь удивительная по грациозности, простоте и картинности: люди живые, и я даже дно оврага вижу» [11].

Писатель, публицист и философ В.В. Розанов в газете «Новое время» от 27. 09. 1903 года опубликовал статью «С.А. Андреевский как критик», в которой, сопоставив Андреевского с юристами-литераторами А.Ф. Кони и В.Д. Спасовичем, пришел к заключению, что Андреевский «более интимно и более глубоко вошел в литературу», хотя не был «наиболее литературно-талантливым» из них.

Статья Розанова содержала анализ литературно-критических очерков Андреевского, в основе которых были его выступления в Литературно-драматическом обществе (Я.П. Полонский, К.К. Случевский и др.). Эти материалы вошли впоследствии в сборник «Литературные очерки» [ранние издания публиковались под названием «Литературные чтения» — А.К.].

Особенно понравилась Розанову характеристика творчества М.Ю. Лермонтова, которую «можно счесть одною из лучших во всей нашей литературе <...> Никто не сказал, что “связь с сверхчувственным у Лермонтова есть самая главная черта и что ясностью этой связи он превосходит всех поэтов всемирной литературы”».

Однако, давая высокую оценку литературно-критического труда, Розанов видел и слабые стороны исследования. Андреевский, по мнению Розанова, навсегда останется «другом» других, а не самим собою; не писателем, а «другом» — критиком, который говорит чрезвычайно занимательно и поучительно о других писателях, «но не возбуждает вас собою, не приковывает к самому себе» [12].

В произведении «Мимолетное. 1914 год» Розанов так описывает своего приятеля: «Вошел Андреевский (критик и присяжный поверенный) и рассыпался. Остроты, mots <словечки> и всякое изящество. Старый русский барин, образованный человек, адвокат, “больше не занимающийся практикой”, писатель и человек с состоянием <...> Когда Андреевский играет и острит, все должны молчать. До того он изящен» [13].

Как опытный адвокат, Андреевский помог Розанову защитить в Петербургской судебной палате права писателя на опубликование книги «Русская церковь. Дух. Салуба. Ничтожество и очарование. Главный вопрос». На этот труд был наложен цензурный арест за «богохуление и поношение предметов веры, с целью произвести соблазн». В апелляционной жалобе Андреевский доказывал, что у Розанова «всюду сквозит отчаянная попытка спасти христианство, очистив его от софистических толкований, и приблизить Церковь к жизни». 14 октября 1910 г. арест был снят.

В заключение следует сказать, что не только яркими образами привлекала русских судебных ораторов художественная литература. «Чтобы быть настоящим обвинителем или защитником на суде, надо уметь говорить», — утверждал П.С. Пороховщиков [7. С. 14].

Защитительные речи П.А. Александрова, С.А. Андреевского, К.К. Арсеньева, В.И. Жуковского, Н.П. Карабчевского, Ф.Н. Плевако, В.Д. Спасовича, А.И. Урусова, А.Ф. Кони свидетельствовали о свободном владении выдающимися представителями русского судебного красноречия выразительными ресурсами литературного языка, экспрессивные возможности которого во второй половине XIX века существенно расширились.

В художественных текстах этого времени эстетически мотивируемое освоение изобразительного потенциала книжного, научного,

публицистического, разговорно-просторечного, диалектного, профессионального и даже жаргонного слова стало предметом творческих пристрастий писателей и публицистов.

Мастера художественного слова перемещали жанровые границы русского реализма, активно вели поиски новых форм выражения, обогащали изобразительные возможности литературной речи. Вот почему известные теоретики ораторского искусства (А.И. Галич, И.И. Давыдов, А. Данский) настойчиво призывали к использованию речевых средств, употреблявшихся в произведениях «образцовых писателей», рассматривая тем самым литературный язык как эталон, как воплощение речевой культуры.

Защитительным речам Андреевского, хорошо знавшего русскую литературу, были присущи стройность композиции, простота и ясность изложения. Оригинальная литературная обработка фактического материала, образность и лексическое богатство слога, меткие сравнения, красота повествования, соединенные с анализом психологии подзащитного, наделяли его судебные речи чертами произведений изящной словесности, имевших несомненную художественную составляющую.

Литература

1. *Ефимов А.И.* История русского литературного языка. 2-е изд., исправ. и дополн. М., 1967. С. 309.
2. Вестник Европы: Журнал науки, политики и литературы. СПб., 1891. № 6. С. 779-780.
3. *Андреевский С.А.* Драмы жизни. Защитительные речи. / 5-е изд. Петроград, 1916. С. 4-5.
4. Судебные речи известных русских юристов: Сборник / Сост. Е.М. Ворожейкин. / 2-е изд., исправл. и дополн. М., 1957.
5. Неделя. 1889. № 11 от 12. 03; Одесский листок. 1889. № 80 от 24. 03.
6. *Тургенев И.С.* Сочинения. В 12 т. М., 1981. Т. 7. С. 79.
7. *Сергеич П.* Искусство речи на суде. М., 1988.
8. *Андреевский С.* Новая книжка рассказов Чехова // Новое время: ежедневная политическая и литературная газета. СПб., 1895. № 6784. 17 января.
9. *Андреевский С.А.* Литературные очерки. / 3-е изд. СПб., 1902. С. 470-471, 492.
10. *Чехов А.П.* Сочинения. В 18 т. М., 1985. Т. 7. С. 662.
11. *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем. В 20 т. М., 1949. Т. 15. С. 229-230.
12. Розановская энциклопедия. М., 2008. С. 72-74.
13. *Розанов В.В.* Собр. соч. В 30 т. М., 1997. Т. 8. С. 592.

Концепт «фатум» в эпопее А.И. Солженицына «Красное Колесо»

© Н.М. ШЕДРИНА,
доктор филологических наук

В статье рассматривается роль концепта «фатум» в картине мира «Красного Колеса» А. Солженицына на примере характеров и поступков исторических лиц: Императора Николая II, генерала Самсонова и главы правительства Столыпина.

Ключевые слова: А. Солженицын, фатум, судьба, рок, свобода, катастрофа.

In this article the role of the concept of destiny in the world view of A. Solzhenitsyn's «The Red Wheel» is analyzed. The characters and actions of historical characters, such as: Emperor Nicholas II, general Samsonov and Prime Minister Stolypin, are considered as an example.

Key words: A. Solzhenitsyn, destiny, fate, freedom, catastrophe.

«Красное Колесо» (1937, 1969–1990) А. Солженицына – величайшее творение XX века, к которому современные исследователи только ищут адекватные самому произведению подходы. Оно имеет эпическую структуру, построенную по принципу мотивного и лейтмотивного повествования, которое можно рассматривать как «образ мира», как область когнитивного исследования. Для его постижения необходим инструментарий не только филологической науки, но и психологии, философии, истории.

«Фатум» как слово в тексте «Красного Колеса» не употребляется, но в историософии А. Солженицына «фатум»-концепт играет большую роль. Д. С. Лихачев, характеризуя концепт, считал, что «у каждого человека есть свой круг ассоциаций, связанных с оттенками значения того или иного слова, которые реализуются в потенциальных возможностях

концепта» [1]. Писатель такого масштаба, как Солженицын, через авторское видение постигает глубинный смысл концепта «фатум», интерпретируя и раскрывая его на судьбах героев, соотнося с понятиями, максимально приближенными к кругу концепта «фатум»: участь, доля, судьба, несчастье; роковой, неизбежный, неотвратимый.

П. Флоренский указывает на происхождение слова «*Fatum*» в латинском языке от корня «*fa*», обозначающего «говорить», следовательно, это нечто изреченное. Религиозный мыслитель ведет происхождение слова «рок» от глагола «реши»; по его мнению, «рок — это изречение» [2]. Философ обращает внимание на присутствие в этом слове «особого божественного», одаряющего, но и разрушительного понятий: «*Fata* — божество смерти» [3].

Солженицыну близка такая трактовка, но он как писатель рассматривает «*fatum*» не только как участь отдельного человека, но и целых народов. Свою концепцию он разрабатывает в «Архипелаге ГУЛАГе», «Раковом корпусе» и в романе «В круге первом». Самый развернутый смысл «фатум» приобретает в судьбах исторических личностей, окрашенных в фаталистические тона. В «Красном Колесе» они наделены зачастую способностью управлять ситуацией, но в то же время в них заложена всеохватывающая непреложная предопределенность.

В основе «фатализма» А. Солженицына лежит глубинное онтологическое противоречие, вытекающее из неразрешимой антиномичности двух видений: открытости истории делаемой и необратимости истории свершившейся.

Обратимся к примерам. «Красное Колесо» начинается с глубочайшей трагедии, разыгрывающейся в «Августе Четырнадцатого», — катастрофическом поражении русской армии при Танненберге и ретроспективном повествовании об убийстве премьер-министра Столыпина тремя годами раньше. По мысли Солженицына, эти два события подтолкнули Россию к обвалу семнадцатого года.

Личность генерала Самсонова в первом «узле» своей трагедией как бы «закрывает» все пространство войны. Судьба армии становится его судьбой. А писатель через концепт «фатум» дает читателю почувствовать, что пережил человек, волею судьбы ставший главным «героем» исторической катастрофы.

Обращаясь к внутреннему миру Самсонова, Солженицын ставит перед собой задачу выявить причины, побудившие доблестного генерала к самоубийству, логически проследить последовательность мыслей, приведших его к безвыходности.

И хотя писателя обвиняли в субъективности изображения самсоновской операции [4], полагая, что это выгодно Германии, а не России, все-таки надо отдать должное мужеству Солженицына, так емко раскрытому перед читателем эту личность. Единство, слитность

Самсонова с армией и народом определяется, по мысли автора, «вечной неготовностью» государства к войне: мирные люди избегают ее, государственные мужи интригански втягивают страну в катастрофу. Это трагедия едва ли не всей мировой истории и едва ли не каждой личности.

Неотвратимость катастрофы усиливается поражением армии. Генерал видит и знает, как спасти положение, но связан по рукам и ногам теми, кто находится над ним. «Самсонов ощущал, что делает не так. Верней – чего-то нужного не делает, а не мог схватить – чего, не мог прорваться через пелену» [5. Т. 7. С. 277], – передает его внутреннее состояние автор.

Офицер Георгий Воротынцев, приехавший на позиции Второй армии из штаба, замечает на лице генерала «отродную обреченность»: «это был агнец семипудовый! Поглядывая чуть выше, чуть выше себя, он так и ждал себе сверху большей дубины в свой выкаченный подставленный лоб. Всю жизнь, может быть, ждал, ждал, сам не зная, а в сии минуты уже был вполне представлен» [Там же. С. 389]. Самсонов избирает для себя жертвенный путь «искупительного идола».

Осознавая тупиковую ситуацию, в которой оказалась армия, Самсонов решает добровольно уйти из жизни. По мнению писателя, вся добрая старая Русь гибнет вместе с ним. Перед самоубийством, раскрытом Солженицыным с психологической глубиной, Самсонов вспоминает «куропаткинские колебания» во время русско-японской войны, «diehochteZeit» Наполеона в горящей Москве и августовские «соборные службы» в Новочеркасске, где он особо ощутил свою «слитность с Войском Донским». А затем следует молитва и сон Самсонова на Успенский день, прощание с армией под Орлау, скитание его по Грюнфлисскому лесу (снятие погон и орденов как сакральное действие, он как «золотой идол», «искупительный идол», затем «жернов неугасимый»).

Перед выстрелом он молится на единственную малую звездочку, свещающую ему в тумане: «Господи! Если можешь, – прости меня и прими меня. Ты видишь: ничего я не мог иначе, и ничего не могу» [Там же. С. 419. Курсив здесь и далее наш. – *Н.Ш.*]. Так и старая Россия утратила связь с ходом небесных святил, и мерцает ей, может быть, какая-нибудь одна неизвестная забытая звезда.

Концепт «фатум» дробится на множество составляющих: бесплодность усилий, тяжесть ответственности, невыносимость бремени истории, неизбежность, единственность именно такого земного конца.

Отречение от жизни Самсонова и отречение от престола Николая II – узловые точки эпопеи «Красное Колесо». В личности Государя Солженицын соединил его предназначение с концептом «фатума». Фатум положен автором в основу ретроспективной 74-й главы, в которой уже предречено будущее императора: женитьба на внучке английской королевы Виктории, Алисе Гессенской, принесшей наследственное

заболевание гемофилию. Введенные в текст главы документы, письма, дневниковые записи способствуют формированию облика Николая II. Он изображен верующим, добрым человеком, прекрасным семьянином. Его характер привлекателен даже слабостью. Но автор суров к своему герою, он хочет видеть Государя сильным, он ждет от него «движений властных и беспрекословных», а они «не рождались». Фаталистические настроения не покидают его: «От самого первого дня короны он *застигнут состоянием* недоумения и так и *плыл в нем*» [Т. 8. С. 330].

Но нерешительность Государя проистекала не только от безволия, но и от тревоги за Россию. Писатель заостряет внимание на том, что главная черта христианского мировоззрения Николая II – твердая вера в то, что все предопределено в мире Богом. С этой мыслью Николай Романов пришел к власти, записав в дневнике 21 декабря 1890 года: «Все в воле Божьей, уповая на его милосердие, я спокойно и покорно смотрю в будущее». Отрекшись от трона, он скажет: «Значит такова воля Божья». Пройдя через нравственную боль, мучительный стыд, внезапный арест, предательство, Государь ощутит свое «бессильное, безвластное положение».

Характеризуя поведение Николая II, утратившего радость жизни, анализируя отношение к нему окружающих как во время прощания с офицерами и солдатами Ставки, так и во время отречения, Солженицын несколько раз употребит слово «покойник». «Что была ему эта вся власть? – думает Государь, – разве когда-нибудь она служила ему источником радости? Всегда только в тягость.< ...> В том и был весь смысл его отречения, чтобы поскорей наступил *покой* в русских сердцах и по лику Руси. Если бы покой не воцарился – то, значит, он отрекся зря < ...> Что он отдал власть в государстве – уже нисколько не шемило его. Главное – он не примирился ни с чем, чему противится совесть.

Ничтожны мы все перед Богом – и бессильны перед мировыми событиями» [Т. 13. С. 548–549]. И Россия становится для Государя пустым пространством, парализующим его.

Концепт «фатум» восходит в этой ситуации к кенозису [6], к отказу от своих привилегий и возврату к первоначальной человеческой сущности. Отрешившись от своего долга Государя, отрешившись во имя спасения близких, за мгновение до смерти Николай узнает, что семья погибнет вместе с ним. Отречение его от власти для автора романа уже не является роковой случайностью: оно выросло из долгой череды обстоятельств.

Исторические герои «Красного Колеса» Самсонов, Николай II и Столыпин объединены концептом «фатума». Биографическое время [7] главы правительства охватывает все пространство романа значительностью преобразовательных идей. Концептосфера способствует их раскрытию.

В «Августе Четырнадцатого» личности Столыпина посвящена специальная биографическая 65-я глава. В ней последовательно, шаг за шагом,

начиная с рождения и кончая убийством, дана эволюция взглядов будущего государственного деятеля, его борьба с Думой за осуществление реформ, особенно земельной.

Впервые после отмены крепостного права Столыпиным принимались меры в пользу крестьянского землепользования. Он получил царскую подпись на указе о гражданском равноправии крестьян 5 октября 1906 года, по мнению Солженицына, «самом полном, связном стройном плане переукладки России, когда-либо высказанном в нашей стране» [Т. 8. С. 171].

В «Красном Колесе» писатель раскрыл борьбу Столыпина за осуществление реформ и те препятствия, которые вставали на пути. В романе использованы фрагменты его речи, произнесенной в третьей Думе в ноябре 1907 года, в которой прозвучали призывы: «Земля – это Россия!» [Там же. С. 190], «поднять крестьянскую Россию»; силу для реформ надо «черпать в развитии земщины и ... самоуправления ... на низах крепких людей земли» [Там же. С. 183. Курсив автора]. Естественно, что такой смелый поворот не мог не встретить сопротивления. Солженицын приводит выступление недовольных кадетов: Родичева, Пуришкевича, Маклакова и других, характеризует реакцию высших «сфер», «двора», к которым Столыпин не принадлежал, потому что «служил – России, а не петербургскому озеру влияний» [Там же. С. 193].

Думцы подталкивали его к отставке. Он на нее не пошел, а поставил перед Николаем II вопрос о подписании закона о земле в трехдневный период роспуска Думы, что было нарушением конституции. В то же время ее 87-я статья позволяла Государю в отсутствие законодательных учреждений принять закон о земстве. Это и было предпринято 11 марта. Но Столыпин недооценил Думу. В романе воссоздана трагическая для него ситуация, когда подписанный царем закон не был утвержден. Повествователь сочувствует поражению героя: «Не всякому даже в жизни раз достается такой день публичного позорища, медленной казни <...> Со всех сторон череда несдерживаемых оскорблений – и вдруг пошатывается наша, никогда не шатавшаяся уверенность. Удар за ударом, попадая в нас, размягчают нашу стойкость <...> Не то что не стоило класть голову за этот закон, но может быть ты и раньше – видел не так?» [Там же. С. 214].

Голосование по земельной реформе, по детищу Столыпина, было отрицательным. Отвергнутый Думой, Государем, который после голосования «овраждебнел» к нему, он продолжал бороться за новую обширную программу, подготовленную в мае 1911 года. Она касалась всех сфер русской жизни, в том числе и внешней политики. «Линия Столыпина стала кристаллизующим стержнем» [Там же. С. 199], – итожит писатель и сравнивает начатое дело с реформами Петра I.

Концепт «фатум», связанный с образом Столыпина, в отличие от Самсонова и Николая II, созидательный, связанный с активностью реформаторской мысли, поиском истины, ценностной шкалы, где роль человека рассматривается в ее единственности и неповторимости. Но и его гибель была предрешена. Над Столыпиным нависал рок: выстрел убийцы Богрова оборвал его жизнь.

Концепт «фатум» в «Красном Колесе» Солженицына приобретает характер всеобщности. Автор раскрывает судьбы исторических лиц, а мысли его о России, ее фатуме, «русском фатуме».

Литература

1. *Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка // Русская словесность. М., 1997. С. 281.
2. *Флоренский П. А.* У водоразделов мысли. Соч. М., 1990. Т. 2. Ч. 1. С. 447.
3. *Флоренский П. А.* Столп и утверждение истины. Соч. М., 1999. Т. 7. Ч. 2. С. 490.
4. «Август Четырнадцатого» читают на родине. Paris, 1973. С. 46.
5. *Солженицын А. И.* Собр. соч. В 30 т. М., 2006–2009. Далее указ. только том и стр.
6. *Клеофастова Т. В.* Художественный космос эпопеи Александра Солженицына «Красное Колесо». Киев, 1999. С. 91.
7. *Щедрин Н. М.* Функции хронотопа в романе А. Солженицына «Красное Колесо» // Поэтика русской прозы XX века: Межвузовский научн. сб-к. Башкирский университет. Уфа, 1995. С. 92.

Московский государственный областной университет

«Чужое слово» в поэзии Сергея Гандлевского

© Л.Л. БЕЛЬСКАЯ,
доктор филологических наук

В статье рассматриваются поэтические цитаты, реминисценции, идиомы в стихотворениях современного поэта С. Гандлевского.

Ключевые слова: стихотворение, пародия, ирония, цитата, реминисценция, идиома.

The article deals with poetic quotations, allusions, idioms in poems modern poet Sergey Gandlevsky.

Key words: poem, parody, irony, quotation, idiom.

В современной русской поэзии мы наблюдаем стремление к пересмотру и разрушению традиционных канонов, в том числе свободное обращение с «чужими» текстами – литературными цитатами, фольклорными формулами, устойчивыми речевыми оборотами. Такое взаимодействие одного текста с другими, включающее в себя цитирование, заимствование, подражание, отталкивание, полемику, пародирование, структуралисты назвали интертекстуальностью (см. работы И. Смирнова, Ю. Лотмана, М. Гаспарова, А. Жолковского, Ю. Щеглова и др.). Многообразие межтекстовых связей – от цитации до реминисценций и аллюзий – характерно для постмодернистской поэтики.

Такие связи свойственны поэтическому стилю Сергея Гандлевского, который начинал свой творческий путь в 70-е годы как поэт андеграунда, участник групп «Московское время» и «Альманах» (вместе с А. Сопровским, Б. Кенжеевым, А. Цветковым, Д. Приговым, Т. Кибиловым). Примечательно, что в эти годы молодой стихотворец (в отличие от большинства начинающих авторов) категорически отказывался от привычных поэтизмов и в поисках художественной самобытности старался придумывать оригинальные образы – эпитеты, сравнения, метафоры: «исковерканная тишина», «детей косноязычная орда»; «как поплавок, дрожит и тонет сердце», «сиделкою душа спала на стуле»; «твердая го-рошина разлуки», «рвутся звенья кургузой памяти людской».

В зрелом творчестве, с 80-х годов, Гандлевский перестал избегать «чужих» текстов, и в его стихах все чаще появляются ссылки на классические произведения, причем обычно в ироническом и пародийном ключе. Одной из первых была лермонтовская строка «Когда волнуется желтеющая нива...» с заменой «нивы» на «пиво». А вслед за ней приводятся шекспировские «слова, слова, слова», почти пушкинская «наперсница душа» (у Пушкина «наперсница души моей больной»); намек на «другого» из Лермонтова («уже не я — другой», ср. лермонтовское «я не Байрон, я — другой») и перелицовка мандельштамовской фразы вместо «слово» — «снова»: «Я снова позабыл, что я хотел сказать» («Когда волнуется желтеющее пиво...», 1979).

Поэт редко пользуется точными цитатами, как и кавычками, и при этом переиначивает смысл «чужого слова», давая его продолжение и свое истолкование («отсебятину»). Так, за есенинской строчкой «Не жалею, не зову, не плачу» идет усиление отрицания — «Не кричу, не требую суда», и взамен элегических воспоминаний о молодости следует трезвая констатация факта: «Жизнь сложилась раз и навсегда». А заявление Мандельштама «Еще далеко мне до патриарха» из атмосферы философских раздумий о жизни в «полупочтенном возрасте» погружается в единичную житейскую ситуацию с шутливой окраской: «Еще не время, заявляясь в гости, / Пугать подростков выморочным басом...». И тут возникает вопрос, переносящий нас совсем в иную эпоху: «Давно ли на руках тебя носил?». Помните восклицания родни Татьяны Лариной из «Евгения Онегина»: «Давно ль / Я, кажется, тебя крестила? / А я так на руки брала! / А я так за уши драла!»? А кто не узнает того, кто «над каким-то золотом чахнет», или того, кто «на ножки поднялся, в дно головкой уперся, / Поднатужился, чтоб разом смерть была, да вышла вся!»?

Даже обращаясь к прямому цитированию, Гандлевский приводит чаще всего не целое предложение или строку (как в предыдущих случаях), а лишь отрывок, «осколок». Из известного стихотворения К. Симонова «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины?» берутся первые три слова и переводятся из трагического контекста в комический: «Хватишь лишку и Симонову в унисон / Знай бубнишь помаленьку: “Ты помнишь, Алеша?”». От патетического утверждения Пушкина «Ты царь. Живи один. Дорогою свободной / Иди, куда влечет тебя свободный ум» остается только «Ты царь» (с ремаркой «цитирую»), а дальше пушкинский пафос снижается: «Вольно поэту / Над вымыслом возлюбленным корпеть...» (у Пушкина «Над вымыслом слезами обольюсь»), и возвышенный эпитет контрастирует с просторечным глаголом. Или сокращается и пародируется блоковский зачин «Ночь, улица, фонарь, аптека» — «Аптека, очередь, фонарь / Под глазом бабы». Затем с сочувствием описана эта баба, которую обманывают «родня, любовники, мужья». И вдруг буквальная цитата из «Евгения Онегина» (слова Татьяны): «Сегодня

очередь моя», как будто автор издевается и над собой, и над читательскими ожиданиями.

Порой точная цитация превращается в «точечную». Заглавие повести Лескова «перемещается» на папиросную коробку: «Очарованный странник на пачке “Памира”». «Возлюбленная тень» Пушкина (у Гандлевского «тени») становится «массовиками-затейниками». В перечислении «Вот Лорелея и Россия. Вот Лета» мы узнаем предсмертные мысли декабриста из одноименного стихотворения Мандельштама – «Все перепуталось, и сладко повторять: / Россия, Лета, Лорелея». Но для нашего современника это – воображаемое путешествие, и потому оно кончается «обознатушками» и «перепрятушками». Да и весь этот текст переполнен ассоциациями. Автор то сравнивает себя с Онегиным, готовым «благоклонность заслужить» (пушкинский герой вызывал «улыбку дам»); то с гадким лебедем (а не утенком); то причисляет себя к матросам и вопрошает: «Или поплыть?». Так и хочется продолжить по-пушкински: «Куда ж нам плыть?». Правда, авторский ответ связан, как у Мандельштама, с Россией и Германией. Однако и это всего лишь ошибка: «Но обознатушки какие, / Чурперепрятушки нельзя» («Еврейским блюдом угошала...», 1994).

Такие игры в «обознатушки»-«перепрятушки» в употреблении цитат у Гандлевского – нередкое явление. Например, в них переставляются слова: «очарованье очей» (всем памятная «Унылая пора! Очей очарованье!») или «Как некогда сказал Саади» (у Пушкина «Как Сади некогда сказал»). Если в первом примере тоже идет речь об осени, но в сниженном облике – со ржавчиной и ветром, который «гонит листву взащей»; то во втором пушкинская грусть «Иных уж нет, а те далече» конкретизируется на современный и драматический лад: «Кто в США, кто в Коми мается», то есть кто в эмиграции, а кто в лагере. Отметим, что «перевертыши» больше распространены в поэзии Гандлевского в качестве пародии. Таково стихотворение «Стоит одиноко на севере диком...» (1994). Перевернув начало лермонтовской «Сосны» («На севере диком стоит одиноко...»), поэт взамен сосны выдвигает нового персонажа – «писателя с обросшей шеей и тиком щеки», который «собирается выть». А потом «Один-одинешенек он на дорогу / Выходит, внимают окраины Богу, / Беседуют звезды» (см. знаменитое лермонтовское «Выхожу один я на дорогу»). В конце автор насмешливо предлагает закрыть отсутствовавшие кавычки.

Иногда неточная цитация или пересказ «чужого» текста сопровождается упоминанием писателя или произведения. Так, не без усмешки оборвана максима «коллеги Тютчева»: «Молчи, скрывайся и тай / И чувства, и мечты свои» – «Молчи, короче, и тай». Или указано название стихотворения Гумилева «Шестое чувство» и строка «о женщине и муке», но конкретное ее содержание не раскрывается. Пусть читатель

сам заглянет в книгу! А сам Гандлевский, именуя себя в духе XIX века «питомцем муз» и перечисляя поэтов-классиков Баратынского, Вяземского, Фета, посмеивается над своим пристрастием к цитированию: «И валяя цитируй, когда не лень». А если лень, то не лучше ли прибегнуть к реминисценциям, обыграным с юмором и иронией. Вот спорят два тургеневских «подпaska» об удилище и училище. Вот всем знакомое «драмы злополучное ружье висеть висит, но выстрелить забыло».

Думается, всем нам известны источники, на которые ссылается поэт: «Спать охота – чтобы дуб склонялся, / Чтобы голос пел»; «Брожу ль туда-сюда при этом, / Сижу ль меж юношей с приветом»; «петь про черный пистолет» (см. у Лермонтова, Пушкина, Высоцкого). Бывает, что в одном предложении помещается несколько отсылок и отголосков: «Склоняют своенравные лета / К поруганной игре воображенья, / К завещанной насмешке над толпой, / К поэзии, прости за выраженье, / Прочь от суровой прозы». Тут и пушкинское «Лета к суровой прозе клонят», и его же «Поэзия, прости Господи, должна быть глуповата», и поэтические клише из XIX века о насмешках над толпой и игре воображенья. Еще более сложны аналогии и ассоциации в стихотворении «Самосуд неожиданной зрелости» (1982), связанные с «обычаем» в русской поэзии «с отвращением бить зеркала или прятать кухонное лезвие в ящик письменного стола», а «дядя в шляпе» «отразился в трофейном трюмо». Имеется в виду есенинский герой из «Черного человека», разбивший свое зеркальное отражение, и, возможно, В. Ходасевич, не узнававший себя в зеркале. Что касается лезвия ножа, то можно привести немало примеров в стихах русских поэтов: В. Брюсов «Демон самоубийства» («нам шепчет роковые доводы и в руку всовывает нож»), В. Маяковский «Лиличка!» («Надо мною, / кроме твоего взгляда, / не властно лезвие ни одного ножа»), С. Есенин «Письмо матери» («Саданул под сердце финский нож»).

К этому можем добавить и такой биографический факт: А. Фет задохнулся при попытке покончить с собой с помощью стилета или ножа, вероятно, хранившегося в письменном столе. Наверное, можно уловить отдаленные отзвуки некрасовского «Однажды в студеную зимнюю пору / Я из лесу вышел» в строке «Сегодня утром я из дому вышел»; в словах «России хмурые сыны» угадать название исторического романа Л. Никулина «России верные сыны»; услышать ритмическое сходство: «И я, задумчивый поэт» с пушкинским «Арионом» – «Лишь я, таинственный певец».

Не удовлетворяясь одиночными цитатами и намеками, Гандлевский подчас нанизывает в одном тексте по два-три, а то и целую цепочку. «Программный анчар» трогает «раму, что мыла в согласии с азбукой мама»; подвыпивший прораб «печальным демоном глядит и алчет африканской страсти». В саркастическом стихотворении «Неудачник. Поляк и истерик...» (1992) собран большущий «букет» различных «чужих

словес». Это видоизмененное начало из «Сцены из Фауста» Пушкина «Мне скучно, бес» — «Тошно мне, бес»; и появившийся следом «иной Мефистофель», который подбивает героя смахнуть «по-чапаевски» с табуретки «наглядный картофель». А перед этим звучат преобразованные блоковские строки о героине, уронившей в момент своего ухода десять шпилек («А с течением времени Галя, / Обронив десять шпилек, пришла»), и пушкинская рифма «морозы — розы» («На, вот возьми ее скорей!») оборачивается шляпой: «Вот она, твоя шляпа, лови!». Упомянут год смерти набоковской Лолиты и рождения самого автора, и «тусклый огонь» (у Тютчева «угрюмый, тусклый огонь желанья») — и «заявляется Муза». Всё это вперемежку с пошлой обыденностью и низменной речью. Кстати, смешение романтических штампов и разговорной лексики, вплоть до «блатной фени», отмечают в стихах поэта и современные критики.

Сергей Гандлевский как-то то ли в шутку, то ли всерьез признался, что любит «с мертвыми поэтами вести из года в год ученую беседу», но это скорее веселые перепалки-дразнилки. И распространяются они не только на литературу, но и на песни и романсы («пели хоровую — река, разлука, мать-сыра Земля», «Кружева на головку надень»), частушки («как сказано в одной частушке») и считалки («как месяц из тумана / Идет-бредет судить-рядить, / Нож вынимает из кармана / И говорит, кому водить»), прибаутки («дуду в дуду») и головоломки («Найти охотника»).

Особенно многочисленны в стихах поэта фразеологизмы, тоже выступающие преимущественно в игровой функции. Ему, скажем, хочется, чтобы «смеха ради средь бела дня / дура-молодость встала из гроба / и на свете застала меня / и со мною еще поиграла / в ту игру что не стоила свеч» (без знаков препинания). А ведь такая игра не стоит усилий, затраченных на нее. По классификации В. В. Виноградова, фразеологизмы делятся на три вида: сращения-идиомы, в которых семантическая самостоятельность компонентов утрачена; единства с признаками частичной раздельности элементов и возможной их заменой; сочетания со свободным значением слов и допускаемой синонимикой. Гандлевский широко применяет все эти фразеологические виды: воздать сторицей, оторопь берет, битый час, старый хрен, труса празднуем, пошла кругом голова, Богом забытое место, своя голова на плечах, веревочкой старое горе завей, глаза бы мои не глядели, как время идет. Однако даже идиомы, то есть неделимые обороты, в неизменной форме у него почти не используются, ибо они дополняются словесными добавками — «все вокруг да около небес», «обещанный бес в ребро», «ежегодно мозги набекрень», «восвояси иди, как слепой», «резать без лести правду-матку», «мужу тень наведи на плетень», «зря я гладил себя против шерсти», «не мори меня творческим голодом».

Зачастую это не просто обновление и оживление устойчивых словосочетаний, а их переосмысление: пруд, покрытый гусиной кожей; расстояние свищет в кулак, держались до последнего пять свечей, душа идет в разнос, в черном теле лирику держал, распахнут настезь том прекрасной прозы; автомобили, покорные цепной реакции; над этажами встала на дыбы музыка. Мы видим, как под воздействием контекста фразеологизмы приобретают переносное значение и окказиональную экспрессивность. А иной раз происходит полное разрушение фразеологизма: башковитый тростник, крошечный коридор, исчадие Польши, приснопамятный шелест.

Случается, что шуточные идиомы скапливаются по соседству и оказываются не в ироническом, а в грустном контексте, меняя свою эмоциональную окраску: «День-деньской он черте-где слонялся вечно не у дел», «После дождя в четверг / бредешь наобум, скорбя», «Драли глотки за свободу слова»; «Пузыри задумчиво пускай, / Помаленьку собираясь с духом, / Разом перелиться через край — / В лирику, по слухам».

В одном из своих поздних стихотворений поэт вспоминает, как когда-то ему грезилась «лучшая игра» в будущей жизни и виделись эпатажные картинки про «дачных баб» и фею, что слоняется, «урча», а себя он представлял «поэтом — мерзавцем форменным в цилиндре и плаще» — и «все сбылось». Но больше всего поражает загадочное начало текста: «Ни сика, ни бура, ни сочинская пуля...» (2007). Не искаженная ли это «сивка-бурка», от которой уже нечего ждать чудес? Однако такие «стихи с туманной подоплекой» не всегда пародийны. В некоторых из них таится чувство одиночества и печали: «Скорьбь тайную мою вовеки не сведу / За здорово живешь под обший знаменатель / Игривый обших мест». И мы осознаем, что сквозь игривость «общих мест» — классических цитат и идиоматических выражений — проступает как ироничность, так и «скорьбь тайная», то есть тот «критический сентиментализм», который, по мнению Сергея Гандлевского, является его эстетическим идеалом.

*Израиль,
Цфат*

Эпистолярный

*О «загадочной власти слова» в переписке
М.А. Волошина с М.В. Сабашниковой*

© Т.А. КОШЕМЧУК,
доктор филологических наук

В статье анализируются идеи М.А. Волошина о реализме в русской литературе, выраженные в письмах к М.В. Сабашниковой и в статьях поэта. Словесное искусство в целом понимается Волошиным как обращенное в будущее, призванное воздействовать на него, так что его призвание — просветлять грядущую действительность. Отказ литературы от идеального, фантастического, от мечты воспринимается им как вина перед жизнью, ибо, выраженное в слове, фантастическое и ужасное не случилось бы в жизни. За эпохами реализма следуют кровавые революционные взрывы, и русская революция, по Волошину, есть возмездие за столетие отказа от идеального в литературе.

Ключевые слова: Волошин, русская литература, реализм, символизм, мечта, вина, возмездие.

The article deals with Voloshin's ideas of realism in Russian literature, found in the correspondence of M. Voloshin and M. Sabashnikova and in Voloshin's articles. He interprets imaginative literature as connected with the future and its main aim as to clarify the future reality. Rejection of the fantastical, of the dream is the guilt of literature according to Voloshin, because the fantastical and the terrible if expressed in words does not happen in real life. The bloody revolutions come after the periods of realism. And Russian revolution is the retribution for the rejection of the idealistic in literature during the whole century.

Key words: Voloshin, russian literature, realism, symbolism, dream, guilt, retribution.

М. А. Волошин называл свой художественный метод *неореализмом*, подчеркивая его синтетическую природу: *реализм* вместе с *символизмом* дает новое качество по глубине проникновения в действительность. При этом под изображаемыми *реалиями* понимается вся широта действительности, и прежде всего ее духовная составляющая. От *реального* — к *реальнейшему*, то есть к духовному, таков восходящий ход развития от *реализма* к символизму; от *реального* к натуральному, к натурализму — эта тенденция деградации заложена была в развитии *реализма*, при стремлении его только к *реальности*, только вещественной. В этом совпадали теоретики символизма, и при этой общности Волошин является самобытным мыслителем, он разворачивает это положение по-своему: не повторяет сказанное и почти не включается в обсуждение таких тем, как религиозное значение русской литературы, ее мистическое содержание, обращенность к проповеди, стремление вырасти за рамки литературы как таковой, стать этическим и религиозным учением, отражение в ней народной души с ее христианским идеалом.

Мысли Волошина о русской литературе, высказанные впервые в его письмах к М. В. Сабашниковой в начальной поре их духовного союза, получают дальнейшее развитие в его статьях. Эти мысли чрезвычайно самобытны по сути, они основываются на его важнейшей интуиции *слова* как действенной *власти*, оказывающей глубочайшее воздействие на реальность. Эти мысли уже в письмах звучат афористично, отличаются чрезвычайной сгущенностью смысла, так что каждое волошинское высказывание можно было бы развернуть в целый трактат. Его оценки вырастали из его мировоззрения, цельного, глубоко продуманного, выношенного в десятилетиях.

Волошин касается не идеального начала, акцентируемого символистами в русской классике, этого скрытого в ней потока, но он осмысляет по-новому прежде всего явленное с полной очевидностью — стремление к *реалиям* жизни как таковой, к *реальности* здешней. Он оценивает эту общую тенденцию литературы XIX столетия, и оценка его может показаться «обычным парадоксом», как порой воспринимали его мысли современники. Действительно, его мысли поразительны, неожиданны, неслыханны. И важно не отмахнуться от волошинского понимания власти слова, а значит, и понимания литературы, как от только парадокса: Волошин подчеркивал, что никаких парадоксов часто нет вовсе, а есть последовательно проведенные мысли. Основная идея его такова: реализм русской литературы *виновен* в ужасах русской революции. Не парадокс ли это? Не нарочито ли эпатазирующее суждение?

К русской классике Волошин подходит из прямого следствия его глубинной интуиции: литература, как искусство слова, по преимуществу связана со стихией будущего. Он обосновывает эту мысль в статье «Ногомедон», соотнося троякое деление искусств с тремя стихиями времени.

Пластические искусства творят в настоящем, претворяют и просветляют вещество мира: «Пластика говорит: “Остановись, мгновенье!”». Музыка творит в стихии прошлого, она есть искусство памяти: «Музыка: “Вспомни самого себя!”». Поэзия живет в стихии будущего, в чистой стихии воли: «Поэзия: “Да будет!”» [1. Т. 6. С. 305], вещам мира она может давать имена своей заклинательной силой, расколдовывая слово, в них застывшее; к миру внутреннему она обращена силой пророчественной.

Говоря о будущем, Волошин выделяет два пути к нему: первый путь — через ясновидение, оно есть проклятие пророков, ибо знание будущего цепенит волю, и это знание становится злым роком, разрушает иллюзию свободы. Иной способ проникновения в будущее связан с искусством — орудие его есть желание, оно само по природе своей есть предчувствие будущего: «первые лучи приближающегося будущего отражаются в нас как желание» [1. Т. 5. С. 466], сила воздействия на будущее — мечта, ее меч — искусство.

Эти мысли он впервые излагает в письмах к М. Сабашниковой в августе 1904 года. Так, он пишет ей в письме от 22 августа 1904 года о том, что слово по преимуществу связано с желанием: «Слово — чистое выражение желания — будущего. Слово — это уже само будущее, сама действительность. Другая действительность. <...> В будущем есть много потенциальных — возможных действительностей. Слово их выявляет — переводит в другую область, и этим делает их уже невозможными в жизни.

Поэтому так часто, когда боишься, чтобы что-нибудь не случилось, стараешься себе представить это событие со всеми ужасными подробностями — именно для того, чтобы это уже не перешло в действительность жизни. Совершается заклятие словом. <...> Поэтому невозможно писать о действительно пережитом — это будет только воспоминание о действительности. Но если вы будете писать о том, что живет в Вас только в качестве намека и желаемого, то получится не описание, а сама действительность: сказки, фантастика, все те вещи, читая которые вы вполне отрываетесь от действительности и, отрываясь от книги, с удивлением возвращаетесь к жизни» [Т. 11. С. 122].

В том же 1904 году, развивая эти мысли, Волошин находит им итоговые формулировки в статье «Макбет зарезал сон!», впервые опубликованной в 1904 году в «Весах» под названием «Магия творчества. О реализме русской литературы»: «Стихия слова — будущее. Если я захочу воплотить в слове то, что я пережил во всей полноте, — это будет только слабым напоминанием прошедшего. Но если я воплощаю в слове то, что живет во мне как предчувствие, как возможность, то слово само становится действительностью трепещущей и ослепительной. Описание смертной казни у Достоевского бледно и коротко, а картины безумия широки и ярки» [Т. 5. С. 468].

Волошин пояснял: Эдгар По сильнее воздействует, чем Флобер, опи- сывающий бывшую действительность, потому что в нем проявлено

стихийное движение невыявленной действительности. В письме Маргарита Сабашникова отвечает, что дело даже не в слове, а в самой мечте: «Достаточно мечты, одной мечты. Вот это страшно. Будущее или, вернее, то, что суждено, судьба, даже не воплощается в слове, а живет одиноким и бездомным призраком, как некрещеный младенец, похищенный у матери чертом. В сказках всех народностей есть ящик, или дверь, которую нельзя открыть, от этого нарушения запрета происходит несчастье. Мечтатель преступает какой-то закон. Он берет наслаждение, и его наслаждение бесплодно; он лишается судьбы. Творец – другое, он сам, как Бог, воплощает свою судьбу – волю» [Т. 11. С. 130].

Волошин соглашается с ней в письме от 28 августа 1904 года: «Запретная дверь – это очень верно» [Там же. С. 136], и далее вновь о воздействии мечты на будущее и о ларце: «Истошить свое будущее мечтами. Это величайшая трагедия. Мне бы хотелось на это написать сказку. Тут именно запретный ларец. Но художники это всегда делают – и делают сознательно. Это основа искусства» [Там же. С. 137].

Эти *дверь* и *ларец* повторяются в статье о магии творчества, возникшей из этих разговоров: «Мечта – это великая и страшная сила. Она может быть смертельна для непосвященных и любопытных, которые легкомысленно произнесут Сезам перед заповедной дверью, которые повернут ключ в таинственном ларце. Горе тем, которые истошат свое будущее бесплодной мечтой! Но искусство дает мечте жало змеи и вечность камня. В этом загадочная власть Слова» [Т. 5. С. 467].

Волошин здесь не соглашается с Маргаритой Сабашниковой, которая не связывает слово с мечтой, «достаточно мечты», но в статье вновь проводит свою мысль о связи слова с будущим и с мечтой, он также дает «психологический» аргумент, наблюдение, которое каждый может проверить собственным опытом, речь идет о самозащите от будущего: «Будущая действительность живет в потенциальном состоянии. Она может быть выявлена мечтой, и тогда она не случится в той области, которую называют реальностью жизни. Кому не случалось, со страхом ожидая какого-нибудь события, представлять себе в мечте возможные комбинации, для того, чтобы оно не случилось именно так? Это инстинктивная самозащита человека от будущего. Это заклятие будущего мечтой. Мечта – это великая и страшная сила» [Там же].

Эти мысли Волошин варьирует в различные годы, так в статье «Ногомедон» (1909) он пишет: «Каждое слово, в которое я вкладываю душу, убивает в будущем некую возможность жизни. Каждый найденный стих говорит не о прошлом, а о будущем, которое уже не осуществится»; «Слово это принесение в жертву самого себя..., оно питается живой кровью возможного!» [Т. 6. Кн. 1. С. 303]. В статье «Апофеоз мечты» (1912) читаем: «Творчество всегда есть избрание того, что могло быть и уже не случится в жизни...» [2]. В черновых записях к лекции 1921 года

мы находим: «Магические силы мечты: дети представляют себе: чтобы не случилось. Опасность вымечтать жизнь. Жертвенность творческой мечты. То, что нашло воплощение в искусстве, не будет пережито в жизни» [Т. 6. Кн. 2. С. 716]. Здесь действительно краткий конспект прежних мыслей, из переписки с Маргаритой Сабашниковой 1904 года, сохраняющих свою значимость для Волошина и в поздние годы.

О «жертвенности творческой мечты» в 1904 году Волошин писал: «Те гении, в организме которых заложена чересчур сложная и буйная судьба, неизбежным инстинктом самосохранения торопятся воплотить ее в произведениях искусства. Самоотверженные иногда успевают перелить всю свою судьбу, все свое будущее в свое творение. Поэтому истинная жизнь художника всегда полнее и вернее воплощена в его творении, чем в его биографии» [Т. 5. С. 468].

Итак, от связанности слова с будущим и выявления его в мечте Волошин приходит к важнейшему итоговому заключению: *то, что нашло воплощение в искусстве, не будет пережито в жизни*. Верно и обратное: если искусство ограничивает себя рамками рационального, не изживает фантастического, то действительность воплощает в себе всю невыявленную, не переведенную в иную реальность фантастичность, все ужасы ее. Об этом в письме к М. В. Сабашниковой от 18 сентября 1904 года, в котором от описания кошмаров русско-японской войны мысль Волошина обращается к их первопричине и впервые обретает «странный» ответ: «Мне приходят странные мысли. Этого бы не было, если бы люди раньше “мечтали” об этом. Может, долгому периоду реализма в литературе мы обязаны тем, что все эти ужасы, которым место в фантастическом рассказе, пробили свое русло в реальную жизнь? Символисты пришли слишком поздно и не смогли мечтой исчерпать страшного будущего» [Т. 11. С. 142].

Так, высоко оценивая период символизма в искусстве – именно с точки зрения его целительного воздействия на будущее, на саму жизнь, его обращенностью в сферу идеального, Волошин осознает: поздно. После века реализма и только реализма новому искусству уже не успеть одолеть вину прежнего.

Далее в письме Волошин обобщает: «Эпохи ужасов и зверств всегда следуют за эпохами упадка фантазии, бесилия мечты», – и иллюстрирует эту мысль примерами из французской истории: «Французская революция после 18 века. Коммуна – после Флобера и Гонкуров. Наоборот – возможные ужасы 48 года были предотвращены романтизмом и политическими утопиями» [Там же].

То же обобщение, отстоявшееся, выверенное, в статье «Макбет резал сон!» уже сформулировано как *закон выявления будущего мечтой*: «Этот закон выявления будущего мечтой, незывлемый для отдельного человека, незывлем и для целых народов. Горе тем народам, которые

задушили в себе фантазию и любовь к мечте. Горе Макбету, зарезавшему сон!» [Т. 5. С. 468].

В этой статье Волошин также дает иллюстрации из французской истории: «После двух веков рационализма неизбежно наступает кошмар террора и сказка о Наполеоне. После М-те Бовари, после Курбэ – Кровавая Неделя. Наоборот, 48 год, который мог быть таким ужасным в своей кровавости, был ослаблен предшествовавшим романтизмом» [Там же].

В письме к М. Сабашниковой Волошин, начиная со «странных мыслей», завершал отрывок смягчающей добавкой: «Эта связь только в первый момент кажется странной. Потом это становится так логично, так неизбежно...» [Т. 11. С. 142]. В статье оговорка опущена: мысль, продуманная до конца, стала действительно неизбежной.

Наконец, мы подходим к оценке русской литературы из этих предваряющих соображений. Именно об этом заключительная часть его статьи – к ней все и шло: «Русская литература в течение целого столетия вытравляла мечту и требовала изображения действительности, простой действительности, как она есть. На протяжении целого столетия Гоголь и Достоевский, одни, входили в область мечты. И кто знает, какие ужасы остались неосуществленными благодаря им в начале восьмидесятых годов!

Чехов в своем многоликом муравейнике исчерпал всю будничную тоску русской жизни до дна, и она подошла к концу.

Подымается иная действительность, фантастическая, которой не место в реальной жизни потому, что ее место в искусстве.

Начинается возмездие за то, что русская литература оскопила мечту народа» [Т. 5. С. 468–469].

Стоит обратить внимание: Волошин говорит о *начале* возмездия: во время русско-японской войны. В созвучии с тем, что символисты *пришли слишком поздно...* и предотвратить надвигающееся *возмездие* не смогли. Именно это слово стоит в начале его статьи 1904 года: «Свершилось... Наступают минуты возмездия. Это действительность мстит за то, что ее считали слишком простой, слишком понятной!» [Там же. С. 465]. Кошмары русско-японской войны при всей их непереносимости (он приводит ужащающие факты), это лишь *минуты* возмездия... и наступят многие и многие иные минуты. Этим же словом – *возмездие* – и заканчивается статья. Характерно, что и в предшествующем статье письме к Сабашниковой он говорил о *возмездии*, но более ярко: за русскую литературу раплачивается сама Россия: «Теперь Россия расплачивается за целый век реализма. Действительность мстит за себя, если ее считают слишком простой. Она принимает самые чудовищные и невероятные формы, чтобы заставить к себе относиться с мистическим трепетом» [Т. 11. С. 142].

Искусство – не забава, не украшение жизни, не нечто отдельное от нее, связи между разными сферами жизни гораздо глубже, чем может показаться рассудку, все сводящему к простому и понятному, – жизнь

вообще в ее сложности и не может быть постигнута лишь рассудком, охвачена рассудочными формами. Изгнание из жизни и искусство духовного, изгнание *мистического* к ней отношения — речь идет именно об этом — непременно отразится бедами, ибо из неполной действительности не может возникнуть добрых плодов, изгнание из жизни духовного отразится в ней неизбежно злом, искаженностью пропорций, ограниченностью, ложью — и *возмездием*. Ведь, по мысли Волошина, запрет на духовное, на мечты, сны и фантастику в словесном искусстве вытесняет фантастическое и ужасное в саму жизнь.

В связи с этим он высоко оценивает роль Достоевского, о котором пишет в письме так: «Сколько ужасов, предстоявших России, искупил Достоевский! Он ведь был единственным противовесом террору, расхолодившемуся с 78 года» [Там же].

Речь идет о воссоздании действительности во всей ее полноте, не в здешней *реальности* как таковой только; ужасы *реального* предотвращаются писателем (носителем *высшего реализма*) опережающим переживанием его в *мечте*, то есть в художественных идеях, в творении словесном. Писатель, выходя из сферы *реального*, *искушает* ужасное в жизни.

Роль Толстого совершенно противоположная: «А если есть виновные в настоящей войне (Волошин в письме Сабашниковой вновь возвращается к небывалым ужасам русско-японской войны.— Т.К.), — то это Толстой, заморозивший много поколений в узких рамках рациональной морали, и марксизм, оскопивший фантазию всех русских детей. За насилие над мечтой дорого приходится расплачиваться» [Там же].

Мысль о Толстом не вошла в текст статьи, вероятно, в силу ее радикальности: приравнивания воздействия на русскую жизнь творчества Толстого и — марксизма.

Волошин говорит о ряде суживающих жизнь и искусство явлений, и в этот же ряд вместе с Толстым и марксизмом встает в его рассуждении и французский *реализм*, основанный на рационализме. Все явления этого ряда замкнуты в рассудок, не выходят за его пределы и в своем воздействии на действительность вгоняют ее в прокрустово ложе *простого* (рассудочного), отрезают как несуществующее ту ее сферу, которая у Волошина обозначена как противопоставленные *реализму: сон* (зарезанный), *мечта* (оскопленная), *фантастическое* (изгнанное); в конечном итоге несуществующей для названных явлений искусства оказывается, как и для марксизма, сфера духа.

О кажущейся странности в сопоставлении: русская литература — Россия, не наоборот; о неизбежности расплаты *России* — за ее *литературу*, не обратное, за отступления литературы от сущности словесного творчества, в *реализм* и натурализм. Здесь стоит учесть еще один аспект в волошинских взглядах на сущность литературы. Литература предназначена к *размыванию твердых пород мира* через слово: «Во всех вещах

и явлениях мира пленено то божественное слово, которое их вызвало к бытию. Цель поэзии найти его: угадать подлинное имя каждой вещи, изнавать все явления, расколдовать вселенную» [Т. 6. Кн. 2. С. 363]. Поэзия имеет заклинательную власть над явлениями жизни, если слово поэта рождается из глубины его чувства, воли, мысли и несет в себе «...всю полноту сознания, воли, чувства, / Все трепеты и все сиянья жизни» [Т. 1. С. 217].

Но слово в литературе *реализма*, стремящееся зеркально отразить и воспроизвести действительность как она есть, не касается глубин жизни, не освобождает духов из *темных пород мира*. И при отсутствии в целых эпохах этого освобождающего и просветляющего мир творчества, при отказе от него и запрете его — страдает сам *мир*, все темное и неосвобожденное в *творческой мечте* художника врывается в саму жизнь со всеми своими разрушительными силами и воздействиями. И в *мире* литература *только реалистическая* не способна очистительно воздействовать на его будущее, в ней нет и не может быть той жертвенности творчества, которая одна только и может это будущее просветлить и спасти.

Волошин взывал к *ответственности* художника слова, слова, которое своей загадочной незримой властью воздействует на будущее, если обращено к духовным глубинам мира.

Литература

1. Волошин М. А. Собр. соч. М., 2000–2013. Далее указ. только том и стр.
2. Волошин М. А. Лики творчества. Л., 1988. С. 23.

Санкт-Петербургский государственный университет

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ
научного проекта № 16-34-00032.

О ключевых словах современного российского политического дискурса

© И.Г. МИЛОСЛАВСКИЙ,
доктор филологических наук

В статье рассматриваются значения некоторых слов, весьма популярных в современном русском политическом дискурсе. Автор показывает, что часто контекст, в котором употребляются эти слова, отнюдь не снимает их многозначность. Это обстоятельство, наряду с невниманием к гиперонимии и оценочности, часто представленными в значениях этих слов, приводит к тому, что читатель/слушатель воспринимает слово совсем не в том значении, которое мог иметь в виду употребивший его пишущий/говорящий.

Ключевые слова: современный политический дискурс, значение слова, многозначность, контекст, гиперонимия, оценка, производитель и получатель речевого сообщения.

The article is devoted to some key-words in modern Russian political discourse. The author shows that in many cases the context doesn't overcome polysemanticness of these words. This fact along with ignoring high abstraction of some such nouns and feature of estimation in their meaning, can cause misunderstanding in communication.

Key words: modern Russian political discourse, meaning of word, polysemanticness, context, misunderstanding in communication.

Стало уже привычным сопровождать любое научное исследование списком ключевых слов. Не наиболее часто употребленных, но именно тех, значение которых особенно важно для того, чтобы вероятный читатель сначала лучше понял саму тему (не путать с задачей!), а затем и глубже разобрался в движении (логике?) мысли автора. Разумеется, сам выбор слов, объявляемых ключевыми, носит и субъективный характер, хотя, с другой стороны, полностью зависит от содержания соответствующего текста.

Цель настоящих заметок в том, чтобы проанализировать значения некоторых слов, которые, по мнению автора, принадлежат к ключевым для современного российского политического дискурса. Разумеется, речь не идет об исчерпывающем списке таких слов современного русского языка, которые составляют фундамент многочисленных выступлений разного жанра (в первую очередь в СМИ), и посвящены тем политическим и нравственным проблемам настоящего, будущего и прошлого России, которые активно обсуждаются в обществе. С другой стороны, те слова, которые будут рассмотрены далее, без сомнения, включаются в этот фундамент, а следовательно, весьма и весьма заслуживают внимания со стороны выражаемого ими содержания, смысла. Забегая вперед, скажу, что к ним применимо, как и к слову *счастье* в гайдаровском рассказе «Чук и Гек», «это каждый понимает по-своему». Однако разные современные употребления одних и тех же слов, но с собственным значением часто не имеют даже некоторой общей части, каковую в гайдаровском *счастье* составляло «честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную и счастливую землю, которая зовется Советской страной». В наше время часто торжествует принцип Салтыкова-Щедрина, согласно которому *отечество* нередко обозначает «Ваше превосходительство».

Ценности. Общее значение этого слова, несколько по-разному проявляющееся в тех или иных контекстах, связано с «высокой ценой, большими достоинствами, важностью/нужностью для жизни». Замечу, что слово *цена* в русском языке может быть как связано с денежным выражением (*колебание цен, мировые цены*), так и относиться к сфере моральной (*цена слов, дружбы, любви*), а может теоретически предполагать и одно и другое (*любой ценой, не постоять за ценой*), хотя и с большей вероятностью в пользу второго. *Бесценный* по-русски означает «не имеющий денежного эквивалента вообще, т.е. находящийся в сфере более высокой». Ср. *полезный – бесполезный, толковый – бестолковый, корыстный – бескорыстный* и мн. др.

В современном политическом дискурсе слово *ценности* (обычно во множественном числе) употребляется с прилагательными, определяющими круг, к которому «ценности» принадлежат: *семейные ценности, моральные ценности, жизненные ценности* и т.п. Ценности предлагается

сохранять, защищать, оберегать и т.п. При этом, однако, как-то упускается из виду, что сам **набор** ценностей и в разных культурных и религиозных сообществах, и в представлении очень разных людей в основном совпадает. Расхождение начинаются там, где возникает необходимость каким-то образом иерархизировать ценности, установить среди них приоритетные, потом — важные, хотя и не приоритетные, затем не самые важные и т.п. Десять христианских заповедей установили моральную ценность определенных поступков (или воздержания от них!), не предполагая их разделения на более или менее важные. А между тем, например, христианские традиции (и юридические установления) предполагают разную степень ответственности за убийство, кражу, прелюбодеяние или лжесвидетельствование. А христианские и исламские установления, например, одинаково осуждая прелюбодеяние, весьма различно относятся к наказанию за пренебрежение к соответствующей ценности: вспомним хотя бы евангельский рассказ о Христе и грешнице.

Вся история человечества, в том числе и та, которая отражена в литературе, — это реализация одних, как кажется, более важных ценностей за счет попрания ценностей менее важных. Тарас Бульба и его сын Остап ставят «товарищество» и «отечество» выше собственной жизни, а любовь, перевернувшую жизнь Андрия, едва ли вообще не считают ценностью вообще, однако ставят ее на весьма низкое место, даже не приближающееся к высшим для них ценностям. Процветавшие в Средние века венецианцы, снискавшие весьма дурную славу у своих ближних и дальних соседей, отправляясь в Крестовый поход, чтобы отвоевать гроб Господень, и не дойдя до него, а по дороге разграбив Константинополь, прямо провозглашали: «Сначала венецианцы — христиане потом!».

А в наши дни вопрос о том, что же большая ценность, справедливость или милосердие, остается без ответа. Конституция РФ дает возможность не свидетельствовать в суде против своих родственников, иначе, ставит ценность семейных уз выше содействия осуществлению правосудия. А широко распространенный в СССР рассказ (миф?) о Павлике Морозове пропагандировал обратное: классовые интересы — это ценность более высокая, чем ценность, заключенная в словах «Почитай отца своего и мать свою». И приверженцев именно такой иерархии ценностей находилось немало в то время, когда отказ от репрессированных властью отцов-матерей, мужей-жен и т.д. рассматривался как приверженность ценностям более высоким, чем семейные. Признание личной свободы именно как высшей ценности естественно вызывает возражение у брошенных детей, жен-мужей, неприятие со стороны коллег и соседей, но вряд ли даже эти протестующие сомневаются в том, что свобода человека — это несомненная ценность, а весь вопрос состоит в том, можно ли считать ее приоритетной, и если да, то в каких же

именно обстоятельствах. Болезни обладателя, его гениальных способностей, когда-то еще?!

Короче говоря, авторы, просто утверждая «ценности», мало продвигаются в осмыслении этой важнейшей общей характеристики общества и личности, если они не пытаются определить, какое же именно место занимает каждый принцип существования личности и общества среди других подобных принципов, какова их иерархия, что приоритетнее в той или другой ситуации. Всегда ли «Раньше думай о Родине, а потом о себе»? Правильно ли «хату покинуть – пойти воевать, чтоб землю в Гренаде (Гранаде?) крестьянам отдать»? В том, что и сам этот поступок, и его причина отражают ценности, сомневаться не приходится. Вопрос в определении приоритетности.

Традиция. Специалистам (и не только?) хорошо известно, что многие слова не только называют нечто, существующее в действительности, но и содержат авторскую оценку соответствующего феномена, положительную или отрицательную. Об одном и том же человеке можно сказать *шпион* и *разведчик*, об одном и том же событии *Бог послал* и *черт принес*, об одном и том же действии *пожаловал (к нам)* и *приперся*, об одном и том же свойстве человека *скупердай*, *снегу не выпросишь* и *рачительный* и т.п. В слове *традиция*, помимо его «сущностного» значения, указывающего на долгое бытование в жизни какого-либо явления, также есть оценочный компонент «и это хорошо, или это производителю речи нравится». Если же давно существующий порядок (явление, взгляд и т.п.) производителю речи не нравится, следует употребить слово *предрассудок*. (Это слово было в большой моде около 100 лет назад, когда, обычно употребляясь с прилагательным *буржуазный*, оно обозначало многие атрибуты «дворянско-буржуазного быта», в частности танцы, празднование Нового года и пр.)

Совершенно очевидно, что старость или новизна какого-либо явления отнюдь не прямо соотносятся с признанием этого явления ценным или вредным для дня сегодняшнего. Само прилагательное *старый*, не имея постоянного компонента «плохой», все же ассоциируется скорее с ним, чем с «хороший». *При царе Горохе* – это заведомо не только «давно», но и если не «плохо», то по крайней мере неактуально. В самом деле. Курные избы, лапти, постоянные дворы, замененные многоквартирными домами, изделиями обувной промышленности, аэропортами и вокзалами, выглядят привлекательными лишь в ностальгических рассказах и изображениях, но отнюдь не в реальной современной жизни каждого человека. Короче говоря, длительное существование в прошлом отнюдь не основание, а тем более не гарантия ценности вечной, присутствующей в настоящем, и в будущем.

Словом *традиция* часто называют такие установления, которые трудно объяснить и понять, приняв рациональную точку зрения. Именно

с таким явлением сталкивается российский школьник/студент, узнав, что в Англии нет аналога нашему 1 сентября, а школы и университеты начинают учебный год осенью, обычно в сентябре, но не в один и тот же день. Впрочем, для этой традиции есть и рациональное объяснение — таким образом удается избежать пиковых нагрузок на транспорт. Только традицией можно объяснить, что еще в середине прошлого века пассажиры носили в руках чемоданы, а учащиеся — портфели, хотя колеса, как рюкзаки и ранцы, в это время уже давно существовали.

Разумеется, утверждение о том, что не все старое (традиционное) хорошо, а все новое плохо и, наоборот, не все хорошее — старое, а все новое — плохое, распространяется и на сферу духовную. Увы, униженное положение женщины, вера в доброго царя, окруженного плохими боярами, склонность к лихоимству, нетерпимость к противоположному мнению, вольное обращение с писаными законами — все эти проявления весьма давно присутствуют в русской жизни и, если бы нам нравились, могли бы именоваться традиционными. Однако они такого именованья не заслуживают именно потому, что нам не нравятся. Следовательно, встречая в современном политическом дискурсе словосочетание *традиционные ценности* нам остается лишь догадываться, какие именно ценные характеристики имеются в виду, полагая, что они должны быть, во-первых, достаточно старыми, а во-вторых, оцениваемыми положительно. И если первое как-то достижимо, то второе — поле для самого необузданного воображения как автора, так и читателя/слушателя. Последний остается в полном неведении о сути дела, когда ему, например, сообщают о *глубоком различии современных и традиционных ценностей*.

Патриотизм. Содержание этого слова определяется обычно весьма просто, а именно как «любовь к своему отечеству, своему народу». Однако эта простота только кажущаяся. Огромную трудность создает осмысление слова *любовь*, хотя и входящего в это определение.

Дело в том, что по-русски можно *любить Машу, математику, теннис, осетрину с хреном* и т.д. и т.п. Иными словами, глагол *любить* (и его производное *любовь*, сохраняющее все семантические характеристики производящего) обладает чрезвычайно широкой сочетаемостью со словами, обозначающими весьма различные объекты действительности. Как кажется, из всех столь разнообразных употреблений слова удается выделить следующее общее значение для *любить*. *X любит Y*-а обозначает 1) «желание со стороны X-а быть как можно дольше в контакте с Y-ом» и 2) «желание Y-у всяческого добра». Это понимание отлично покрывает ситуацию, когда *Петя любит Машу*, а также *любит математику*, где любовь к занятиям математикой соединяется с желанием процветания этой науки. Разумеется, в случае с «осетриной» сохраняется лишь первая часть определения, а вторая, так сказать, зачеркивается, что очень часто происходит при сложении семантических компонентов

(например, *собака кусается*, т.е. «проявляет активность», и *свитер кусается*, т.е. «в случае прикосновения к нему», при общности «способность вызывать боль при контакте»).

Очевидно, что *любить отечество, свой народ* обозначает и желание контакта, и желание процветания. И если это так, то ни один покидающий место, где он родился, людей, с которыми он живет с рождения, не может утверждать о себе, что *патриот*? Наверное, это утверждение неточно. Речь идет о ситуации, когда эта любовь (как «контакт») оказывается меньшей ценностью для X-а, чем, например, материальное благополучие, возможность профессиональной реализации, обычная любознательность или даже любовь к вполне конкретному человеку (*Любовь* в тех обоих проявлениях, о которых говорилось).

Обращусь теперь к той части значения слова *любить*, которая касается «процветания». Нет сомнения, что разнообразные коррупционеры, грязнителю окружающей физической среды, бездельники и просто дураки своей деятельностью никак не способствуют процветанию отечества. Поведение таких наших соотечественников обычно только прикрывается содержательно невнятными пафосными заявлениями о необходимости быть *патриотом*, о том, что быть *не-патриотом* очень плохо. Хотя на самом деле поступки этих наших сограждан, в том числе и тех, кто занимает руководящие должности, обычно являются проявлением их желания обогащения для себя, своих близких и приближенных. Приоритет именно этих желаний перед желанием процветания Родины часто совершенно очевиден, а такая иерархия ценностей соотносится с семантикой глагола *любить* лишь по отношению к самому субъекту, а следовательно, отнюдь не со словом *патриот*. Добавлю, что «любовь» предполагает также и ограничение в «свободе», чтобы не навредить любимому и возможности пребывать «в контакте» с ним. И определенную степень «зависимости» от любимого объекта. Поэтому забота о *свободе* (от кого? — чего?) и *независимости* (от кого? — чего?) отечества отнюдь не единственные грани, где проявляется любовь к отечеству. Как слово *процветание* вовсе не синоним слов *свобода* или *независимость*. Последние выступают как обозначение условий процветания, но вовсе не как его гарантия.

Посмотрим на вопрос и с другой стороны. Обычно в мирное время наиболее активно заявляют о себе как о *патриотах* те, кто целиком и полностью поддерживают жесткую внешнюю политику своего правительства. Но эта позиция — всегда и во всем поддерживать жесткую внешнюю политику властей — вовсе не коррелирует со значением словосочетания *любить Родину!* *Патриотизм* как «любовь к Родине» вовсе не априорная и неизменная уверенность в том, что 1) кругом нас только агрессивные враги, а 2) наша власть в любых контактах с ними всегда права. Шумное высказывание такой позиции вовсе не есть *патриотизм*, т.е. «любовь к Родине».

Как известно, среди родителей школьников встречаются два типа людей. Одни всегда более или менее категорично отвергают любые претензии школы к их детям, а другие – внимательно к таким претензиям прислушиваются и нередко даже с ними (полностью или частично) соглашаются. Неужели родители первого типа любят (в истинном значении этого слова!) своих детей больше, а второго – меньше или не любят вовсе? Убежденность, что «во всех контактах прав именно Х», очень напоминает поведение спортивного *болельщика (фаната)*. Доходя нередко до крайности в проявлении именно такой уверенности, *фанат* всегда стоит горой за «свою» команду (спортсмена), теряя при этом всякую объективность как по отношению к другим участникам «события», так и по отношению к самому событию. Такое поведение едва ли может быть понято как «пожелание всяческого процветания», поскольку, во-первых, имеет в виду только тот или иной конкретный эпизод борьбы (как единственного типа контакта с другими командами или спортсменами), а во-вторых, абсолютно лишено взгляда за пределы такого момента, не подразумевает никакого осмысления будущего для, так сказать, любимого объекта.

Разумеется, *патриотизм* как «любовь к Родине и народу» не может носить только конкретный эпизодический характер, он непременно предполагает систематическую осмысленную работу рук, сердца и ума, а не крикливое восхваление всего «своего» по отношению ко всему другому, презираемому и оскорбляемому. Добавлю в связи с этим, что любовь к своему никак не означает ненависть, презрение, унижение, оскорбление в отношении «чужого». *Любовь* в словосочетании *любить своих детей* означает то же самое, что и *любить* свою Родину, а слово *патриотизм* в обоих случаях совсем не есть обозначение «проявления такой любви». А если в первом случае слово *патриотизм* никогда и не употребляется, в во втором – имеет совсем другое значение «априорная убежденность в правильности всех жестких внешнеполитических действий власти», как проявлении всеобъемлющего превосходства «своего» над «чужим». Короче говоря, *любить* – это не считать свое и себя всегда самым лучшим, но работать ради того, чтобы оно таким стало.

Закончу тем, что глубокая связь между словами *патриотизм* и *война* установилась не в последнее время. Вспомним хотя бы сложное прилагательное *военно-патриотический (нафос, воспитание, тема* и пр.). Содержательная замена любви, заботы, усилий для процветания Родины на самоотверженную борьбу с врагами, подлинными и объявленными, никак не гарантирует счастливой жизни людей на своей Родине, подменяя собой лишь «достойное (?) место среди других государств».

Государство. Это слово употребляется в трех значениях. В качестве обозначения «страны» (*государства Европы*). В качестве обозначения того, как организована обычная жизнь людей (*феодалное государство*).

И в качестве обозначения организованной группы лиц, осуществляющих властные функции (*государство выделило средства на образование*). При этом весьма часто слово *государство* выступает в тех контекстах, где зафиксированная многозначность никак не преодолевается в пользу однозначного понимания. *О социально не защищенных должно заботиться государство – государство* как «организованная структура» или *государство* как «власть»? *Конституция – Основной закон государства – государства* как «страны» или как «организованной структуры»? *Политика, враждебная интересам государства – интересам «организации»* или интересам «власти»? Отмечу, что в каждом из приведенных примеров возможны оба толкования, а следовательно, возможно и полное взаимное понимание отправителя и получателя, и такое, так сказать, понимание, при котором осмысление слова участниками коммуникации не совпадает. А если так, то такая коммуникация явно находится в зоне большого риска.

Отмечу, что при понимании *государства* как «власти» обычно остаются совершенно неясными те конкретные лица, которые имеются в виду. А при понимании *государства* как «организации» в таком же положении находятся те элементы структуры, институты, которые эту структуру создают. Уход от конкретики в таких случаях демонстрируют такие выражения, как, например, *в Кремле считают, Белый дом возражает* или *рука Москвы, Париж согласен на переговоры* и т.п., где подразумевается, скорее всего, власть, однако это обозначено весьма невнятно и размыто.

Замечу, что именно «власть» в самых разнообразных ее проявлениях часто выступает также в качестве неназываемого субъекта действия в страдательных конструкциях: *Ваш вопрос решается, Курить запрещается, В плане предполагается...* (кем?) – и неопределенно-личных предложениях: *Вопрос решают, Курить запретили* (ср. также *есть мнение, поступило указание* и т.п.).

Выскажу предположение, что говорящие по-русски, часто избегая упоминания субъекта, производителя действия, представляя это действие как совершающееся само собой, особенно тактичны (?) в своем стремлении не упоминать «власть» как субъект и источник множества весьма неприятных действий. Слово *государство* выступает в таком случае весьма эффективным средством, позволяющим уйти от точной номинации.

Культура. Слово *культура* также употребляется в нескольких значениях. В качестве основных можно выделить несколько случаев. Бытовая культура как соблюдение определенных норм в повседневной жизни, гигиенических, утилитарных, поддерживающих физическое здоровье и т.п. Культура в отношениях между людьми в разных коллективах, в поведении, в коммуникации, во внимании не только к самому себе, но и к другим и т.п.

К глубокому сожалению, словосочетание *культура речи* утвердилось в русском языке не как обозначение требования к высокому качеству исполнения ролей в коммуникативном акте, но ограничивается лишь требованием к соблюдению формальных языковых норм. Такое самоуничижительное для лингвистики сужение предмета, вполне объяснимое в середине прошлого века, выглядит более чем странно в наше время и, к счастью, нередко преодолевается в преподавательской практике. Этим двум связанным значениям противостоит культура как обозначение высоких достижений человечества, преимущественно в художественной области, в музыке и поэзии, живописи и литературе и пр.

В последнее время бытовая культура все чаще сопрягается с художественной в таких областях, как архитектура, дизайн и др. При этом разнообразные результаты, достигаемые художественной культурой, равно как и процессы, к этим результатам ведущие, требуют своих организационных и вполне материальных структур — музеев и кинотеатров, театров и училищ и др. И это разнообразное хозяйство тоже принадлежит к области, называемой культурой. Поэтому, когда речь идет, например, о *министерстве (министре) культуры*, можно предполагать и «высшие достижения», и «хозяйство, связанное с сохранением и созданием таких достижений». Впрочем, не полностью исключено и другое. По словам одного деятеля культуры («высшие ценности»), его огорчает не министр культуры, но культура министра («бытовая» или «связанная с отношениями между людьми?»).

Видимо, различие этих двух сфер отразилось и в противопоставлении *деятеля культуры (режиссер, художник, артист и пр.)* и *работника культуры (служащий министерства, музея, театра и пр.)*. М. А. Булгаков писал, что, поступив на административную работу в МХАТ, он получил удостоверение сотрудника МХАТ. Так же официально называли и ведущих артистов. Это различие чрезвычайно важно: ср., например, *член президиума РАН и референт президиума РАН, работать в науке и состоять при науке, заместитель по научной работе и по хозяйственной части* и мн. др., когда необходимо различать главное целевое назначение некой структуры и заботу о создании условий для эффективной работы этой структуры (ср. также *администрация Президента и управление делами Президента*, где из самих названий не ясно принципиальное различие в сферах деятельности обеих структур, *секретарь партии и секретарь директора* и мн. др.).

Смещение двух видов деятельности: деятельности, направленной на достижение высот человеческого духа, и деятельности по обеспечению условий для достижения новых высот и сохранения результатов старых — приводит к увеличению удельного веса второго компонента (он обычно достаточно весом, груб и зрим) за счет умаления доли первого. Здесь сразу же возникает вопрос, кто, когда, каким образом выделит

действительно «высшие достижения». В самом деле, этот вопрос, который, как кажется, должен решаться в пользу самих творцов, с учетом исторического опыта остается без однозначного ответа. Однако «логика», согласно которой «обеспечение условий» предопределено пользой (или вредом?) для существующей власти, что на первый взгляд представляется убедительным, базируется на полном непонимании значения слова *культура* как «высших проявлений творческого духа человека». Эти проявления обладают совсем иным масштабом, сущностным и историческим, чем те, что вписываются в понятия, обозначаемые словами *политика* и *пропаганда*.

Аргумент «Почему мы (власть) должны давать деньги на создание произведений, вредных для нас?» отражает ложные представления не только о культуре. Речь идет и о ложном преувеличении представлений чиновников о собственной роли не только в оценке культурных достижений, но и о наивной убежденности в собственной принадлежности к вечности. Ведь только длительный исторический опыт обычно выносит свои приговоры относительно того, какие проявления художественного творчества остаются как высшие достижения культуры, а какие — нет. Решать эти вопросы, исходя из сиюминутной целесообразности, значит абсолютно не понимать, что же стоит за словом *культура* в значении «высшие художественные достижения». Впрочем, это понимание уже достаточно запутано в русском языке множеством других значений этого слова.

Приведенные соображения, как кажется, имеют не только самодовлеющий интерес. Очевидно, что в головах наших соотечественников царят, как следует из многих опросов ВЦИОМ, взаимоисключающие мнения и оценки относительно фундаментальных принципов организации жизни современного общества. Подчеркну, что речь в данном случае не о так называемом «расколе» в обществе, но о «разрухе» во множестве каждой из отдельно взятых голов. Представляется, что в значительной степени за это не внушающее исторического оптимизма состояние ответственность лежит именно на лингвистической науке, которая не приучила общество самым внимательным образом относиться к содержательной части в значении слова. Не к эмоциональной оценке, не к проявлению грубости, невежливости, нецензурности, а именно к тому, какая же именно реальность стоит за словом в данном конкретном его употреблении. Невнимание к сущности обозначаемого, весьма приблизительное и часто очень субъективное осмысление называемого, создавая видимость коммуникации, предопределяет крайне низкое ее качество. Если, конечно, считать коммуникацией не просто акт, как таковой, но полное и точное понимание мысли автора, собеседника, говорящего, пишущего. А также способность в точном соответствии с замыслом выразить собственную мысль, оформляя ее так, чтобы она была

понятна для партнера и выглядела уместно в определенных условиях коммуникации.

Сосредоточенность преимущественно на правилах орфографии и пунктуации как высшей ценности при обучении русскому языку в школе ведет к интеллектуальной деградации людей, говорящих по-русски только на темы, не выходящие за пределы быта. Занятные рассказы о происхождении слов и фразеологизмов, рассуждения о том, «как правильно?» в отношении исключительно формальной стороны зачастую очень редких слов и выражений, развеселые обсуждения более или менее безвкусных словесных упражнений в СМИ и Интернете, издание «Самоучителя олбанского языка», пропаганда «языка падонкафф» и прочая подобная активность многих коллег создает опасную видимость внимания и любви к русскому языку, а на деле игнорирует главное оправдание самого существования языка — смысл. Превращает коммуникацию на русском языке в формальную игру, заменяя таким образом развитие способности наших соотечественников внятно осмыслять с помощью средств русского языка свои представления об окружающем мире и достигать на этой основе взаимопонимания между собой.

МГУ им. М. В. Ломоносова

Кого почитают, того и величают.
«Профессиональная элита»
в современном русском языке

© Э.Д. ГОЛОВИНА,
кандидат филологических наук

Новые экономические отношения, сложившиеся в России к XXI веку, и последующее беспрецедентное социальное расслоение общества обусловили появление новых категорий и страт населения: средний класс, олигархи, ВИП-персоны, бомжи, дауншифтеры, гастарбайтеры и т.д. В наших заметках современное словоупотребление в данной сфере и его динамика рассмотрены на медийном материале в рамках показательной в этом плане лексико-семантической группы «профессиональная элита».

Ключевые слова: лексико-семантическая группа (семантическое поле), сема, язык СМИ.

New economic relationships developed in Russia by the XXI century and the following unprecedented segregation of the society conditioned the appearance of new categories and layers of the society: middle class, the oligarchs, VIP persons, homeless people, downshifters, etc.

In our articles modern word usage in this field and its dynamics considered on the media material within the framework of indicative in this respect, lexico-semantic group of «professional elite».

Key words: lexical-semantic group (semantic field), sema, mass media language.

Лексико-семантическая группа, или семантическое поле, – это совокупность лексических единиц, «имеющих общий (интегральный) семантический признак и отражающих в языке определенную понятийную сферу» [1]. В структуре семантического поля специалисты различают элементы, образующие ядро, центр, а также единицы периферийные.

Наличие в языке такой лексической микросистемы, как названия выдающихся членов профессионального или другого сообщества, связано с тем, что в любой сфере жизни, в каждом деле есть люди, которые являются общепризнанным авторитетом и могут считаться элитой.

Лексико-семантическая группа «профессиональная элита» в известных нам семантических словарях не описана. Ее формирование – живой процесс последних десятилетий, происходящий на наших глазах – здесь и сейчас.

На рубеже XX и XXI столетий, по не критически заимствованной англоязычной традиции, крупных мастеров своего дела, авторитетных привилегированных персон чаще всего обозначали именем существительным «монстр». Так называли мастеров слова, журналистов, деятелей киноискусства, артистов, спортсменов и т.д.:

«*Монстр* отечественной фантастики Василий Головачёв будет общаться со студентами гуманитарного института» (Источник новостей. 2008. 1 окт.); «Рассказик на скорую руку слабая или поэмка – это для будущих *монстров* пера раз плюнуть» (АиФ. 2001. № 25); «И правильно ли, что *монстров* эстрады судят совсем молодые исполнители?» (Комс. правда. 2007. 16 окт.); «По каким-то причинам, оставив “*монстров*”, руководство избавилось от тех, кто по идее должен был в Пекине составить главную ударную силу» (Новая газета. 2008. № 57).

Особенно часто «монстрами» именовались рок-музыканты: «24 мая четверка рок-*монстров* выступит в Москве» (Метро. СПб. 2008. № 10); «Уникальный концерт, собравший 7 *монстров* рока: Алиса, Агата Кристи, Чайф, Ленинград, Пикник, Король и Шут» (Gaudeamus. СПб. 2008. № 17); «Проявили интерес к уникальной возможности и столичные *монстры* – Вадим Степанцов (“Бахыт-Компот”) и рок-группа популярного киноартиста Алексея Кравченко» (Наш выбор. 2006. № 12) и т.д.

Журнал «Русская речь» [2] едва ли не первый и единственный обратил внимание читателей на ненормативность подобного словоупотребления. Также несколько десятков паспортизированных примеров некодифицированного использования слова *монстр* представлено в практике по культуре речи «На ошибках учимся» [3] и в словаре-справочнике «Трудности современного словоупотребления» [4].

Все русскоязычные словари тех лет трактовали книжное слово «монстр» как «чудовище, урод». Монстры были известны широкой публике прежде всего как персонажи фантастических зарубежных фильмов. Показательно, что произносящие слово «монстр» чувствовали

потребность в комментариях: «Извините, Юрий, что назвал Вас *монстром* – интеллектуальным, конечно же» (НТВ. Своя игра. 2002. 14 апр.); «Жванецкий *монстр* эстрады в хорошем смысле. *Монстр слова*» (Конкурент. 2012. № 23).

В медийной практике второго десятилетия случаи злоупотребления словом «монстр» сократились в разы, хотя и встречаются: «Дебют среди таких высокопрофессиональных *монстров* – Мягков, Фрейндлих, Петренко – был невероятным испытанием» (АиФ. 2015. № 36); «Вот это битва *монстров*, титанов, богов!» (Россия 1. Один в один. 2016. 6 февр.); «Киркоров – Басков, эти два *монстра* нашей эстрады» (Собеседник. 2014. № 24).

Едва ли не прямо противоположна ситуация с употреблением в те же периоды существительного «мастодонт». Вразрез с данными толковых словарей, где «мастодонты» – это люди с устаревшими, допотопными взглядами, журналисты подчас именовали так лучших, авторитетнейших среди писателей, журналистов, художников, музыкантов и т.д.: «Остались, конечно, *мастодонты* типа Маркеса или Фаулза, того же Астафьева» (НГ-еx libris. 1999. № 21); «*Мастодонты* вятской журналистики получали призы, говорили ответные слова» (Новый вариант. 2005. 27 янв.); «Правильной ориентации придерживаются *мастодонты* рока» (Комсомольская правда. 2003. 19 сент.); «Кончаловский оставил за плечами даже таких *мастодонтов*, как Айвазовский, Шишкин и прочих певцов русской природы» (Аргументы недели – далее АН. 2006. № 18); «*Мастодонт* клубного бизнеса Алексей Горобий» (Новая газета. 2005. № 84).

В наши дни позиции слова *мастодонт* заметно укрепились: «Это нам *мастодонты* вбили: пока вы на пенсию не выйдете, вы слово “журналист” в сочетании со своей фамилией употреблять не можете» (Вятский край. 2015. № 39); «*Мастодонты* уходят (недавняя великая потеря – Эльдар Рязанов)» (АН. 2016. № 6); «Народный артист, корифей и *мастодонт*, лауреат всего и вся» (Комсомольская правда. 2015. 22–29 июля); «*Мастодонт* кисти и мольберта разлил остатки» (Экспресс Газета. 2014. № 2); «Якову 25 лет, а Сергей уже *мастодонт* сёрфинга» (Эхо Москвы в Кирове. 2014. 16 июля).

К мастодонтам стали относить крупных политиков и бизнесменов: «Новая Дума будет снова состоять из нынешних же политических *мастодонтов*, стратегически лояльных власти» (МК. 2013. 3 апр.); «Прохоров в некоторых городах уверенно опережает *мастодонта* электоральных процессов Геннадия Зюганова» (Конкурент. 2012. № 9).

Та же закономерность наблюдается и в использовании существительного *динозавр*. В прессе начала века примеры его употребления единичны: «Не отстает от матери и фотомодель Лиззи Джаггер – дочь Холл и рок-динозавра Мика Джаггера» (Дело. СПб., 2006. 30 окт.).

Ср. позднее: «Не остались без приза фестивальные *динозавры* – братья Дарденн» (АН. 2014. № 19); «*Динозавр* советской эстрады Лев Валерьянович (Лешенко.– Э. Г.)» (Собеседник. 2015. № 49); «Р.Е.М.– это уже настоящие *динозавры* рок-музыки» (Конкурент. 2011. № 36); «На наши концерты заходили периодически в гости Андрей Макаревич, Александр Градский и кто-то еще из *динозавров* 70-х годов» (Конкурент. 2011. № 39).

Интересна в анализируемом семантическом поле судьба слова *мэтр*. О его былой периферийности свидетельствует прослеживаемый на протяжении столетия лексикографический разноречивый в части написания данного слова, толкования его значения, коннотационных характеристик.

Так, еще в «Большом толковом словаре русского языка» 1998 года оно дано с гласным *е*. Написание «мэтр» установилось лишь с выходом «Русского орфографического словаря» под редакцией В. В. Лопатина.

Толковые словари русского языка отражали одну из сем (то есть составных частей лексического значения) этого существительного: «учитель, наставник». В то же время словари иностранных слов отслеживали и такую сему, как «почтительное название человека выдающихся дарований и знаний в области науки, искусства и литературы». Эта формулировка и в «Словаре иностранных слов» 1964 года, и в «Новом словаре иностранных слов» [5]. Изменились со временем коннотационные пометы при данном слове. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова оно трактуется как «устаревшее, теперь разг. шутол.» и употреблявшееся «в кругах учено-художественной интеллигенции». Для составителей Википедии «мэтр» и сейчас – слово устаревшее и книжное.

Сегодняшняя реальность такова, что в пору говорить об экспансии существительного *мэтр*, которое значительно расширило свои семантические возможности. Оно ассоциируется со «сливками общества» в самых разных областях современной жизни. Это литература и журналистика: «*Мэтру* вятской литературы Владимиру Ситникову исполняется 85 лет» (Наш город. 2015. № 58); «2 ноября в “Родине” состоится концерт *мэтра* отечественного юмора» (Про город. 2013. 4 окт.); «Довлатов был самым младшим из “*мэтров*” “бронзового века” русской литературы» (Филин. СПб. 2016. Сентябрь); «...изложение *мэтрами* богатого спектра проблем российских СМИ» (АН. 2013. № 46).

Это театр: «Двенадцать российских деятелей культуры, среди которых были такие *мэтры*, как Олег Табаков, Геннадий Хазанов...» (Мир криминала. 2013. № 2); «Это будут не просто рассказы, а миниатюры, которые сыграет *мэтр* театрального мира» (Про город. 2015. № 8, о К. Райкине); «Уже в 1940 году Донатас был артистом. В одном из своих поздних интервью *мэтр* рассказал...» (Секретные материалы 20 века.

2014. № 26); «Еще желает новизны один Любимов, *мэтр* Таганки» (Собеседник. 2014. № 16–17); «А “Белая гвардия” – новый авторский русский мюзикл, написанный *мэтром* Владимиром Кобекиным и поставленный другим *мэтром* Кириллом Стрежневым» (МК. 2014. 18 апр.); «Открыл Воронцову сам *мэтр* балета Владимир Васильев» (Российская газета. Неделя. 2013. № 50).

Это телевидение: «В жюри были приглашены и *мэтры* кировского телевидения» (Наш город. 2011. № 61); «Особенно меня умиляют кадры смеющихся *мэтров* из жюри (громче всех, как правило, заливаются Ярмольник)» (Собеседник. 2014. № 32); «*Телемэтр* Владимир Познер: “В России меня держит только моя работа”» (Деловая Вятка. 2014. № 3).

Это политика и разные виды бизнеса: «Ультраравные *мэтры* Европы» (Эхо Москвы. 2015. 25 марта); «*Мэтр* российского ипотечного кредитования Валерий Казенин вручает диплом» (Навигатор. 2016. № 39); «*Мэтры* моды Вячеслав Зайцев и Валентин Юдашкин» (Семья. 2012. № 11).

Это наука и образование: «*Мэтры* науки раздавали премии Европейской академии» (Поиск. 2003. № 51); «Сердечно поздравляем *мэтра* русского литературоведения и языкознания Виктора Сергеевича Маслова с замечательным юбилеем» (Санкт-Петербургский университет. 2013. № 10); «Юристов будут готовить по программам бакалавриата, и это тревожит *мэтров* профессии» (Российская газета. Неделя. 2013. № 50); «Еще раз с удовольствием послушал этого *мэтра* отечественной юриспруденции» (Навигатор. 2009. № 38).

Мэтрами называют известных музыкантов, начиная с творцов авторской песни: «*Мэтры* шутилой авторской песни» (сборник с участием А. Ивашенко, Г. Гладкова и др. бардов); «На сцене наряду с такими *мэтрами*, как Галина Хомчик, Юлия Зиганшина, Михаил Трегер, братья Мишуки, исполняли свои композиции молодые таланты» (Про город. 2015. № 29).

Однако больше всего «мэтров» в шоу-бизнесе: «Свои именные звезды получили Алла Пугачёва, Александра Пахмутова, Валерий Леонтьев, Лев Лещенко, Эдита Пьеха и другие *мэтры* эстрады» (Эфир. 2014. № 30); «Дочка в столь раннем возрасте имеет возможность общаться с таким *мэтром*» (Телесемь. 2016. № 15, об А. Пугачёвой); «Но Кикабидзе не отступает. По словам *мэтра*, он не боится потерять поклонников» (АН. 2013. № 37); «Кубана ежегодно приглашает какого-нибудь *мэтра* советской эстрады. Уже были и Антонов, и Лещенко, и Леонтьев» (Собеседник. 2016. № 31); «*Мэтр* российской эстрады Иосиф Кобзон исполнил песню “С чего начинается Родина...”» (Эфир. 2015. № 15); «Побеседовать с *мэтром* итальянской эстрады нам удалось вечером» (Источник новостей. 2013. 12 окт.).

Тенденция последних лет – именование «мэтрами» организаторов шоу-бизнеса: «Это *мэтр* в нашем шоу-бизнесе» (АиФ. 2014. № 41, об

И. Пригожине); «Прийти на концерт к подопечной у *мэтра* шоу-бизнеса не получилось» (МК. 2014. 11 июня, о М. Фадееве).

Из киноэлиты мэтрами журналисты называют преимущественно режиссеров: «Среди моих преподавателей оказался Борис Николаевич Петров, великий *мэтр* советской спортивной режиссуры» (Мир новостей. 2014. № 9); «А вот другие *мэтры* были вполне обласканы фестивалем. Так, приз президента фестиваля Армена Медведева достался Александру Прошкину» (АН. 2015. № 31); «Одним из первых российских *мэтров*, приступивших к съемкам, стал Сергей Соловьёв» (АН. 2015. № 41); «Фильм доделывали жена и сын *мэтра*» (АиФ. 2014. № 9, об А. Германе); «Разглядел актерский талант Башарова и другой *мэтр* – Павел Лунгин» (Мир криминала. 2014. № 41); «Училась мастерству у признанного *мэтра* кино Владимира Ивановича Хотиненко» (Эфир. 2016. № 17); «Говорит *мэтр* советского кино режиссер Александр Митта» (АиФ. 2014. № 35); «... *мэтр* румынского кино» (Загадки истории. 2016. № 25); «*мэтр* польского кино режиссер Жулавский» (Мир криминала. 2013. № 36) и т.д.

Перспективная новация данного семантического поля – сравнительно недавно заимствованная именно в этом значении лексема *гранд*. Прежде всего она была освоена в такой сфере, как спорт: «Ассистенты жеребьевки – футбольные *гранды* Роналдо, Форлан, Каннаваро» (Собеседник. 2015. № 28); «В детстве я играла со стенкой, представляя, что против меня сражается кто-то из *грандов*» (Конкурент. 2012. № 5).

Общемировая тенденция – называть грандами лучшие спортивные команды: «И теперь по общей стоимости игроков питерский клуб может конкурировать с такими *грандами*, как «Реал», «Барселона», «Манчестер Сити» и пр.» (Жизнь. 2012. № 36); «Каждая страна – хоккейный *гранд*» (Собеседник. 2014. № 41); «Чилийцы способны покусать любого соперника, но по классу не дотягивают до двух европейских *грандов*» (МК. 2014. 11 июня).

Во-вторых, СМИ распространили слово *гранд* на сферу искусства: «Не стало оперной примы Елены Образцовой, ушла Галина Вишневская. С уходом таких *грандов* наше классическое искусство изменится?» (АиФ. 2015. № 9); «Бескрайние просторы родины бороздят в первую очередь отечественные рок-легенды. У *грандов* теперь все по-взрослому» (АН. 2015. № 10); «Максим делился наблюдениями за *грандами* отечественной эстрады» (Т/к «Россия». 2015. 24 мая, И. Верник); «Два остроумца-телегранда – Иван Ургант и Дмитрий Нагиев» (Собеседник. 2015. № 35).

В-третьих, слово «гранд» задействовано сейчас в общественно-политическом дискурсе: «Спустя четверть века мне захотелось проследить судьбы “*грандов* гласности” и “прорабов перестройки”» (АН. 2015. № 31). Еще одно новоприобретение последнего десятилетия в данной лексико-семантической группе – санскритское по своим корням слово *гуру*.

При этом наблюдается его семантическое упрощение за счет утраты семы «духовный наставник, формирующий мировоззрение». Сегодня гуру — это персона, авторитетная для самых разных профессионалов: бизнесменов, музыкантов, журналистов, продавцов, рыболовов, охотников, чекистов и т.д.

Например: «Первую скрипку в дискуссиях задают общепризнанные “экономические гуру” последних лет» (АН. 2016. № 6); «Наставником был гуру ресторанного бизнеса Ален Дюкасс» (Бизнес Новости. 2015. № 28); «Ценность фестиваля заключалась в возможности поучиться у так называемых гуру радиовещания» (Источник новостей. 2013. 7 дек.); «Общаться, а не тарабанить заученные фразы по скриптам, разработанным очередным гуру по продажам» (Бизнес Класс. Киров. 2016. № 11).

Самая долгая история у слова *корифей*, когда-то практически не имевшего конкурентов, например: «Нынешним “*корифейем*” театра, литературы и кинематографа наивный страх Шалапина ... покажется кокетством» (Библиотека «Огонек». 1988. № 21); «*Корифеи* золотой промышленности..., сверхчеловеки» (О. Куваев. Территория. 1975) и т.д.

Осталось оно в семантическом поле и сегодня: «Мировое научное сообщество конформистски последовало за *корифейами*» (АН. 2015. № 17); «Кларк — *корифей* жанра научной фантастики» (Вятский наблюдатель. 2016. № 22); «...знаменитый композитор Раймонд Паулс, *корифей* советской, российской и латвийской музыки» (Мир криминала. 2013. № 14).

Масштабные авторитеты в разных областях жизни именуется также титанами, гигантами, махинами, аксакалами, а во властных структурах — еще и тяжеловесами: «*Титан* мирового футбола Кристиану Роналду не посетит Россию» (АН. 2015. № 43); «*Гиганты* рынка подключаются к пивной революции в России» (Навигатор. 2016. № 18); «Мне очень нравятся коллаборации молодежных брендов и настоящих *махин* подиума» (Я покупаю. 2015. № 11); «Ю. К. Толстой, академик РАН, *аксакал* отечественной цивилистики» (АН. 2014. № 35); «Партия власти выдвинет системного *тяжеловеса*» (Эхо Москвы. 2016. 19 дек.).

Примечательно, что в лексико-семантической группе «профессиональная элита» «прописались» названия наиболее крупных представителей животного мира. Чаще всего это слово «бык», в семантике которого прослеживаются такие моменты: «быки» — сильные, рослые люди; наемники, криминальный «спецназ»; авторитетные, влиятельные члены сообщества. Примеры: «Кое-кому было плевать на Князя в частности и блатных вообще. А именно — “*быкам*”, то есть бывшим спортсменам с редкими извилинами в мозгу. Попав за решетку, “*быки*”, уповая на свою мускулатуру, вели себя так же нагло, как и на воле» (Мир криминала. 2013. № 5); «“Молодняк”, взрослея, всегда бунтует против “*быков*”» (Вятская особая газета. 2008. № 51); «В пятницу “*быки*” российско-фондового рынка перешли в атаку» (Конкурент. 2011. № 39).

Лексема «бык» зафиксирована «Словарем московского аргю» В. С. Елистратова, наряду с существительными «бизон» (большой, сильный человек) и «зубр» (знающий специалист). Эта же сема отмечается у последнего «зоонима» и «Большим толковым словарем русского языка» с пометами «разг. шутл.». Она прослеживается и в названии романа Д. Гранина «Зубр» – о выдающемся ученом, а также в современных медийных текстах: «Встреча эта нужна обеим сторонам: одному – напомнить о себе и подчеркнуть, что *зубры* еще в строю, а другому – создать иллюзию большой закулисной игры» (Собеседник. 2016. № 5); «Медали ветеранов могут оказаться чуть ли не единственными. Ведь должной поддержки у этих *зубров*, по сути, не будет» (Новая газета. 2008. № 57).

Сравнение корифеев со слоном, видимо, традиция давняя. Так, в очерке «Чехов» К. И. Чуковский писал: «Один из почитателей А. П. Чехова назвал его слоном среди всех беллетристов». В наши дни слоны – это и крупные личности, и солидные бизнес-структуры: «Борьба с огромными, гигантскими трансцендентальными компаниями – *слонами...*» (Эхо Москвы. 2015. 12 сент.). В жаргоне военнослужащих «слон» – синоним существительного «дед» (старослужащий как непререкаемый авторитет для «салаг»).

Статусные персоны и целые коллективы характеризуются также словами «вепрь» и «кит»: «Этот *вепрь* вокала знает о пении всё» (АН. 2014. № 49, об А. Градском); «Такому *киту* и мэтру торговли, как Центральный универмаг, не хватало именно этой изюминки» (Бизнес-Новости. 2014. № 42). Переносное значение последнего отражено в БТС с пометой «разговорное»: об авторитетном человеке, на котором держится все дело. Кит науки. Кит русской сцены.

Ядерные элементы семантического поля употребляются подчас в одном тексте парами и более, уточняя, усиливая друг друга или внося ироническую нотку, например: «Заявленные электронные *мэтры-монстры* проявились в “Победе” как шесть невнятных ди-джеев» (Наш вариант. 2005. № 31); «Приятно, когда на сцене появляются заслуженные *гранды* отечественного юмора... За кулисами концерта обозревателю “АН” удалось поговорить с *мэтрами* российского юмора» (АН. 2013. № 37); «Познер перед эфиром нервничает. Казалось бы, *мэтр*, *кит*, *мастодонт*, президент и лауреат, а волнуется, как мальчик» (АиФ. 2001. № 32); «Мэри Лазарева печатно назвала Бушмелеву *монстром* местной “культурной” журналистики». Жест! Может, имела в виду: *мастодонт*? Точнее, *зубр*. А для кого-то и *мэтр*» (Вятская особая газета. 2008. № 39).

Как видим, анализируемая лексико-семантическая группа находится на стадии формирования. Наблюдаются живые динамические процессы, касающиеся семантики ее элементов, активности

употребления и экспрессивно-стилистической их маркировки, а также идет уточнение орфографических норм. О нестабильности параметров данного семантического поля говорит и непоследовательное оформление его элементов кавычками. Что ж, велик почет не живет без хлопот.

Литература

1. *Стариченок В.* Большой лингвистический словарь. Ростов-на-Дону, 2008. С. 449
2. *Головина Э.Д.* Как монстры заменили мастодонтов // Русская речь. 2002. № 1. С. 123–124.
3. *Головина Э.Д.* На ошибках учимся. Киров, 2003.
4. *Головина Э.Д.* Трудности современного словоупотребления. Киров, 2011.
5. *Захренко Е., Комарова Л., Нечаева И.* Новый словарь иностранных слов. М., 2008.

Киров

Модальная функция глагольных междометий

© Т.И. ТАРЕЛКИНА

В статье рассматривается модальная функция глагольных междометий. Представлен подробный анализ их употребления в тексте с целью выявления объективной и субъективной модальности в сфере рассматриваемого языкового явления. В качестве примеров использованы материалы художественных и публицистических текстов, извлеченные из Национального корпуса русского языка, и экспериментально созданные конструкции.

Ключевые слова: глагольные междометия, модальная функция, объективная модальность, субъективная модальность, высказывание, текст.

The article is devoted with modal function of verbal interjections. Detailed analysis of use of the verbal intrjection in text is given. The analysis is directed to detection of objective and subjective modality in the field of the verbal interjections. As an examples are used materials of fiction and publicistic texts derived from Russian National Corpus, and experimental created constructions.

Key words: verbal interjections, modal function, objective modality, subjective modality, utterance, text.

Под модальностью в современной лингвистике понимают «свойство отношений, которое различается по свойству действительности и гипотетичности, по способу их существования, а также по наличию или отсутствию указаний на уверенность в их истинности» [1. С. 27; 2; 3]. Выделяют объективную модальность, выражающую отношение высказывания к действительности, и субъективную, которая выражает отношение говорящего / пишущего к содержанию своего высказывания [2; 1.С. 5; 4].

В настоящей статье представлен анализ глагольных междометий: слов типа *глядь, хватъ, прыг* и под. Подробнее о рассматриваемом языковом явлении см.: [3; 5. С. 193] с точки зрения выражения модальности как функционально-семантической категории. В составе высказывания анализируемые единицы являются:

1) субститутом глагола: «Говорит про одно, а потом вдруг... *скок* в другое место» [6. Театральная жизнь. 2004. 28 июня]; «Из избы в избу ходил Иван Романыч, земными поклонами лечил: перед образами бить поклоны, по сту, по двести, покуда пот пройдет, *глядь* – полегчало» [Там же. Е. Замятин. Север];

2) вставным предложением, разрывающим текст: «*У неотправленных писем есть особенность протыкать время. Без всяких марок и штемпелей – прыг* – и уже у вас в руках» [Там же. М. Шишкин. Венерин волос. Знамя. 2005]; «Иногда мне приходило в голову, что он играет на несоответствии внешности и деловой хватки. “Акулы” видят перед собой хилого, неприспособленного юнца – и расслабляются, а тут он их – *хвать!* Впрочем, не знаю...» (В. Белоусова. По субботам не стреляю).

Предикативность глагольных междометий отмечена в Грамматическом словаре А.А. Зализняка (так, слова *кувырк*, *стук*, *хрясь*, *юрк* и др. рассматриваются как предикативные междометия) [7].

Глагольные междометия реализуют в тексте все значения объективной модальности, тесно связанной с темпоральностью: они обозначают действие, которое происходит в настоящий момент, происходило когда-то или будет происходить [3]. Так, в высказываниях: «Надо было идти по берегу моря, там – валуны, и вот его легкая фигурка – *прыг-прыг* по камушкам, а я за ним» (А. Демидова. Бегущая строка памяти); «Я *глядь* в сторону, да, знать, спросонья оступилась, так прямо с рундучка и полетела вниз – да о землю *хлоп!*» (И. Тургенев. Живые мощи); «[Командир] Соскочит с ящика, запишет – и обратно на ящик *прыг* (=прыгнет)» (В. Конеевский. Начало конца комедии). В первом примере словоформа *прыг-прыг* обозначает действие, относящееся к настоящему моменту: *его легкая фигурка прыгает по камушкам*; во втором слова *глядь* и *хлоп* наряду с глаголами, употребленными в форме прошедшего времени (*почудилось*, *оступилась*, *полетела*), обозначают действие, совершившееся в прошлом; в третьем глагольное междометие *прыг* наряду с глаголами *соскочит* и *запишет* выражают действие, которое с точки зрения говорящего / пишущего точно произойдет в будущем: *когда будет необходимо, командир осуществит вышеуказанные действия: спрыгнет с ящика, запишет и обратно на ящик запрыгнет*.

Субъективная модальность присуща любому высказыванию. В каждом предложении всегда присутствует лицо, которое выражает свое субъективное мнение относительно сообщаемого [1. С. 48].

Глаголы, употребленные в форме повелительного и сослагательного наклонений, реализуют субъективную модальность, так как повелительное наклонение в прямом значении используется для выражения просьбы, совета или приказа говорящего (субъекту речи важно, чтобы кто-то что-то сделал), а сослагательное наклонение выражает субъективное желание говорящего. План содержания высказывания

смещается в сторону возможности / невозможности осуществления какого-либо действия.

В связи с отмеченными особенностями необходимо рассмотреть, как реализуется объективная и субъективная модальность в высказываниях с глаголами, употребленными в формах повелительного и сослагательного наклонений:

1) *Уберись в своей комнате!* Здесь объективная модальность сводится к уборке помещения силами того, к кому эта речь обращена; субъективная модальность выражена в приказе убраться: чтобы в комнате было чисто, важно прежде всего для говорящего, тогда как окружающим может быть все равно, чисто в комнате или нет;

2) *Хорошо бы сейчас плотно поесть и Я хочу есть.* В обоих случаях реализуется объективная модальность, сводящаяся к констатации факта: в настоящее время я нуждаюсь в приеме пищи. Однако в первом случае план объективной модальности совмещен с субъективной, выражающей желательность приема пищи (*хорошо бы*).

Глагольные междометия реализуют в тексте значения повелительного и сослагательного наклонений: «— Меня Чижова Нюра зовут.— Тоже, глядь (=гляди), как японцы! — захохотала тетка Алена.— Имя задом наперед говорит» (Геласимов. Степные боги); «А ты бы стук в окошко!» [8. С. 208]; «Тебя обидели, а ты бы — хрясь! — обидчика: в другой раз невадно ему будет!» (экспериментально созданная конструкция).

В первом случае субъективная модальность выражена в том, на что следует обратить особое внимание: *Тоже, глядь* (в значении *гляди*), *как японцы!* Данная реплика полностью относится к плану субъективной модальности, тогда как объективная модальность выражена в другой фразе, сводящейся к простой констатации факта: *Имя задом наперед говорит*.

В двух других случаях формы *ты бы стук* и *ты бы хрясь* с точки зрения говорящего / пишущего выражают желательность определенного действия (стука в окошко или удара обидчика), тогда как объективная модальность сводится к следующему: *Тебе следует стукнуть в окошко и В случае обиды я разрешаю тебе ударить обидчика*.

Ядром субъективной модальности, выраженной посредством глагольных междометий, являются случаи, когда рассматриваемое языковое явление является вставной конструкцией, разрывающей предложение или высказывание: «Далее ассистент берет тяжелую длинную палку, широко размахивается и — хрясь, хрясь! — бьет экстремала по груди» (Комс. правда. 2004. 10 сент.). В данном употреблении «используются особые пунктуационные знаки — тире или скобки. Они указывают на выделенность междометия в этой позиции из общего потока речи» [9. С. 44; 10. С. 156; 11. С. 78; 12. С. 40], образуя вставные предложения.

В связи с отмеченной особенностью следует рассмотреть случаи подобного употребления подробнее: «Если нырнуть в собачий лаз, под дверь, то спасусь. Думать некогда, — прыг! — вниз, мимо ног матери, в дырку... Уже воздух пахнул в лицо, но в спину вонзается ус медленно, насквозь» (В. Добровольский. Собачий лаз); «Но только лишь мышонок оправился от страха, только... и так — юрк! А она — черт ее знает как! — Р-РАЗ! — и опять в лапу его... обхватила... и держит... довольная...» (В. Смехов. Театр моей памяти); «Расвирепев, Мишка бросился на нее. Она вроде бы и не собиралась убежать, стояла, как статуя, только в последнюю минуту — верть — и Мишка хлопнулся у ее ног. Она спокойно отошла на приличное расстояние, снова застыла. Он вскочил, кинулся на нее. Верть! А Мишка — хлоп! — Замотаю, — спокойно сказала она» (А. Драбкина. Волшебные яблоки); «Мне кажется, что мне одному не хватит всего этого богатства, а тут еще дедушка, как маленький, ест да ест ягоды. Не успеет общипнуть одну ветку, как уже присматривается, ищет глазами другую и вдруг — цап! — схватился за ветку, полную ягод» (Ф. Искандер. Дедушка).

В приведенных примерах глагольные междометия *прыг*, *верть*, *хлоп*, *цап* и *юрк* обозначают одновременно как стремительность, внезапность и неожиданность действия, так и его эмоциональную оценку говорящим или пишущим.

При этом глагольные междометия обладают грамматическим свойством предикативности и замещают в предложении глагол, выполняя синтаксическую функцию сказуемого, что позволяет им выражать значения объективной и субъективной модальности. Субъективная модальность реализуется в высказываниях с глагольными междометиями при употреблении рассматриваемого языкового явления в повелительном или сослагательном наклонении и во вставных конструкциях. Следует отметить, что вставные конструкции с глагольными междометиями кроме контекстно выраженной субъективной модальности, проявляющейся в обозначении с точки зрения субъекта речи внезапного, неожиданного, стремительно происходящего действия и оценке эмоционального состояния объекта речи, обладают объективной модальностью, так как обозначают конкретное действие того, о ком говорится в тексте.

Литература

1. Иванова М. А. Субъективная модальность и обособление: дисс. ... канд. филол. наук. Владимир, 2014.
2. Немченко В. Н. Грамматическая терминология. Словарь-справочник. М., 2011. С. 206.

3. *Серёда Е. В.* Классификация междометий по признаку выражения модальности // Русский язык. Приложение к газете «Первое сентября». 2002. № 23. // <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200202303/> (дата обращения: 13 ноября 2016 г.).
4. *Орехова Е. Н.* Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции. М., 2011. С. 13.
5. *Шанский Н. М., Тихонов А. Н.* Современный русский язык: Словообразование. Морфология. М., 1987. С. 193.
6. Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 17 ноября 2016 г.).
7. *Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка. М., 2003.
8. *Васильева А. Н.* Курс лекций по стилистике русского языка. Общие понятия стилистики. Разговорно-обиходный стиль речи. М., 2017.
9. *Шаронов И. А.* Междометия в речи, тексте и словаре. М., 2008. С. 44.
10. *Мхитарьян Г. С.* Синтагматика слов типа «чирк», «хрусть» как системная характеристика их глагольности // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2015. № 11. В 3-х ч. Ч. 1. С. 156.
11. *Серёда Е. В.* Место междометий в системе частей речи: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004. С. 78.
12. *Тарелкина Т. И.* Употребление междометий в функциях других частей речи // *Высшая школа.* 2015. № 9. С. 40.

Московский педагогический государственный университет

Спряжение односложных глаголов на *-ить*

© Е.М. РУЧИМСКАЯ,
кандидат педагогических наук

В статье рассматривается спряжение односложных глаголов на *-ить* в русском языке. Показаны разные схемы спряжения таких глаголов. Рассматриваются формы повелительного наклонения. Затрагивается вопрос изменения согласных при спряжении.

Ключевые слова: русский язык, односложные глаголы на *-ить*, спряжение, первое спряжение, второе спряжение, повелительное наклонение, изменение согласных.

The article is devoted to conjugation of one-syllable verbs with ending *-ить* in Russian. Different schemes of conjugation of such verbs are shown. Forms of Imperative mood are examined. Changing of consonants is examined as well.

Key words: Russian, one-syllable verbs with ending *-ить*, conjugation, first conjugation, second conjugation, Imperative mood, changing of consonants.

В русском языке группа глаголов, в инфинитиве имеющих один слог и оканчивающихся на *-ить*, немногочисленна.

Спрягаются эти глаголы по-разному. С помощью этимологии этому можно найти объяснение. Однако мы не будем обращаться к ней, рассматривая современное состояние языка. Это находится в русле четкого разделения синхронии и диахронии, провозглашенного Фердинандом де Соссюром.

Во многих односложных глаголах на *-ить* при спряжении появляется *ь* (разделительный мягкий знак): *бить* (*бью, бьёшь, бьёт, бьём, бьёте, бьют*), *вить* (*вью, вьёшь, вьёт, вьём, вьёте, вьют*), *лить* (*лью, льёшь, льёт, льём, льёте, льют*), *пить* (*пью, пьёшь, пьёт, пьём, пьёте, пьют*), *шить* (*шью, шьёшь, шьёт, шьём, шьёте, шьют*). Первое приходящее на ум предположение: у глаголов, спрягающихся по этой схеме, мягкая согласная в корне. Но нет: в глаголе *шить* – твердая согласная. Помните, как в начальной школе мы учили: *жи, ши* пишется с буквой *и*? Учили неслучайно: ведь *жи, ши* произносится твердо, и напрашивается буква *ы*. Сравним такие похожие по звучанию глаголы, как *шить* и *жить*. Ведь спрягаются они совершенно по-разному: при спряжении *шить* глагол остается

односложным (кроме 2-го лица мн.ч.) и появляется мягкий знак, а при спряжении *жить* глагол становится двусложным (кроме 2-го лица мн.ч.) и появляется *ь* (*живу, живёшь, живёт, живём, живёте, живут*).

Интересно отметить, что *ь* появляется во многих существительных, образованных от глагола *шить*: *швец* («И швец, и жнец, и на дуде игрец»), *швея, шов* и т.д.

В. И. Даль в гнезде «ШИТЬ» приводит еще много существительных с *В*, которые теперь не употребляются: «шва» (досчатая обшивка), «швальня» (комната, где шьют), «шевня» (два полотнища мехов), «швейка» (швейная игла), «швение», «шевство» (то же, что «шитьё») [1]. Обращает на себя внимание последнее слово, которое является омофоном с современным словом *шефство* (об омофонах и омографах – в более ранней статье [2]). В Словаре В. И. Даля приводятся также глаголы «живать» (в гнезде «жить») и «шивать» (в гнезде «шить»). В наше время первый глагол, хотя и выглядит архаичным, все же употребляется («Он жил там по нескольку дней»), а второй глагол не употребляется вовсе. Все вышеизложенное заставляет предположить, что раньше схемы спряжения у глаголов *шить* и *жить* были ближе.

Может быть, *ь* появляется при спряжении глаголов, у которых в корне одна согласная? Ведь у глаголов *злить, тлить, тмить, мнить, льстить, мстить, чтить, гнить, брить*, у которых нет мягкого знака при спряжении, в корне две или три согласных. Однако этому предположению противоречит спряжение глагола *жить*. Будем считать его исключением. Рассмотрим его спряжение и спряжение других глаголов, спрягающихся без *ь* (разделительного мягкого знака).

При спряжении глагола *жить*, как мы уже отмечали, появляется *ь*: *живу, живёшь, живёт, живём, живёте, живут*. Глагол при спряжении двусложный (кроме 2-го лица, мн.ч.).

При спряжении глагола *гнуть* вместо мягкого знака появляется *и*, и глагол при спряжении становится двусложным (кроме 2-го лица, мн.ч.): *гну, гниёшь, гниёт, гниём, гниёте, гнут*.

Совершенно особое спряжение у глагола *брить*, где неожиданно появляется *е*, хотя естественнее выглядело бы *и*: *брею, бреешь, бреет, брем, бреете, бреют*. Этот глагол при спряжении тоже двусложный (кроме 2-го лица мн.ч.). Оригинальности этому глаголу добавляет то, что у него, единственного из всех односложных глаголов на *-ть*, ударение на основе (у всех остальных – на окончании).

Все упомянутые глаголы – первого спряжения. Только глаголы *чтить, мнить, злить, тлить, тмить, льстить, мстить* – второго спряжения. При спряжении они односложные (кроме 2-ого лица мн.ч.), т.е. в корне нет гласной, как и в глаголах, в которых при спряжении появляется мягкий знак. *Тлить* (*тлю, тлишь, тлит, тлим, тлите, тлят*), *тмить* (... , *тмишь, тмит, тмим, тмите, тмят*), *чтить* (*чту, чтишь,*

читит, чтим, чтите, чтят (возможно *чтут*); *мнить* (*мню, мнишь, мнит, мним, мните, мнят*); *злить* (*злю, злишь, злит, злим, злите, злят*); *льстить* (*льщу, льстишь, льстит, льстим, льстите, льстят*); *мстить* (*мщу, мстишь, мстит, мстим, мстите, мстят*). Мы видим, что в последних двух глаголах в первом лице ед. ч. *ст* перед *у* переходит в *щ*. Это происходит не только в односложных глаголах. Например, *растить* – *ращу, мостить* – *мощу* и т.д. Глаголы «тлить» и «тмить» архаичные, но у В. И. Даля мы их находим: «Ржа железо тлит, а злая жена – мужа», «Тучи тмят небо, затмевают» [1]. Глагол *тмить* – недостаточный: форма 1-го лица ед. числа у него не употребляется.

Посмотрим, как образуется форма повелительного наклонения у этих глаголов.

Единственный глагол, имеющий двусложную форму повелительного наклонения, – это *жить*: *живи*. *Жив* – основа, *и* – окончание. То же окончание и в форме повелительного наклонения у глаголов второго спряжения *мнить* (*мни*), *тлить* (*тли*), *тмить* (*тми*), *злить* (*зли*), *льстить* (*льсти*), *мстить* (*мсти*), *чтить* (*чти*). У остальных глаголов форма повелительного наклонения оканчивается на *й*. У глагола *брить* (*брей*) и глаголов, при спряжении которых появляется мягкий знак (*бей, ве́й, лей, пей, шей*), эта форма оканчивается на *ей*. У глагола *брить* это естественно: *е* при спряжении есть в основе. А у глаголов с мягким знаком естественнее была бы форма на *ий*. Но нет: форму на *ий* мы наблюдаем только у глагола *гнуть* – *гний* (на наш взгляд, образование формы повелительного наклонения от глагола *гнуть* – затруднено, но все-таки возможно).

Итак, мы приходим к выводу, что схемы спряжения односложных глаголов на *-ить* различны.

Литература

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955.
2. Ручимская Е. М. О разной трактовке соотношения омонимов, омофонов, омографов // Русская речь. 2012. № 3. С. 47–52.

Москва

«БИТЫЙ НЕБИТОГО ВЕЗЕТ»

Русские фразеологизмы с глаголом *бить*

© О.М. БАРСУКОВА-СЕРГЕЕВА,
кандидат филологических наук

В статье рассматриваются особенности структуры и функционирования широкого класса фразеологических единиц, содержащих глагол *бить* и его приставочные образования.

Ключевые слова: глагол *бить*, фразеологизм, пословица и поговорка, фразеологическая активность, экспрессивность, классификация.

In the article peculiarities of structure and functioning of Russian idioms and proverbs with the verb *бить* and its prefixed derivatives are considered.

Key words: idiom, proverb, phraseological activities, expressiveness, classification.

Фразеологические единицы занимают в нашем языке особое место. Они свидетели событий далекого прошлого, связующее звено в цепочке поколений. Фразеология – своеобразная «энциклопедия русской жизни», заключающая в себе опыт наших далеких предков, богатое наследие, которое они оставили нам. Фразеологизмы представляют собой не только факты языка, но и факты культуры, в них находят яркое отражение особенности национального мировосприятия.

Причины долгожительства фразеологизмов – их образность и выразительность: «Несомненно, однако, что решающим фактором закрепления фразеологизма всегда является его образность, отвечающая одной из тенденций развития языка – тенденции к экспрессивности речи» [1].

С одной стороны, тенденция к экспрессивности речи в наше время проявляется весьма определенно (это обусловлено рядом экстралингвистических факторов), она сочетается с тенденцией к упрощению и стандартизации речи, и потому фразеология в наше время пополняется новыми элементами и широко используется в средствах массовой информации, которым в современном мире отводится ведущая роль. При этом предпочтение отдается разговорным и просторечным оборотам; книжные фразеологизмы оказываются менее употребительными. С другой стороны, в России в XXI веке наряду с ростом интереса к изучению иностранных языков наблюдается снижение уровня владения родным языком, падение общей культуры речи. Этот процесс затрагивает различные языковые уровни: предаются забвению фонетические и орфоэпические нормы, ломаются интонационные конструкции, наблюдаются существенные отступления от грамматических норм, обедняется лексический запас, нарушается сочетаемость слов. В этот процесс вовлекается и фразеология. Молодое поколение в известной степени дистанцируется от родного языка и культуры. Так, многие школьники совсем не понимают или неправильно толкуют значения многих известных выражений, избегают их использования в своей речи, тем самым обедняя ее.

Фразеология обычно выходит за рамки школьной программы и потому не изучается в школе; некоторое исключение составляет только ряд устойчивых сравнений. Между тем осваивая богатство русской классической литературы и литературы XX века, учащиеся постоянно встречаются с различными устойчивыми оборотами, которые им необходимо правильно понимать.

В данной статье рассматривается ряд фразеологизмов, в которых встречаются глаголы группы *бить* – как бесприставочный глагол, так и приставочные образования.

Отметим сразу, что *бить* – многозначное слово, его основные значения описаны в словарях; такое же разнообразие смыслов обнаруживается во фразеологизмах, содержащих этот глагол: «бить баклуши», «бить по глазам», «бить мимо цели», «бить в набат»/«бить тревогу», «бить в одну точку», «бить как обухом по голове», «бить ключом», «бить мимо цели», «бить по карману», «бить поклоны», «бить по рукам», «бить прямо в цель», «бить челом», «бить через край», «битый час», «биться об заклад», «хоть головой об стену бейся» и др. [2].

В количественном отношении фразеологизмы с бесприставочным глаголом *бить* составляют примерно четверть от общего количества единиц, включающих глаголы указанной группы.

Глагол *бить* весьма продуктивен в словообразовательном плане: он соединяется со всеми глагольными приставками, а также с суффиксом *-ся*. Приставочные глаголы этой группы образуют обширное семантическое поле, в центре которого — глаголы, сохраняющие связь с основным глаголом (*вбить, выбить, добить, забить, избить, прибить, побить* и др.), а на периферии — глаголы, в значительной степени эту связь утратившие (*выбиться, добиться, сбиться* и др.).

Обратимся к вопросу о фразеологической активности приставочных глаголов группы *бить*. Приведем список основных фразеологизмов с участием приставочных глаголов этой группы [Там же].

В-: вбивать в голову (в башку) кому; вбить клин (между кем); вбивать осиновый кол в могилу (чью); вбить себе в голову;

вы-: выбивать дурь из головы (чьей, у кого); выбить из головы; выбивать из седла (кого); выбить почву из-под ног (чьих, у кого); клин клином выбивать; выбиться в люди; выбиваться из колес; выбиваться из сил; выбиваться на дорогу;

за-: забивать себе голову (чем);

на-: набивать глаз (в чем, на чем); набивать голову (чем); набивать карман; набить кубышку; набить оскомину (кому); набить руку (в чем, на чем); набивать себе цену;

о-: обивать пороги;

от-: отбивать хлеб (у кого); отбивать от дома; отбиваться от рук; отбиваться руками и ногами (от чего);

пере-: перебиваться с хлеба на квас / перебиваться с куска на кусок / перебиваться с гроша на копейку;

по-: смотрит как побитая собака;

под-: подбитый ветром;

про-: пробивать себе дорогу; пробил час;

раз-: разбить лёд; разбить наголову; (сидеть) у разбитого корыта; разбиться в лепешку;

с-: сбить с панталыку (кого); сбить с толку (кого); сбиться с пути; сбиться с ног;

у-: убить бобра; убить двух зайцев; Богом убитый; спит как убитый.

Как видим, приставочные глаголы этой группы также обнаруживают высокую степень фразеологической активности, причем они отличаются большим разнообразием приставок.

Установлено, что степень фразеологической активности слова определяют такие факторы, как частотность, многозначность, структура слога, количество производных слов, происхождение слова (исконное оно или заимствованное), а также принадлежность к определенной лексико-семантической группе. Имеют значение и некоторые экстралингвистические факторы.

Что касается глагола *бить* и его приставочных дериватов, то они высокочастотны в русском языке, почти все имеют достаточно усложненную семантическую структуру, они компакты: исходный глагол — односложный, приставочные производные в основном двусложные. И, наконец, глагол *бить* имеет исконное происхождение.

Замечено, что высокочастотные слова не всегда формируют фразеологизмы. Также и многозначность слова, хотя и является важным фактором, все же не определяет степень его фразеологической активности. Такое свойство, как компактность слова, оказывается здесь более существенным признаком. Однако решающим фактором, определяющим степень фразеологической активности слова, является его происхождение. Дело в том, что исконные слова — наиболее древние, они имеют долгую историю употребления; со временем они «обрастают» прочными связями с другими словами.

Таким образом, фразеологическая активность глагола *бить* и его приставочных дериватов обусловлена его внутренними свойствами и подтверждается многочисленностью и разнообразием фразеологических единиц, включающих глаголы этого ряда.

Классификация фразеологизмов, включающих глаголы рассматриваемой группы, по степени семантической слитности показывает, что такие фразеологизмы представляют собой преимущественно семантически неделимые обороты. К ним относятся фразеологические сращения, в которых значение целого не соотносится со значениями составляющих их компонентов, а также фразеологические единства, в которых значение целого мотивировано значениями его компонентов.

К фразеологическим сращениям следует отнести, например, такие выражения, как «бить баклуши», «бить челом», «биться об заклад», «вбивать осиноый кол в могилу», «выбиться в люди», «набить глаз», «набить руку», «набивать себе цену», «отбиться от рук», «у разбитого корыта», «разбить наголову», «разбиться в лепешку», «сбить с панталыку», «сбить с толку», «сбиться с ног», «Богом убитый».

Фразеологические единства представлены следующими выражениями: «бить в одну точку», «бить ключом», «бить по карману», «бить по рукам», «бить через край», «вбить клин», «вбить себе в голову», «забивать себе голову», «выбивать дурь из головы», «выбивать из седла», «выбить почву из-под ног», «клин клином выбивать», «набивать карман», «отбивать хлеб», «отбиваться руками и ногами», «пробивать себе дорогу в жизнь», «пробил час», «подбитый ветром», «разбить лед», «разбить сердце», «убить двух зайцев».

Семантически разложимые обороты в этой группе немногочисленны, к ним относятся фразеологические сочетания «биться как рыба об лед» и «бить как обухом по голове».

На наш взгляд, преобладание в исследуемой группе семантически неделимых оборотов можно рассматривать как косвенное свидетельство их древнего происхождения.

Важнейшее свойство фразеологизмов – усиленная выразительность. Благодаря образности оказывают значительно более мощное воздействие на тех, к кому они обращены. Экспрессивность фразеологизмов, по замечанию А. М. Мокиенко, «гипертрофирована, возведена в абсолют и как бы оправдывает существование фразеологии как особого уровня» [3].

Такая повышенная экспрессивность находит объяснение в самом факте образования отдельной фразеологической единицы. Ее вызывают к жизни те реалии действительности, которые представляются носителям и творцам языка аномальными, выходят за рамки общепринятых представлений и стереотипов и говорить о которых, используя обычные лексические средства, невозможно. Кроме того, экспрессия заключается в самой природе фразеологизма как языкового явления: «...все ФЕ обладают антиномией формы и содержания и представляют собой асимметричные, аномальные знаки. Фразеологическая номинация, являясь вторичной косвенной номинацией, осложнена процессом квалификации. Это приводит к тому, что все ФЕ несут определенный прагматический потенциал» [4]. Усилению экспрессивности также способствует формально-звуковая организация фразеологизмов – особенный ритм, иногда рифма, аллитерации и др.

Выражения с глаголами группы *бить* демонстрируют яркую экспрессивность (например, «разбиться в лепешку», «Богом убитый», «бить по рукам», «отбиваться руками и ногами», «хоть головой об стену бейся» и т.п.). В стилистическом отношении эти выражения более или менее однородны – почти все они разговорно-бытовые или просторечные. Большинство из них имеет четко оценочный характер. В этой группе отсутствуют словосочетания с положительной оценочностью, встречаются выражения грубо-просторечные: «выбивать дурь из головы», «вбивать в голову (в башку)» и др.

С точки зрения происхождения почти все рассматриваемые фразеологизмы можно отнести к исконным. Так, выражения «бить в глаза», «убить бобра» имеют аналоги в других славянских языках, и этим доказывается их исконное происхождение. Исконны также фразеологические сращения («сбить с толку», «перебиваться с хлеба на квас», «у разбитого корыта», «разбиться в лепешку»), особенно те, в которых встречаются устаревшая лексика или устаревшие грамматические формы: «выбиться в люди», «бить баклуши», «бить челом», «сбить с панталыку» и др.

Среди фразеологизмов с глаголом *бить* встречаются словосочетания, заимствованные у представителей разных профессий и различных сфер деятельности. Так, выражения «набить глаз» (приобрести умение, опыт, сразу же определять что-либо) и «набить руку» (приобрести умение, сноровку в каком-л. деле), вероятно, использовали мастера художественных промыслов и некоторые другие ремесленники; выражения «вбить клин», «клин клином выбивать» возникли в общении плотников, а «убить двух зайцев» – в практике охотников; в выражении «выбиваться из колеи» отражается повседневная реальность крестьянской жизни. Эти фразеологизмы также относятся к исконным.

Фразеологизмы с глаголом *бить* различаются по значению, которое они выражают. Их можно разделить на тематические группы.

Человеческие отношения отражаются в выражениях «вбить клин», «выбить почву из-под ног», «набивать себе цену», «обивать пороги», «отбивать хлеб», «отбиться от рук», «отбиваться руками и ногами», «разбить лёд», «сбить с панталыку», «сбить с толку».

Ряд словосочетаний с глаголами группы *бить*, включающих слово *голова*, имеет ярко выраженный эмоционально-экспрессивный характер и содержит негативную оценку образа мыслей другого человека, например, «вбить себе в голову», «забивать себе голову». Этот другой нередко представляется объектом воздействия с целью исправления его образа мыслей: «вбивать в голову» (кому), «выбивать дурь из головы» (чьей, у кого), «выбить из головы» (чьей, у кого) и т.п.

Тема бедности – богатства объединяет следующие выражения: «набивать карман», «набить кубышку», «перебиваться с хлеба на квас / перебиваться с куска на кусок / перебиваться с гроша на копейку», сидеть «у разбитого корыта».

Большинство фразеологизмов с глаголами группы *бить* остается в наше время в активном употреблении. Из них широко известны, например, следующие: «набивать себе цену», «отбиться от рук», «набить руку», «разбиться в лепешку», «сбить с панталыку», «сбить с толку», «бить в одну точку», «бить ключом», «бить по карману», «бить через край», «вбить клин», «вбить себе в голову», «выбиться из колеи», «забивать себе голову», «выбивать дурь из головы», «набить оскомину», «набивать карман», «отбивать хлеб», «отбиваться руками и ногами», «пробил час», «убить двух зайцев».

В современных исследованиях встречается узкое и широкое понимание фразеологии. В узком понимании к фразеологизмам относят обычно фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания. В широком смысле во фразеологию включают также, например, пословицы и поговорки.

Обратимся к пословицам и поговоркам, содержащим глаголы группы *бить*. Одни из них утратили свою актуальность в наше время, другие в той или иной степени известны современному человеку. Приведем ряд примеров из сборника В. И. Даля: «Бей своих – чужие будут бояться»; «Всем бит, и о печку бит, разве только печкой не бит»; «Битый битого везет»; «Битый небитого везет»; «За одного битого двух небитых дают (да и то не берут)»; «Бьют, да ещё и плакать не дают»; «Не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел»; «Бей сороку и ворону, добьёшься и до белого лебедя» (или: до красного зверя); «Бился, колотился и ни до чего не добился (или: а пути не добился)» [5].

Отметим, что из названных пословиц и поговорок наиболее широко известна одна – «Битый небитого везет». Если задать себе вопрос, в чем причина популярности этой поговорки, ответ будет простой: эта поговорка взята из всем знакомой сказки о лисе и волке («Лиса и волк», или «Лисичка-сестричка и серый волк»). Сказка о лисе и волке – это так называемый прецедентный текст. Понятие прецедентного текста было введено Ю. Н. Карауловым. Прецедентными исследователь называет тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном или эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [6].

К прецедентным текстам мы также отнесем и произведение А. С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке». Любой школьник может назвать источник выражения «сидеть у разбитого корыта», потому что сказка Пушкина знакома ему с раннего детства.

Роль прецедентных текстов в формировании личности трудно переоценить. В их ряду сказка – как народная, так и авторская – занимает первое место: «Являясь продуктом коллективного сознания, она в то же время сама формирует его – ведь сказка проникает в душу каждого человека в самом раннем возрасте и пускает там глубокие корни» [7].

Прецедентность какого-либо текста определяется многими факторами. В прежние времена со сказкой по степени прецедентности могло конкурировать только Священное Писание. В наше время у сказки множество мощных конкурентов, для детей это прежде всего мультфильмы. Тем не менее сказка устойчиво сохраняет за собой первое место в ряду прецедентных текстов. Будучи неиссякаемым источником разного рода устойчивых сочетаний, сказка обеспечивает этим сочетаниям высокую степень прецедентности, что подтверждается, например, широкой употребительностью выражений «у разбитого корыта» и «битый небитого везет».

Фразеологизмы с глаголами группы *бить* представляют собой обширный класс языковых явлений, отражающих устойчивые особенности национальной жизни и национального взгляда на мир. Они ярко демонстрируют вариативные возможности выражения различных оттенков смысла, свидетельствуют о богатстве и разнообразии русской речи.

Литература

1. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977. С. 291.
2. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М., 1987.
3. Мокиенко В. М. Проблемы фразеологической семантики. СПб., 1996. С.45.
4. Молостова Е. Н. Экспрессивный компонент семантики фразеологизмов – антропоцентризов русского и французского языков. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2000. С. 8.
5. Даль В. И. Пословицы русского народа. В 3 т. М., 1994. Т. I.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 216.
7. Барсукова-Сергеева О. М. Русская народная сказка как инструмент формирования коммуникативной компетенции иностранных учащихся // Русский язык за рубежом. 2013. № 4. С. 28.

МГУ им. М. В. Ломоносова

Библейские цитаты в «Памяти и похвале святому князю Владимиру»

© Н.В. СТОЛЯРОВА

В статье анализируются библейские заимствования в «Памяти и похвале князю Владимиру» мниха (монаха) Иакова. В процессе анализа памятника выявляются основные формы и функции библеизмов.

Ключевые слова: «Память и похвала князю Владимиру», Библия, Псалтырь, библеизмы, метафоры.

The article is devoted to the using of biblical borrowings in the historical composition «Remembrance and praise of Prince Vladimir» of Jacob Monk. The main forms and biblical functions are based and identified on the analysis of poetic monument.

Key words: «Remembrance and praise of Prince Vladimir», the Bible, Psalms, biblical borrowing, metaphors.

Изучение библейских заимствований в древнерусской литературе ведется с конца XIX века, но классификация материала и систематизация

его функций появились лишь в последние десятилетия, поскольку с точки зрения использования библеизмов рассмотрена лишь часть древнерусских литературных памятников.

«Память и похвала святому князю Владимиру» мниха Иакова (далее – «Память и похвала») – один из ранних памятников древнерусской литературы. Он датируется XI веком и претерпел несколько позднейших редакций. Ряд ученых пришли к мнению, что памятник носит компилятивный характер. В тексте много переключек с произведениями, современными автору и более ранними, а также с текстами Священного Писания. Для древнерусских книжников Библия была важнейшим источником толкования устройства мира, своего рода кодом, который пояснял ценности христианской культуры, помогал объяснить то, что происходило в жизни. В памятниках древнерусской литературы отсылки к Библии присутствуют в виде прямых и скрытых цитат, аллюзий, перифразов, сравнений, метафор.

Цитирование Священного Писания в «Памяти и похвале» подчинено стремлению автора подтвердить свои мысли авторитетным источником, цитаты не только передают информацию, но и отражают мировоззрение книжника. В произведении много цитат, но большинство из них введено без указания источника. Цитаты, представленные в данной работе, позволяют выявить основные функции этого вида заимствований.

В первых строках вступления Иаков объясняет намерение написать похвалу князю, ссылаясь на пример святых апостолов. Он цитирует послание Павла к Тимофею (Тим. 2: 2), в котором говорится о необходимости распространения христианского учения: «Паул святыи апостол, церковный учитель и светило всего мира, посылая к Тимофею писание, глаголаше: “Чядо Тимофею, еже слыша от мене многими послухы, тоже предай вернымъ человекомъ, иже доволнеи будутъ и иных научити”» [1. С.316]. Приведен также фрагмент послания евангелиста Луки к Феофилу (Ср. Лк. 1: 1–4), в котором апостол выражает мысль о необходимости проповеднической деятельности: «И блаженный апостол Лука евангелист к Феофилу писаше, глаголя: «Понеже мнози начаша повести деяти о известныхъ вещех, бывшихъ в нас, изволися и мне, ходившю исперва и по всех писати ебе, державный Феофиле, да разумеши, о них же начать Исус творити же и учити». Иаков дополняет сведения о проповеднике христианства: «К тому Феофилу написа Деяния апостольская и Еуангелие святыи апостол Лука, по том многихъ святыхъ писати начаша жития и мучения» [Там же]. Книжник объясняет, что решил написать свое творение именно под влиянием апостольского примера, то есть цитаты выполняют функцию раскрытия авторской позиции.

О себе автор пишет: «Тако же и аз, худый мних Иаков...». Наличие в начале предложения предлога *так* придает фразе оттенок сравнения. Оно не является тропом в классическом понимании этого слова,

но содержит смысловое сопоставление. Личности апостолов представляют образец святости, на фоне которых автор чувствует себя «худым», но свою миссию, как и апостольскую, автор определяет как исполнение божественной воли. Здесь проявляется каноническое самоуничижение.

При переходе к основной части автором подобраны цитаты, несущие мотивирующую (пояснение поступков князя) и экспрессивную функции. Иаков использует отдельные сравнительные обороты, заимствованные из Псалтыри (Пс. 41: 2): «Яко же жаждет елень на источники водныя, тако вжада благоверный князь Володимер святого крещения, и Богъ сътвори хотение его» [Там же]. Сравнение содержит яркий образ, несущий в себе глубокий смысл, раскрывающийся через толкование цитаты: «Желая выразить великое и чрезмерное желание свое к Богу, царь-пророк Давид употребляет для сего в пример самого жаждущего оленя; потому что олень, имея естественный жар, а особенно, когда возжигается весь извлекаемыми им из нор чрез выдыхание в себя и пожираемыми многими змиями, имеет посему великую жажду и сильное желание к воде. Желает — означает, по словам Акилы, то же, что спешит, понуждается, стремится. Сказал — Тебя, Боже мой, то есть, Тебя, Который обитаешь в Иерусалиме (желает душа моя, и к Тебе стремится). Итак, каждый благочестивый из вавилонских пленников молится к живущему в Иерусалиме Богу, поелику думали, что нет Бога в Вавилоне, по причине находившегося там идолопоклонства» [2].

Иаков, используя цитату, подчеркивает душевное стремление князя, оставляющего в прошлом свою грешную жизнь и идолопоклонство, к святому источнику. Ступив на праведный путь, Владимир уже не отходит от своего выбора, и вся его жизнь освящена Божьим промыслом. Эту мысль подтверждает следующая цитата, заимствованная так же из Псалтыри (Пс. 144: 19): «Волю боящихся его сътворить и молитву их услышит и спасетъя» [1. С.316]. Еще одна цитата, взятая из того же источника: «Испытая сердца и утробы» [Там же 318] — подчеркивает богоизбранность князя, поскольку в псалме речь идет об осуждении грешников и о поддержке праведных, а Иаков говорит, что Бог «вся предведыи, и просвети сердце» [Там же] Владимиру.

После указанных цитат автор дает **свое** пояснение происходящему. Иаков говорит о том, что Владимир принял крещение вследствие влияния божественных сил и приводит ретроспективную историческую аналогию с целым рядом персонажей прошлого. Добрые деяния Владимира автор расценивает не только как следствие духовного перерождения, но и как акт подражания императору Константину. Моральные качества, которые Владимир приобрел в результате праведной жизни, подобны качествам библейских праотцев: «Князь же Володимер поревнова святых муж делу и житию их, и възлюби Аврамово житие и подража странолобию его, Иаковлю истину, Моисееву кротость, Давыдове

безлобие, Константина, царя великого, первого царя христианского, того подража правоверие, боле же всего бяше милостыню творя князь Володимер» [Там же. С.322].

В галерее святых, приведенной в этом фрагменте, князь Владимир занимает определенное место. Он не только усваивает качества своих предшественников, но и отличается активной деятельностью — творит милостыню, что является одной из главных добродетелей истинного христианина. Указанные сравнения помогают создать образ князя.

Пример праведной жизни Владимиру подала и его бабка Ольга. Она, в свою очередь, согласно тексту «Памяти и похвалы», подражала византийской императрице Елене. Читатель может проследить иерархичность образов: на нижней ступени находится сам автор, «худый мних», выше него князь-креститель и его бабка, еще выше — византийские монархи-равноапостолы, и на самом верху этой лестницы библейские святые. Таким образом, подражание князя качествам библейских персонажей формирует связи между историческим миром и пространством Библии, придает образу князя авторитетность и силу. Принцип «подражания» святым — один из важнейших в поэтике житийного жанра.

Речь Иакова эмоциональна. Он сочетает амплификацию и цитаты для усиления смысла: «И възрадовася, и възвеселися о Бозе Давыдъскы князь Володимер, и аки святой пророк дивный Аввакум “о Господе веселяся и радуся” о Бозе Спасе моем» [Там же. С.318]. Владимир сравнивается сразу с двумя персонажами из Священного Писания: Давидом и пророком Аввакумом. Выбор персонажей не случаен. Аввакум был тверд в вере и мечтал об освобождении своего народа из плена вавилонского. Владимир святым крещением хотел освободить свой народ из плена греха. Святой пророк, царь Давид занимает важное место в Священном Писании. Что же сближает его с князем Владимиром? Давид царствовал много лет, его дом был поставлен Богом на вечное царство, отсюда богоизбранность. Кроме того, Давид совершил большой грех — соблазнил жену своего военачальника, был наказан, но прощен за искреннее раскаяние. До крещения князь Владимир творил немало грехов, в том числе прелюбодеяние, но искренне раскаялся, и за это был прощен Богом. Для Иакова Священное Писание тому подтверждение.

Новокрещенные русские люди так же, как и Владимир, радуются, в повествовании присутствует атмосфера всеобщего ликования, единения и братства. «И поют по вся дни живота и на всяк час песнь чудную, хвалу архангельскую: “Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение!”» [Там же. С. 320] (Лк. 2: 14). В данном случае цитата выполняет экспрессивную функцию и одновременно выражает авторскую мысль. В произведении отражаются два плана бытия — исторический и символический. Исторический воплощен в центральной линии рассуждения книжника, а символический вплетается в него с помощью

библейских отсылок. Данная цитата объединяет два пространства христианина: божественный и земной, и это объединение стало возможно благодаря акту крещения

Иаков говорит о том, что отныне устанавливается божественный закон не только в русской земле, но и во всей вселенной, что Владимир «верою великою и любовью Божиею подвигся». В его речи описывается грандиозный размах происходящего, перечисляется, какими именно действиями добивался Владимир своей цели: «Крести же и всю землю Рускую от конца до конца, и поганьскыя боги, паче же и бесы, Перуна и Хьроса, иным ноги попра, и съкруши идолы, и отверже всю безбожную лесьть. И церковь созда камену во имя пресвятыя Богородица, прибежище и спасение душам верным, и десятину ей даст, тем попы набдети и сироты, вдовица и нищяя. И потом всю землю Рускую и грады вся украси святыми церквами. И отвержеса всяя диаволы лести, и прииде от тмы диавола на свет с чады своими» [Там же]. Смысл и торжественный строй фразы подчеркиваются анафорой, синтаксическим параллелизмом, синонимией, лексическим повтором. Автор показывает масштабность последствий деятельности князя: бесчисленное количество людей пришло к Богу через святое крещение.

Параллель событий русской истории с библейскими, которая еще раз подчеркивает избранность князя, проводится через развернутое сравнение, содержащее пересказ и цитирование библейского текста (Мф. 21. 9; Мр. 11, 9–10; Иоан 12, 13): «Аки младенци еврейстии с ветвми усретоша Христа, вопиюще: “Осанна Христу Богу, победителю смерти!”», тако и новоизбраннии людие Руския земля всъхвалиша Владыку Христа с Отцем и Святым Духом» [Там же]. Миссия Владимира заключается в спасении русского народа через святое крещение, освобождении душ от дьявольского влияния. Как Христос стал спасителем для человечества, так князь Владимир – спаситель русского народа.

Следующая цитата, использованная автором в основной части произведения, помогает осветить событийный ряд и изложить ход его мыслей. «Сам рече Господь: “Колика радость бывает на небесех о едином грешнице каюшимся»» [1. С.318]. Цитата взята из главы 15-й Евангелия от Луки, рассказывающей о фарисеях, которые были возмущены тем, что Иисус слишком приближает к себе грешников. На это Учитель рассказал им притчу о заблудшей овце и потерянных драхмах. Идея его рассказа в том, что более всего пастух радуется тому, что нашел потерянную овцу. Она в этот момент дороже остальных овец-праведников: ведь они не заблудились, они уже дома. Он взваливает ношу на свои плечи и несет домой. Так Христос воплотился в образ человеческий, чтобы собрать на земле своих овец-грешников и вернуть домой.

В указанном фрагменте автор повествует о крещении Владимира, наречении его Василием, свержении языческих идолов, построении

Десятиной церкви. Событийный контекст позволяет предположить следующую интерпретацию. Фарисеям уподобляются те, кто противостоит канонизации Владимира, вернувшегося домой раскаявшегося грешника. Это предположение подтверждается следующей фразой автора: «Толико бес числа душ по всей земли Руской приведены к Богу святым крещением, похвалы всякыя дело достойно створи и радости духовныя полно» [Там же. С.318]. Владимир достоин похвалы, т.е. почитания, памяти, ибо он, подобно пастуху, приводит заблудшие души домой.

В тексте можно встретить цитаты, в которых использована антитеза, не только служащая средством ритмизации, но и подчеркивающая смысл: «И паки рече: “Иже веру иметь и крестится, и спасен будет, а иже веры не имать, не крестится, осужен будет”» [Там же. С. 316]. В главе 16-й Евангелия от Марка повествуется о воскресении Иисуса, который дает наказ своим ученикам — идти и проповедовать «всей твари». Условием спасения души является истинная вера. Владимир смог уверовать, поэтому спасся. Поверить — значит спастись. Земная жизнь является лишь подготовкой к жизни небесной, поэтому каждый должен позаботиться о своей душе.

Приведена в тексте маркированная цитата из Псалтыри (Пс. 93: 12.): «То же блаженный Давыд глаголаше: “Блажен человек, его же ты накажеш, Господи, и от закона твоего научиши и, да укротиши и от днии лют”» [Там же. С. 318]. Эта цитата поясняет истинный смысл происходящего, устанавливает причинно-следственные связи. Здесь функция цитаты «уяснение истинного смысла событий» [3]. «Блажен тот, кто слушает обличения Господа, за это он получит награду, а нечестивый погибнет. Вера в то, что Господь все видит и знает, вселяет в писателя уверенность, что преобладание на земле нечестивых — временно, как временно и страдание праведников, что настанут на земле бедствия, как выражение гнева и суда Божия, и тогда нечестивый погибнет, а праведник будет в покое, т.е. награжден Богом» [4]. В толковании Псалтыри Свт. Афанасием Великим «лютые дни» толкуются как дни Великого суда.

Из всего сказанного следует, что библеизмы способствуют раскрытию авторского замысла произведения. Он отражен уже в названии памятника: «Память и похвала». «Похвала» — признание чьих-либо достоинств, заслуг в каком-либо официальном документе [5]. Автор выдвигал идею признания святости Владимира. Памятник написан в период приобретения самостоятельности русской церковью. Непременным ее условием и показателем уровня религиозности народа являлось количество святых. «Русь нуждалась в святых, чтобы убедить себя и окружающий христианский мир в своей духовной зрелости» [6].

Долгое время князь не был канонизирован, чему препятствовал прежде всего Константинополь, и это объяснялось отсутствием посмертных

чудес. Только после победы Александра Невского в 1240 году в день смерти князя, 15 июля, Владимир был признан святым. «Он более двухсот лет не пользовался общецерковным почитанием» [7].

Иаков Мних, доказывая, что Владимир должен быть причислен к лику святых, прибежал к авторитету отцов церкви: «Не удивимся, възлюбленей, аще чудес не творит по смерти, мнози бо святи праведней не створиша чудес, но святи суть. Рече бо негде о том святыи Иоанн Златоустый: “От чего познаем и разумеем человека свята, от чудес ли, или от дел?” И рече: “От дела познати, а не от чудес, много бо и вълсви чудес створиша бесовским мечтанием...”» [1. С.320–322]. Поэтому, рассказав о самом главном деле князя Владимира – крещении Русской земли – Иаков тщательно выбирает параллели и цитаты из Библии, уподобляя князя Владимира святым и Христу – доброму пастырю.

В данном памятнике прямые цитаты, библейские образы в сравнениях помогают созданию образа князя; выражают авторскую позицию; подчеркивают экспрессивность текста, способствуют «уяснению истинного смысла событий» [3].

Литература

1. Библиотека литературы Древней Руси / РАН ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб., 1997. Т. 1: XI–XII века.
2. Толкования на Пс. 41:2 Евфимия Зигабена [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://bible.optina.ru/old: ps:041:02>
3. *Башлыкова М. Е.* Топика житий в Киево-Печерском патерике редакции 1661 года // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 15. М., 2010. С. 187.
4. *Лопухин А. П.* Толковая Библия. Псалтирь. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/lopuhin/psaltir/txt93.html>
5. Словарь русского языка XI–XVII вв. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://nadpisi-dr-rusi.livejournal.com/3871.html>
6. *Вернадский В. Г.* Киевская Русь. М., 1996.
7. *Никулина Е. Н.* Агиология [Электронный ресурс] Режим доступа: http://bookz.ru/authors/elena-nikulina/agiologi_106/1-agiologi_106.html

*Московский педагогический
государственный университет*

Структура слова и норма

© З.К. ТАРЛАНОВ,

доктор филологических наук

В статье исследуется префиксальное словообразование глаголов в русском литературном языке пушкинского периода с точки зрения его соответствия языковой системе, норме и стилю.

Ключевые слова: русский язык, пушкинский период, система, норма, развитие, синтагматика, семантика, стиль, публицистика.

The article inquires into verb prefix word-building patterns in Pushkin period literary Russian. The problem is treated essentially from the viewpoint of style, standard and a whole linguistic system conformity as well.

Key words: Russian, Pushkin period, system, standard, development, syntagmatics, semantics, style, journalism.

По сложившейся отечественной научной традиции, которая изначально была обусловлена своеобразием исторической судьбы русского литературного языка, центральное место при обсуждении проблем его истории в XVIII–XIX веках занимал анализ лексики с точки зрения ее происхождения и функционально-стилистической локализации. В этой традиции грамматические уровни языка – морфология и синтаксис – всегда занимали периферийные позиции, выступая в качестве предмета изучения не столько теории и истории литературного языка, сколько теории и истории языка в целом.

Именно такое понимание задач истории русского литературного языка было задано уже в филологических трудах основоположника науки о русском языке М. В. Ломоносова – в его «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» (1757), в котором вся лексика русского литературного языка середины XVIII века была разделена, как известно, на «три рода речений»: 1) на общеупотребительные «у древних славян и ныне у россиян», 2) на те, «кои обще употребляются мало, а особливо в разговорах, однако всем грамотным людям вразумительны», 3) на те, «которых нет в остатках славенского языка, то есть в церковных книгах» [1. С. 395–396].

Эти три генетически разграниченных пласта слов в различных их сочетаниях и составляли фактическую базу трех стилей русского

литературного языка нового времени, выделенных М. В. Ломоносовым в результате проведенной им стилистической реформы. Что касается других норм стилей – грамматических, орфоэпических, орфографических, – то они были разбросаны по соответствующим разделам его «Российской грамматики» (1755), оставаясь несистематизированными [2].

Иное понимание литературного языка как образцового, как более тонкого инструмента, не сводимого только к лексике, позже было предложено Н. М. Карамзиным (1795), согласно которому язык даже с «миллионами слов своих» может оставаться бедным, если он не способен передавать нюансы, оттенки во всей их «простоте и сложности» [3] и которые выражаются всеми средствами языка на разных его уровнях.

В разные периоды истории литературного языка возникали разные задачи. Специфичны они были и для литературного языка первой трети XIX века [4]. С одной стороны, как традиционные, так и вновь складывавшиеся в это время стили литературного языка, включая и критико-публицистический, в главных своих проявлениях были в той или иной мере уже упорядочены в плане лексического наполнения и синтаксического оформления. С другой стороны, оставались и такие сегменты языка, которые остро нуждались в грамматическом и стилистическом регулировании. К ним относилось, в частности, и словообразование, не только именное, которому были посвящены специальные наши статьи, выполненные на материале текстов прижизненной критики Пушкина [5–8], но и глагольное. Задача предлагаемой статьи состоит в том, чтобы рассмотреть на материале текстов той же прижизненной критики Пушкина существенные моменты глагольного словообразования в их отношении к действовавшей или складывавшейся норме критико-публицистического стиля русского национального литературного языка..

Наиболее общее положение, характеризующее состояние аффиксального глагольного словообразования русского литературного языка в первой трети XIX века по данным текстов прижизненной критики Пушкина, может быть сформулировано следующим образом: семантика целого ряда серийных групп глагольных суффиксов и префиксов во многих случаях остается диффузной и удаленной от конкретной функциональной нацеленности. Их синтагматика еще расплывчата и только-только прорисовывается в движении к статусу нормы. Многие из них языковым сознанием воспринимались как варианты, хотя это и противоречило актуализируемой ими семантике. Благодаря этому сочетаемость производных аффиксальных глаголов в рассматриваемый период обладала большей свободой по сравнению с их сочетаемостью в более позднем литературном языке, в котором она была заметно ограничена по требованиям нормы.

Проиллюстрируем это на материале, по необходимости рассматриваемом в феноменологическом аспекте.

В первой трети XIX века относительно регулярны случаи смешения многих глагольных приставок. Однако оно не воспринималось как отклоняющееся от языковой системы в силу их семантической сближенности, ср.: 1) приставка *о-* замещается приставкой *у-*: «Люди, одаренные слишком пужливою совестью, могут, упираясь на остроумное изречение г. В., подумать...» [9] (заметим, что *у-пираясь на...* употребляется реже, чем *о-пираясь на...*); 2) или наоборот: приставка *у-* замещается приставкой *о-*, хотя и в другом морфемном сочетании: «Всякая теперь преодоленная трудность избавляет от труда после и опрастывает дорогу прочим» [10], ср. книжное *упрощает*; 3) примечателен и активно используемый инфинитив *упасть* с префиксом *у-* в значении «упасть в цене» вместо утвердившегося позже в качестве литературной нормы нулевого аффикса в этой форме и в этом значении, а также в значении *упасть (на, во что)*: «Для нескольких стихшков Байрона, которые и без того скоро расходились по рукам и перепечатывались, никто не хотел подписываться на пустой и детский журнал, и он стал гаснуть и упасть» [11]; «Нежно беседует он с юным Ротмиром, сделавшимся пустынным, и, как Божий гром, упадет на беспечный стан печенегов, <...> пробуждает Людмилу и вместе с нею упадет в объятия Владимира» [12].

Часто вместо приставки *из-* используется приставка *вы-*, характеризующая общей семой исчерпанности действия, хотя и отличающаяся от первой несопадающими парадигматическими отношениями: «[Классик] Нельзя не пожалеть, что он много пишет; скоро выпишется...» [13]. Устаревшее *вы-пишется* употреблено вместо *ис-пишется*. Сема исчерпанности действия, выражаемая приставкой *вы-*, осложнена первичным пространственным подзначением, и этим в выразительном плане уступает той же семе, реализуемой приставкой *ис-*. Ср. также: «Можно решительно сказать, что в этой поэме нет ничего поэтического, выключая (ср. исключая) вступления и красоту стихов, везде и всегда свойственную Пушкину» [14].

Показательна также очевидная вариативность префиксов в глаголах *заплатить* и *оплатить*: «Как бы то ни было, за стихи “Бахчисарайского фонтана” заплачено столько, сколько еще ни за какие русские стихи заплачено не было» [15]. Приставка *за-* выражает законченность действия без объемной его характеристики, приставка же *о-* придает глагольному действию объемность и полноту, характеризуя его как охваченное, обнимаемое с разных сторон. В общетеоретическом плане аналогичны и случаи взаимозамещения приставок *вы-* и *от-*: «Элегии Пушкина не прелестные игрушки, но горячий выпечаток минутного ощущения

души, минутного вдохновения уныния – и вот чем они прелестны!» [16] (ср. *отпечаток*); «В прежние годы, когда он сам был помоложе и поретивее, у него отделен был особенный день в неделе, который посвящался исключительно грамотеям и писакам» [17. С. 68]. Примечательно и функционирование приставки *пре-* в значении приставки *обо-*: «Наконец, не должно прейти (ср. обойти. – *З.Т.*) молчанием посвящение поэмы, где выразительное удержание одним словом “тебе” так много говорит для сердца» [18].

В рассматриваемый период русского литературного языка вполне обычным являлось и регулярное употребление в производных глаголах книжной приставки *со-* вместо фонетически закономерной приставки *с-*, что опять-таки подтверждает тезис о большей открытости критико-публицистического стиля первой трети XIX века для традиционных, традиционно-книжных языковых средств, чем для новых: «... нельзя, однако же, слегка не упомянуть о том, что часто мысль сия, принятая за истину и соделавшаяся общим местом, повторяется без основательности...» [19]; «... чтобы имя его, доселе еще негромкое.., соделалось известным...» [20]; «Он (Ламартин. – *З.Т.*) соделался у нас Корнелием Непотом романтических школьников...» [21]. Но ср.: «Они собирают с себя оброчную годовую дань и кладут в альманах не даром, а для оборота, долженствующего дать новые проценты их литературной славе» [14].

С точки зрения утвердившейся в более позднем литературном языке нормы необычно и употребление приставки *раз-* в значении приставки *при-* в следующем случае: «Поэма вообще, кажется, имеет не одно, но два содержания, которые не слиты вместе, но являются каждое отдельно, развлекая (ср. привлекая) внимание и чувства на две различные стороны» [Там же]. У Киреевского морфема *раз-* в приведенном случае использована в том самом значении, которое она реализует в глаголах *разделять*, *разводить*, ср. фразу в преобразованном виде: «Поэма вообще, кажется, имеет не одно, но два содержания, которые не слиты вместе, но являются каждое отдельно, разделяя (разводя) внимание и чувства на две различные стороны».

Обращает на себя внимание употребление приставки *вы-* в значении приставки *пере-*: «Это тот кот-самобай, знаменитый в русских сказках. Далее следует вычисление чудес, известных нам из сказочных преданий» (ср. *перечисление*. – *З.Т.*) [22]. Аналогично функционирование приставок *с-* и *по-*, которые в речевой практике предстают как взаимозаменяемые: «Иное дело шутить над сочинением эпиграмму, в которой никто не ищет истины» [23]. Так же обстояло дело и с употреблением приставки *на-* в значении приставки *при-*: «С одной стороны, превращают ее (поэзию. – *З.Т.*) в простое механическое стихотворство люди, которые почитают себя поэтами потому только, что навыкли в ремесленной

части поэзии...» [24]; «Жаль только, что наш развенчанный герой еще не довольно навыв в новом деле» [25]. Здесь глагол *навывать* использован в значении «приучаться опытом, получать навыв к чему, набивать руку:» [26]. В том же ряду стоит и приставка *пере-* вместо приставки *пре-* «Одна дама, сидевшая подле хозяйки, перервала мои мысли, перервав речь ученого» [17. С. 70].

В завершение обзора укажем и на а) использование префикса *у-* в значении префикса *по-*: «Гленский молчал, утупив глаза в тарелку» [Там же]; глагол не отмечен в МАС; б) постановку приставки *на-* вместо ожидаемого префикса *со-*: «Яркости цветов, жизни хотел он — и потому старался наблюсти эту цель в самом образе рассказа?» [27]; в) отсутствие приставки там, где она должна быть (нуль приставки вместо приставки *о-*, *с-*): «Я отнюдь не сетую на то, что умственные труды уже платятся у нас дороною ценою» [28. С. 43]. «Мы никогда не думали, чтоб нам пришлось низойти до ничтожного звания статечных критиков...» [Там же. С. 45]; г) употребление приставки *воз-* вместо приставки *по-*: «Я отнюдь не сетую на то, что умственные труды уже платятся у нас дороною ценою; но не могу не чувствовать и не сказать, что самое возвышение этой цены, возвышение быстрое и непомерное, должно было нанести чувствительный удар и этого рода промышленности, и товару, которым она торгует, словесности...» [Там же. С. 43].

Таким образом, одним из важнейших направлений в процессе создания критико-публицистического стиля, как и национального литературного языка в целом, в рассматриваемый период выступало упорядочение функциональных и сочетательных параметров средств не только именного, но и глагольного слово- и формообразования. Что касается непосредственно глагольного словообразования, то здесь еще не была преодолена семантическая размытость префиксов, которая обычно характеризует не литературный, а народно-разговорный язык. Внешне совпадавшие морфемы, встречавшиеся в составе разноуправляющих глаголов, а потому реализовавших разные значения, в языковом сознании еще не были строго разграничены (ср.: *упираться во что* и *опираться на что*, *оплатить что* и *заплатить за что*, *выключить что* и *исключить кого — что*, *выпечаток* и *отпечаток* и др.). Этимологически первичные пространственные значения, лежавшие в основе глагольной префиксальной семантики, как бы образуя их общий знаменатель, в реальном речевом употреблении демонстрировали развитие в разных направлениях. Поэтому столкновение архаичного этимологического значения с новым, актуальным значением — это одна из причин расхождений между системой и нормой литературного языка в рассматриваемый период. Задача состояла в том, чтобы привести норму в соответствие с системой. Эта задача была успешно решена в последующей русской речевой практике

середины – второй половины XIX века. Функционально-семантически усредненное употребление приставочных глаголов было вытеснено точным и нюансированным их использованием в соответствии с коммуникативными целями говорящего и общим содержанием речи.

Литература

1. *Ломоносов М. В.* Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Михайло Ломоносов. Избранная проза / Составление, вступительная статья и комментарий В. А. Дмитриева. М., 1980.
2. *Ломоносов М. В.* Российская грамматика. СПб., 1755. С. 52–55, 80–85.
3. *Карамзин Н. М.* О богатстве языка // Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма. М., 1982.
4. *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М., 1982. С. 208–249.
5. *Тарланов З. К.* Относительные прилагательные и абстрактные субстантивы в русском литературном языке XIX века // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2013. № 49. С. 98–103.
6. *Тарланов З. К.* Заметки о русском литературном языке Пушкинской Поры // Русская речь. 2013. № 5. С. 68–103.
7. *Тарланов З. К.* К истории норм литературного языка пушкинского периода (Род и число) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Серия 9. Вып. 3. С. 149–154.
8. *Тарланов З. К.* Интуиция и языковая норма // Русская речь. 2016. № 4. С. 75–81.
9. *Перовский А. А.* Замечания на разбор поэмы «Руслан и Людмила», напечатанный в 34, 35, 36 и 37 книжках «Сына отечества» (Письмо издателю) // Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827. С. 75.
10. *Дмитриев М. А.* «Евгений Онегин», роман в стихах // Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. С. 49.
11. *Булгарин Ф. В.* // Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. С. 83.
12. *Воейков А. Ф.* Разбор поэмы «Руслан и Людмила», соч. Александра Пушкина // Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827. С. 52
13. *Вяземский П. А.* Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова // Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827. С. 152.
14. *Киреевский И. В.* Нечто о характере поэзии Пушкина // Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. С. 78.
15. *Вяземский П. А.* О «Бахчисарайском фонтане» не в литературном отношении // Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827. С. 189.

16. *Вяземский П. А.* Жуковский. Пушкин. О новой пиитике басен // Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827. С. 253.
17. *Надеждин Н. И.* «Борис Годунов». Соч. А. Пушкина // Пушкин в прижизненной критике. 1831–1833.
18. Из журнала «Атеней». «Полтава», поэма А. Пушкина // Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. С. 153
19. *Волков П. Г.* «Борис Годунов», соч. А. Пушкина // Пушкин в прижизненной критике. 1831–1833. С. 44.
20. Из «Литературных листков» // Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827. С. 191.
21. *Мещерский Е.* «О литературе русской». Речь, произнесенная в Атенее марсельском, в заседании 26-го июня 1830-го года. Статья II // Пушкин в прижизненной критике. 1831–1833. С. 150.
22. *Сомов О. М.* «Руслан и Людмила», поэма Александра Пушкина // Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. С. 85.
23. *Шаликов П. И.* «Евгений Онегин». Глава VII // Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. С. 249.
24. Из «Северной пчелы». «О “Борисе Годунове”», соч. А. Пушкина, разговор // Пушкин в прижизненной критике. 1831–1833. С. 91.
25. *Надеждин Н. И.* «Северные цветы на 1830 год» // Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. С. 220.
26. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955.
27. *Средний-Камашев И. Н.* Еще о «Борисе Годунове», стихотворении А. С. Пушкина // Пушкин в прижизненной критике. 1831–1833. С. 116.
28. *Сенковский О. И.* «Новоселье». Книга вторая // Пушкин в прижизненной критике. 1834–1837.

*Северный филиал Российской правовой
академии Минюста
Петрозаводск*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Русский литературный язык пушкинского периода: становление критико-публицистического стиля», № 15-04-00023/15.

Варвара Лопухина (Бахметева или Бахметьева?)

© И.А. ИЗМЕСТЬЕВА,
доктор филологических наук

В статье поднимается вопрос о фонетических причинах двоякого написания фамилии по мужу В. Лопухиной. Отмечается закономерный механизм образования русских фамилий и закрепление продуктивной модели фамилии в речевой практике XIX века.

Ключевые слова: ономастическая единица, крестильное имя, унификация общей формы, закон открытого слога, зияние гласных, падение редуцированных гласных в слабой позиции, проявление напряженного редуцированного в сильной позиции.

In this article we are raising the question about the phonetic reasons dual writing of a surname on V. Lopukhina's husband. The natural mechanism of formation of the Russian surnames and fixing of productive model of a surname in speech practice of the 19th century is noted.

Key words: onomastics unit, baptismal name, unification of the general form, law of open syllable, gaping vowels, falling of the reduced vowels in a weak position, manifestation intense reduced in a strong position.

Известно, что возлюбленная поэта М. Лермонтова В. А. Лопухина (1815–1851) вышла замуж за помещика Н. Ф. Бахметева (1798–1884) [1]. Она прожила недолгую жизнь, была похоронена в Донском монастыре в Москве, а на надгробной плите обозначена фамилия Бахметьева [2], хотя в Адрес-календаре на 1844 год [3], в указателе лиц «Московского некрополя» [4] и других источниках значится фамилия Бахметева. В написании фамилии ее супруга также встречаются разночтения.

Например, в Адрес-календаре 1821 года (Ч. 1. С. 103), Адрес-календаре 1833 года (Ч. 1. С. 785) и др. в фамилии нет мягкого знака, но в Самарской Епархиальной ведомости (№ 6. 1870, 15 марта), в Клировых ведомостях за 1883 год (ЦГАСО. Ф.32. Оп. 16. Д.108. Л.125) и других документах, связанных с Самарской губернией, указан помещик Н. Ф. Бахметьев. Как можно объяснить возникшую вариативность в произношении и написании фамилии *Бахметев(а)/Бахметьев(а)*?

Известно, что процесс «образования фамилий в русском литературном языке к началу XVIII века закончился. Он закончился вместе с прекращением именоваться прозвищами. Происходили некоторые процессы в истории отдельных фамилий. Общее направление их – тенденция к унификации общей формы, т.е. устойчивому употреблению одной из форм» [5].

Обратившись к «Родословной книге князей и дворян российских и выезжих» [6. С. 285] и «Российской родословной книге» П. В. Долгорукова [7], отмечаем написание фамилии *Бахметев* с суффиксом *-ев*, также встречаются написания с суффиксом *-ов*: *Бахметов*, *Бахмитов*. В этих источниках указано, что сама фамилия связана с именем знатного татарского мурзы: *Аслан Бахмет (Аслам Бахмет)* «принял Св. крещение с именем Иеремии и был родоначальником Бахметевых» [6]. Татарское имя было русифицировано путем прибавления суффиксов *-ев* или *-ов*, поэтому возникшие варианты построены по типу русских фамилий. Как указывает Б. О. Унбегаун, «доля мусульманских имен арабского происхождения сравнительно мала в этой группе, состоящей преимущественно из фамилий русской знати и дворянства» [8. С. 292].

Известно, что суффикс *-ев* присоединяется к мягкому согласному основы типа *Лázарев* и под. Если на суффикс падает ударение, то отмечается результат изменения [е] в [’о] (*Лихачёв*, *Гринёв*, *Катенёв*, *Ивашёв*, *Левашёв*, *Ершóв* и др.), в передаче фамилий отражено фонетическое написание суффиксов *-ев*, *-ов* после мягкого согласного или твердого. В ряде фамилий, внесенных в «Российскую родословную книгу», функционирует суффикс *-ев*, который присоединяется к основе на *-вј*: *Векёнтьев*, *Аста́фьев*, *Игна́тьев*, *Клемёнтьев*, *Васи́льев*, *Арсéньев*, *Артёмьев* и др. [7]. Такие фамилии появились на основе церковнославянского произношения имен на *-ий*: *Васи́лий* (русск. Василёй), *Игна́тий* (русск. Игнатей), *Григо́рий* (русск. Григорей), *Афона́сий* (русск. Афонасей) и др. Указанные формы соответствуют закономерностям фонетической системы русского языка в его народно-разговорной основе, хотя встречается церковнославянский вариант фамилий от имен на *-ий*: *Генна́диев*, *Евлáмпиев*, *Фóтиев* и др. [8. С. 53].

Имена на *-ий*, *-ей* связаны с так называемыми «напряжёнными» редуцированными, которые восходят к праславянским *ѣ, *ь перед *-ј*. Под ударением в окончании имен, как у членных прилагательных

мужского рода *-*ǫjъ*, развивается [e] (русск. *Василѣй*), в безударной позиции [и] (церковнославянск. *Васѣлий*). Исторически редуцированный [и] отличался от старого [и] (не из **ъ*) тем, что был короче обычных гласных. Утрата слабого напряженного редуцированного находит свое отражение в новых сочетаниях «согласный+*j*», которое передано на письме при помощи *ь*, например, *пѣрьья*, *корѣнья*, *Мѣрьья* и в формах на *-ъj-ев* (*Игнѣтьев* и др.), закрепившихся в качестве фамильных имен.

Вероятно, в литературном языке и большей части русских говоров перед *j* не произошло полной утраты напряженного [и] (из **ǫjъ*), иначе возникает произношение типа *Кондрѣтев*, *Игнѣтев* вместо *Кондрѣтьев*, *Игнѣтьев*. На эту мысль наводят процессы прогрессивной ассимиляции в белорусском и украинском языках, в которых *j* (при полной утрате редуцированного перед *j*) полностью уподобляется предшествующему согласному, в результате чего появляются долги переднеязычные согласные, например, белор. *корэньня*, *калосся*, *плацця* «платье», укр. *життя* «житье, жизнь», *суддя* «судья», *коріння* «коренья», в некоторых случаях наблюдается упрощение долгого согласного, например, укр. *свиня* «свинья» [9].

В русском языке в формах на *-ъj-ев* отразился результат сильного ослабления и сокращения редуцированного гласного [и], при этом продолжает сохраняться интервокальный [j], который исторически проявлял себя между гласными в результате действия закона открытого слога и преодоления зияния гласных, оказавшихся рядом. На письме разделительный мягкий знак передает не только мягкость предыдущего согласного, но указывает на след не полностью утраченного гласного. В том случае, когда длительность гласного увеличивается, возникает церковнославянское произношение фамилий на *-иъj-ев* (типа *Фѣтьев*).

В перечне фамилий, указанных П. В. Долгоруковым в середине XIX века, фамилия *Бахмѣтев*, как и Шереметев, закономерно образована с помощью суффикса *-ев*, который присоединяется к основе на мягкий согласный. Этимологических оснований для развития формы на *-ъj-ев* с именами *Бахмет* и *Шеремет*, конечно, нет. Вариант *Бахмѣтьев* (и *Шеремѣтьев*) возник по аналогии с широко распространенными формами на *-ъj-ев*, которые были образованы от крестильных имен на *-ий*. Этот вариант фамилий поддержан структурой многосложного слова и ударением на предпоследнем слоге.

Так, выбор более продуктивной модели, которая сложилась на основе имен на *-ий*, пережили некоторые фамилии тюркского происхождения. Этот процесс обобщения формы на *-ъj-ев* активно протекал на протяжении XIX века и нашел отражение в виде произносительной вариативности и орфографической неупорядоченности в написании фамилии Варвары Бахметевой. К началу XX века

орфографическая закрепленность близких в произносительном отношении вариантов (Бахметева и Бахметьева) делает эти фамилии разными ономастическими единицами.

Литература

1. Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 51.
2. *Вещева О. Н.* История храма благовещения Божией Матери (1846–1930 – храм Святой великомученицы Варвары). Тольятти, 2016. С. 20, 27.
3. Адрес-календарь, или общий штат Российской Империи на 1844 год: В 2 ч. СПб., Ч. 1. 1844.
4. Великий Князь Николай Михайлович. Московский Некрополь. В 3 т. СПб., Т. 1 (А-И). 1907. С. 87.
5. *Чичагов В. К.* Из истории русских имен, отчеств и фамилий (Вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв.). М., 1959. С. 124.
6. Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. М., 1787. Ч. II. С. 285.
7. *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. СПб., 1857. Ч. IV. С. 270.
8. *Унбегаун Б. О.* Русские фамилии. М., 1995.
9. *Борковский В. И., Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. М., 1965. С. 117.

Тольяттинский государственный университет

Происхождение некоторых диалектных фразеологизмов

© Б.Ф. ЗАХАРОВ,

кандидат филологических наук

Статья написана на материале картотеки по Починковскому району Нижегородской области, насчитывающей более 3000 фразеологических единиц, сбориание и исследование которых осуществляется автором с 1962 года. Процесс фразеобразования на основе переменных сочетаний слов активно коснулся речевых сфер производственной и духовной жизни наших далеких предков, а именно: различных игр, обрядов, суеверий, произведений устного народного творчества, старинных гаданий, бытовых наблюдений, космологических представлений древних славян, правовых отношений и т.п.

Ключевые слова: диалектный фразеологизм, значение фразеологизма, временное сочетание слов, этимология, фразеобразование, речевые сферы, обряды, суеверия, народные игры, правовые отношения.

The article is written basing on the card index of Pochinki district of Nizhny Novgorod region that contains more than 3000 phraseological units, the collection and study of which has been carried out since 1962. The process of phrase building is based on variable combinations of words that deal with

speech spheres of production and spiritual life of our ancestors, namely, various games, rites, superstitions, works of folklore, ancient divination, everyday observations, cosmological views of the ancient Slavs, legal relationships etc.

Key words: dialectal idiom, the meaning of a phraseological unit, variable combination of words, etymology, phrase building, speech spheres, rites, superstitions, folk games, legal relationships.

В современном русском языке, наряду с литературной, имеется внушительный пласт диалектной фразеологии, которая широко используется в разговорной речи жителей сельской местности и отчасти в городском просторечии, в художественной литературе для создания местного колорита и речевой характеристики персонажей. Вместе с тем местные фразеологические единицы представляют собой очень ценный материал для исторической лексикологии литературного языка, поскольку диалект, в силу традиционности и устойчивости его системы, как бы консервирует в структуре многих оборотов архаические лексемы, которые литературным языком давно утрачены. Исследования фразеологии литературного языка в историческом аспекте также не могут обойтись без привлечения диалектного фразеологического материала, опора на который делает этимологические разыскания более весомыми и достоверными.

Определенную научную ценность представляют не только факты наличия архаичной лексики в составе местных фразеологических единиц. В истории многих из них отчетливо сохраняются сведения об особенностях жизни народа прошлых эпох.

Трудовая деятельность: *На кривой козе не подьедешь* (к кому). Трудно подступиться, невозможно договориться (с. Саитовка). Происхождение просторечного варианта *на козе не подьедешь* к кому исследователи связывают с выступлениями шутов, скоморохов, которые, развлекаая народ на ярмарках, играли на гусях, наряжались в козы и медвежьи шкуры. Но на некоторых важных представителей публики даже «коза» не действовала, они не улыбались, никак не реагировали на затеи самодельных артистов. Отсюда якобы и пошло выражение. Но на самом деле образная основа выражения связана с нелестным отзывом рыбаков об ужении рыбы на «козе». *Коза* — «световое приспособление на носу лодки для ночной ловли рыбы» [1. Т. 2. С. 229–230]. В дальнейшем оно выходит из узких профессиональных рамок, постепенно приобретает метафорическое значение и закрепляясь в языке в качестве фразеологизма. Диалектный вариант бытует с вставками (вероятно, поздними) определений к сочетанию слов *на козе: кривой, драной, пьяной, шивовой*, которые не вносят существенного изменения в значение оборота, а способствуют усилению его экспрессивности. *Всё под стагán (израсходовать, истратить)* и т.п. До конца, полностью, без остатка (с. Саитовка).

Стагáн – фонетическая переделка слова *чагáн*. *Чагáнить рыбу* – вылавливать ее в три невода [Там же. Т. 4. С. 1879]. После такой ловли рыбы в водоеме почти не оставалось. Отсюда и мотив развития метафорического значения выражения. *С копылów слетéть* – 1. Упасть, свалиться с ног; 2. Состарившись, сделаться беспомощным, не способным обслуживать себя; 3. Стать бедным, неимущим (с. Саитовка). На формирование фразеологизма оказала влияние нелегкая ситуация, в которой оказывались ямщики в пути вследствие повреждения санной упряжи. *Копылы* – столбики, соединяющие кузов саней с полозьями. К передним столбикам толстыми веревками крепились оглобли, которые иногда на раскатах санной дороги «слетали с копылов».

О частых ссорах, разногласиях в семье говорят (с. Саитовка) *Ермошкíна семья (неодобр.)*. *Ермошка* – фольклорный персонаж, балаганная кукла в представлениях бродячих артистов. Ермошка часто скандалит, дерется. Отсюда и мотив развития переносного значения оборота. В том же селе записана *Как на Ермошке* «о несуразной одежде на ком-то». Естественно, кукла была облачена в смешную, нелепую одежду. *Как медвéдя на пляску тяну́ть (неодобр.)*. Принуждая, ставить в необходимость сделать, выполнить что-то (с. Саитовка). В основе происхождения устойчивого сравнения лежат наблюдения, связанные с представлениями бродячих артистов с медведем и вожатым. Как правило, вожатый заставлял медведя плясать, но несчастное животное на это требование не всегда реагировало положительно. На аналогичной образной основе в том же говоре сложилось выражение *Как медвéдь на пляску соби́раться (недобр.)*. Нехотя, без желания действовать, работать, предпринимать что-то.

Способствовали возникновению фразеологизмов и различные обряды, в которых воплощались древние религиозные или бытовые традиции: *Как к священи́ю идут*. *Священиё* – место, куда стекался народ для совершения древних языческих обрядов. После принятия христианства на Руси подобные обряды еще долго продолжали существовать. *Молодых соли́ть (шутл.)*. Обряд закапывания в снег на масленицу (с. Саитовка) молодую супружескую пару неженатыми еще сверстниками. Основной целью этого обряда было стремление уберечь молодую супружескую чету от порчи. Вместо соли в этом случае употреблялся снег, и все сводилось к веселым забавам и шуткам, но эти шутки имели серьезное основание. Как отмечал Н. И. Толстой, у южных и западных славян существовал в древности обряд подсаживания новорожденных детей для ограждения их от происков нечистой силы и сглаза [2. С. 418–426]. Обратим в этом случае внимание читателей на сближение: только что родившиеся дети и молодожены.

В другом селе (Кочкурово) того же района записано синонимичное выражение *гóрку ма́зать*, сложившееся на основе аналогичного языческого обряда. В обороте прослеживается и позднее влияние

христианской терминологии: *мазать* — по аналогии с церковным обрядом мазать миром. *Карасину налить (кому)*. Отказать жениху при сватовстве (с. Кочкурово). Сваты, отправляясь в дом невесты, приносили с собой водку, распитие которой совместно с родителями невесты означало согласие на брак (отсюда выражение: *невесту запить*). Если же родители невесты отказывались от застолья, то в этом случае в народе говорили, что *жениху налили карасину*. Керосин в народном представлении являлся символом беды (ср. — *дело пахнет керосином*). *Деньги кидать (неодобр.)* Нерачительно тратить деньги (с. Саитовка). В основе формирования выражения лежит шуточный свадебный обряд. На второй день свадьбы гости собирались в доме жениха. При этом ради шуток подвергали молодую супругу различным «испытаниям»: посылали ее за водой, заставляли мести пол, который гости забрасывали мусором вместе с деньгами. Обряд так и назывался: *кидать деньги*.

Шутивное выражение *обезьянвы годъ* означало старость (с. Ильинское). Определение старости восходит к сказочному повествованию, где некоторые животные добровольно отказываются от части своей жизни в пользу человека, проживающего вначале свой век до 30 лет, затем *воловий* — от 30 до 50, а с 50 и далее — *собачий* или *обезьяний* [3. Т. 3. Ст. «Старик, старуха»]. *Как из сумки два (шутл.)* — быстро, о скоро выполненной работе (с. Саитовка). От сказочного повествования о волшебной сумке, из которой выскакивают два молодца и исполняют моментально все, что прикажет ее владелец [4. С. 41–45]. *Не горело не болело* — о внезапной смерти человека или домашнего животного (с. Саитовка). Оборот — фрагмент загадки о земле, покрытой снегом: *Не горела, не болела, а саван одела? Пройти скрость огни и воды* — испытать в жизни много страданий, невзгод, мучений (с. Саитовка). Устойчивое выражение сформировалось также как фрагмент загадки, характеризующей хлеб: «Режут меня, вяжут меня, бьют нещадно, колесуют — пройду огонь и воду и конец мой — нож и зубы» [2. Т. 2. С. 166].

В глазах обморачивать/обморотить (кого) — обманывать, вводить в заблуждение, рассчитывая на чью-л. наивность (с. Азрапино). От суеверных представлений о том, что колдуны, знахари умеют напускать наваждение, вследствие чего человек перестает видеть то, что перед ним на самом деле, и, наоборот, может видеть то, чего нет в реальности. Вышедший из активного употребления глагол *обморачивать* соотносится с однокорневыми словами *морб́ка, мрак, помрач́ение* (рассудка), *мерцать, морочить*. *Налётный [враж] сидит (в ком, неодобр.)* — об озорном, непослушном, трудно управляемом ребенке (с. Пузская Слобода). От суеверных представлений, что странное поведение людей — результат воздействия злых духов, вселяющихся в человека. Не исключено также влияние многочисленных евангельских повествований, в которых Иисус Христос изгоняет бесов из людей. На основе подобных суеверных представлений в исследуемом

регионе возник целый ряд выражений: *Врагі [чёрти] обуюли [осéтовали] кого-л.* (с. Саитовка); *Бéса тéшить* «веселиться, смеяться во время поста» (с. Пеля Казённая); *Враг [нечистый] подтáлкивает [разжигáет] кого-л.* (с. Азрапино); *Бéсы в дому игра́ют —л.* «о частых ссорах в семье»; *Му́хи в роту игра́ют [летáют] у кого-л. (пренебр.)* «о простоватом, недалёком человеке» (с. Саитовка). В последнем примере речь идет о том, что нечистая сила могла оборачиваться в мух, слепней, которые, проникая в рот, нос, делали человека странным, глуповатым.

Религиозно-мистические представления способствовали образованию фразеологизмов, например: *Христá под пýтку заминáть/замýть (неодобр.)*. Вести безнравственный образ жизни, нарушать сложившиеся моральные устои (с. Пеля Казённая). В основе этого выражения лежит магический обряд превращения в колдуна. Для этого следовало ночью пойти в баню и там отречься от Бога. При этом снимали с себя крест, клали его под пятаку, произнося приговоры [4. Т. 2. Ст. «Баня»]. *Всю дýшу (дýшеньку) вы́тряхнуть у кого, из кого*. Измучить кого-л. запугиванием, стремлением добиться своего угрозами (с. Симбухово). Это выражение связано с бытовавшим в народе страхом о том, что во время кончины человека его душа иногда не выходит из тела, что грозит опасностью превращения мертвеца в оборотня, вампира. Чтобы предотвратить такой исход дела, совершали обряд «вытряхивания» души из тела. Гроб с трупом трясли на пороге дома при выносе покойника и в воротах кладбища [Там же. Ст. «Душа»]. *Кол в грудь вставл́ять кому-л.* 1. Принуждать, ставить в необходимость поступать определённым образом. 2. Быть виновником страданий, мучений (с. Пеля Казённая). Фразеологизм сформировался на основе суеверных обычаев восточных славян вбивать осиновый кол в могилу колдунов и ведьм, чтобы те не выходили по ночам в виде оборотней и не сосали кровь спящих людей.

Старинное гадание *На бобáх раски́дывать (неодобр.)* — бесцельно ходить, бродить из дома в дом, занимаясь пустыми разговорами (с. Пеля Казённая). Исходя из негативной семантики оборота, следует заключить, что он сложился в результате скептического отношения к ритуалу гаданий на бобах. Ср. также записи, которые приводил В. И. Даль: «*Раскидывай (разводи) на бобах. Ходит, да бобы разводит; Что ходишь да бобы разводишь?*» [1. Т. I].

Ша́пку [платóк] попра́вить кому-л., на ком-л. (иронич.) — отругать, выражая свое недовольство в грубых, резких словах (с. Саитовка). Шапка, платок в Средневековой Руси были не только предметами одежды, но и символизировали независимость, порядочность, неспособность на низкие поступки ее граждан. Так, во время народных собраний на площадях виновного обычно наказывали тем, что с мужчин снималась шапка, а с женщин — платок. Это означало, что таких людей лишают всяческого доверия [5. С. 339–340]. *Гóлову зав́язать 1. кому-л.* Влюбить девушку в себя

(о юноше). 2. *с кем-чем*. Взвалить на себя какие-л. обременительные обязанности (с. Саитовка). Выражение отражает особенности заключения брачных союзов у древних славян: «Если кто чувствовал склонность к какой-нибудь девице, то набрасывал ей на голову покрывало, и она беспрекословно становилась его женою» [6. Т. 1. С. 112].

Не бойся ни огня ни воды — смелый, отчаянный, такой, которому все нипочем (с. Саитовка). Фразеологизм восходит к Средневековью, когда в судебном производстве существовало испытание огнем и водой с целью установления виновности (или невиновности) подозреваемого в каком-л. преступлении. Вместе с тем подобного судебного разбирательства очень боялись, о чем свидетельствует выражение в том же говоре: *как огня пlyingего бояться* — испытывать боязнь, страх, трусость. *Клеймо [вину] класть на кого-л.* — обвинять кого-л. в чем-то (с. Саитовка). Это выражение отражает жестокие обычаи прошлого — выжигание на лице преступника раскаленным железом клейма. При царе Алексее Михайловиче ставили клеймо на правой щеке в виде буквы Б. Позднее указом императрицы Елизаветы Петровны в 1746 года клеймо было перенесено на лоб. Реалии прошлого оставили след и в литературном языке: *на лбу написано; заклеить позором; прожжённый плут (мошенник)*.

Сыграть сени кому-л. — угроза побить, поколотить (с. Ильинское.) Упоминание о сенях связано с тем, что в этом месте обычно осуществлялись наказания, порки непослушных. Одно из устаревших значений слова *сени* «судебное дело».

Мистические представления о загробной жизни могли передаваться выражением: *Как за язык подвешенный* — любящий поговорить, разговорчивый, словоохотливый (с. Саитовка). Образной основой выражения стали представления о муках ада, где грешники подвергались различным наказаниям: за тяжкие преступления кипели в котлах со смолой, подвешивание за язык предназначалось клеветникам, ябедникам. *Чтоб те (ему, ей и т.п.) востанюшна!* (*устар.*) — выражение недовольства, досады (с. Пеля Казённая). По убеждению народа, человеческое слово обладает чародейственной силой. На этой основе возникают как приветствия и добрые пожелания, так и проклятия, которые чаще всего состоят из призывания на голову противника или обидчика судного дня. В «Материалах для словаря древнерусского языка...» И. И. Срезневского читаем: «встанный день — день страшного суда» [7. Т. 1. С. 42]. На стадии появления диалектного выражения в его состав, видимо, входило слово *день*, которое в дальнейшем в результате редукции утратилось. *Адские дрова (шутл.-ирон.)* — о непослушных, шумливых детях (с. Кочкурово). В основе формирования выражения лежат суеверия, которыми пугают детей. «Разумные» воспитатели утверждают, что непослушные дети попадают в ад, где их используют в качестве дров, которые подкладывают под кипящие котлы со смолой.

Выражение *Убо́га не корóву съел* (-ла, -ли) – не хуже других, как все или многие (с. Саитовка). Выражение возникло, видимо, в те далекие времена, когда славяне были пастушескими племенами. Древний славянин, представляя облака в образе коней, коров, овец и коз, усматривал тем самым в царстве бессмертных богов черты своего пастушеского быта [8. Гл. «Небесные стада»]. *Сóрок бóчек везёт* – о небе в дождливую погоду: снова заволакивается тучам (с. Кочкурово). По мифологическим представлениям древних славян, власть над дождями приписывалась чаще всего Св. Илье, который тянул за своей колесницей бочку с водой, выливающейся на землю [4. Т. 2. Ст. «Дождь»]. Гипербола *сорок* в фольклоре обозначает большое количество чего-то. В приведенном выражении речь идет об избыточных атмосферных осадках, столь губительных во время уборки урожая.

Известные библейские повествования и образы: *Не ма́нка с не́ба сы́плется кому-л., у кого-л.* – имеющиеся скромные средства достаются с трудом, а не с неба сваливаются (с. Саитовка). *Манка с неба* – своеобразно переосмысленное такое понятие, как *манна небесная*, пища, которую Бог посылал каждое утро сынам Израиля, идущим пустыней в страну обетованную. В русском лит. языке известны выражения: *манна небесная, питаться манной небесной, ждать как манны небесной*.

Выражения *Зги бóжьей [свѣту бóжьего] не видеть* – быть незрячим или очень слабо видеть (с. Пеля Казённая); *Зги бóжьей [свѣту бóжьего] не видно* – очень темно (с. Кочкурово). Среди нескольких версий, выдвинутых исследователями по происхождению слова *зга* и выражения *ни зги не видно* заслуживает внимания одна из них: *зга* сближается с существительным *згинка* «искра, пламя» и глаголом *пáзгать* «ярко гореть, полыхать» [9. С. 207–208]. Приведенные диалектные выражения подтверждают «световое» происхождение лексемы *зга*, поскольку *свет божий, зга божья* – синонимичные образования.

Итак, описанные в статье местные фразеологические единицы свидетельствуют о том, что процесс фразеобразования на основе переменных сочетаний слов активно коснулся различных речевых сфер: как производственной, так и духовной жизни наших далеких предков, поэтический мир души которых был неотделим от окружающего их мира. Это чувство светлой гармонии не утрачено и по сей день: оно живет в образных устойчивых выражениях, столь обильно разбросанных в русском национальном языке.

Литература

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1998.
2. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

3. Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. М., 1995.
4. Сказки, рассказы, песни Горьковской области. Вступ. Статья, записи, ред. текстов, комментарии Н. Д. Комовской. Горький, 1956.
5. *Снегирёв И. М.* Словарь русских пословиц и поговорок / Составление «Словаря», подготовка текста, предисловие, комментарии Е. А. Грушко, Ю. М. Медведев. Н. Новгород, 1996.
6. *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1965.
7. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным источникам. СПб., 1993.
8. *Афанасьев А. Н.* Мифология Древней Руси. М., 2005.
9. *Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб., 2000.

Саранск

От картофеля до картошки

© А.Д. ЧЕРЕНКОВА,
кандидат филологических наук

В статье рассматривается фонетическое и морфологическое освоение русскими народными говорами слова картофель, заимствованного из немецкого языка.

Ключевые слова: литературный язык, просторечие, диалект, иноязычная лексика, освоение заимствованных слов, новая лексика.

The article discusses the phonetic and morphological assimilation of the Russian people's dialects the word potato, borrowed from the German language.

Key words: literary language, colloquialism, dialect, language Mastership assimilation of loanwords, a new vocabulary.

В русском литературном языке существует слово *картофель*, фонетическая оформленность которого совпадает с лексемой из языка-источника. Однако в русских народных говорах широко распространены и другие однокоренные варианты этого слова: *картопля, картоха, картошка* и др.

Как известно, сам картофель как возделываемая культура в Россию был завезен в XVIII веке, а уже в XIX веке этот овощ был известен в народе на разных территориях под такими названиями, как «картофля, картохля, картопля, ж. *занд.* южн. картосы, картыши, корфеты м. мн. *вят.*, картовка *прм.*, картошка, картоха *тул. мск.* ...» и др. [1]. И это естественно: картофель распространился к тому времени по всей территории России.

Наличие большого количества вариантов обусловлено в русских диалектах фонетическим и морфологическим освоением заимствованного из немецкого языка слова *Kartoffel* [2]. Современные диалектные словари фиксируют такие лексемы, как *картёха* (волог.), *картавка* (забайк.), *карташи* (калин., карел.), *картови* / *картофи* (свердл., вятск.) [3]. Обширную территорию занимают лексемы *картовка* / *картофка* (арх., пермск., олон., ленинг., новг., моск., марийск., свердл., курган., кемер., томск., зауральск., тюменск., тобольск., волог., пск., тамб., новосиб.), *картовля* / *картофля* (новг., новорос., смол.) [Там же]. Большое разнообразие в названиях картофеля наблюдается в ярославских диалектах: *картовка* / *картофка*, *картовь* / *картофь* / *картоф*, *картофей* / *картофий*, *картофля*, *картоха*, *картошка* [4]. В донских волгоградских говорах отмечены: *картовка* / *картофка*, *картовь* / *картофь*, *картоха*, *картошка* [5].

Как показывают современные диалектные словари, самыми распространенными в настоящее время являются лексемы *картоха* и *картошка*. Именно эти названия с разными пометами вошли в состав словарей русского языка. Последнее – *картошка* – уже приобрело статус разговорного и широко распространено в литературно-разговорной речи.

Картошка имеет производящую основу *картох* + суффикс *-к* (формант *-ка*). Сработала модель по аналогии с *муха* – *мушка*, *нога* – *ножка* возникает *картоха* – *картошка*.

История обрусевших вариантов названия картофеля свидетельствует об одной модели возникновения и распространения новых слов, или, как в данном случае, освоения заимствованных: сначала возникает большое количество территориальных вариантов, затем они вытесняются одной или двумя лексемами, которые, теряя территориальный признак, могут проникнуть в литературный язык.

Такую судьбу вполне готово пережить слово *картошка*. Движение лексических вариантов из одной подсистемы в другую наблюдается уже сейчас.

Форма *картоха* отсутствует в Словаре под редакцией Евгеньевой, видимо, потому, что в середине XX века она квалифицировалась только как диалектная [6]. В словарях XXI века она уже представлена как просторечная [7].

Лексический вариант *картошка* расценивался в Словаре Евгеньевой как просторечный в значении «картофелина» и разговорный – в собирательном значении. В начале XXI века независимо от значения это слово получает в словарях помету *разг.*

При исследовании воронежских диалектов нам слово *картофель* не встретилось ни разу. В воронежской городской разговорной речи, в том числе в речи образованных людей, употребляется исключительно слово *картошка* и его уменьшительно-ласкательный вариант *картошечка*.

Возможно, пока рано говорить о вхождении *картошки* в строго кодифицированный литературный язык как полноправной, стилистически

не сниженной лексемы, но в ближайшем будущем это вполне ожидаемо, то есть слова *картофель* и *картошка* получают различия лишь в сферах употребления. Уже сейчас сфера употребления слова *картофель* сузилась до научного и официально-делового стилия, но во всех остальных стилиях его место уверенно занимает *картошка*.

Литература

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955.
2. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь русского языка. М., 1994.
3. Словарь русских народных говоров. М.-Л.; СПб., 1965-.
4. Ярославский областной словарь. Учебное пособие. Ярославль, 1986.
5. Словарь донских говоров Волгоградской области. Волгоград, 2007.
6. Словарь русского языка. В 4 т. М., 1999.
7. *Ожигов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 2003.

*Воронежский государственный
педагогический университет*

Свадьба в селе Кутки Воронежской области

© Л.В. НЕДОСТУПОВА

В статье представлены особенности свадебного обряда XX века, существующего в селе Кутки Грибановского района Воронежской области, которые раскрывают народную традицию. В них отражен глубокий нравственный смысл и культура поколения.

Ключевые слова: свадьба, обрядовые действия, элементы торжества, угощение, игровые элементы, ряженые, народная культура, украинские черты, показатель воронежского говора, особый диалект.

The article presents the features of the wedding ceremony of the XX century, in the village of existing codend Gribanovsky Voronezh region, which reveal the folk tradition and are a means of uniting people. They reflect a deep moral sense and culture generation.

Key words: wedding, ritual actions, elements of celebration, entertainment, game elements, entertainers, folk culture, Ukrainian traits index Voronezh says a special dialect.

Испокон веков никакое событие в жизни человека не отмечалось так торжественно и не сопровождалось таким количеством обрядов, как свадьба. Свадьба – торжество, передающее из века в век, из рода в род народные традиции и культуру [1. С. 173]. Она считается продолжением самой жизни в её лучшем проявлении.

Обряд – это совокупность действий, установленных обычаем или ритуалом, в которых воплощаются какие-либо религиозные представления, бытовые традиции [2. С. 449].

В каждом районе были и до сих пор существуют свои обычаи и обряды. Интересные элементы свадебного обряда зафиксированы в говоре на северо-востоке Воронежской области.

В конце XVII века, спасаясь от притеснений польских помещиков, беглые украинцы из Черниговской области основали село, которое

назвали Олений Кут (то есть олений угол, т.к. здесь водились олени). В 1928 году село переименовано в Кутки.

Языковым материалом данной работы стали записи устной речи коренных жителей данного населенного пункта.

Обрядовые действия включают в себя несколько самостоятельных компонентов, имеющих определенное содержание и являющихся определенным этапом свадьбы.

Начинался свадебный обряд со *сватовства* или *запой*. Главными действующими лицами были жених и невеста. Вечером в дом невесты приходили родители и крестные жениха, которых именовали *кумовья*. Разговор о предстоящей свадьбе проходил во время трапезы. Слово *сватовство* толкуется как «сватанье, предложение девице, а более родителям ее, отдать ее замуж за такого-то» [3. Т. 4. С. 23]. Слово *запой* (или *запиванье*, *пропиванье* невесты) содержит корень *пой-* / *пи-*: брак заключали как выгодную для обеих сторон сделку, которую было принято отмечать совместным распитием спиртного [4. С. 332]. Для слова *запой* СРНГ указывает Куйбыш., Саратов., Самар., Волжс., Симбир., Тамбов., Пензен., Рязан., Тул., Ворон., Дон., Кубан., Калуж., Орлов., Терс., Костром., Ярослав. области [5. Вып. 10. С. 336]. Кроме существительного, СРНГ приводит восемь значений глаголов *запивать*, *запить*, одно из которых связано со свадебным обрядом: «перех. Отмечать помолвку, сговор угощением, выпивкой» [Там же]. Данное значение глаголов зафиксировано во Владим., Вят., Калуж., Кубан., Куйбыш., Орлов., Перм., Псков., Рязан., Тул., Яросл. областях. Однако воронежский ареал в СРНГ не указан. В словаре В. И. Даля *запой невесты* называется «пропой, заручины; пирушка между своими, запивают просватанную невесту» [3].

Основной элемент торжества – *свадьба*. Она должна была проводиться в строго отведенные для этого мероприятия сроки, связанные с народным календарем и особенностями трудовой деятельности жителей села. Наиболее удобным временем года для гуляний была осень. Свадьба длилась три дня.

1-й день свадьбы назывался *постель*. В СРНГ находим следующие значения лексемы *постель*, совпадающие со значением кутковского говора: «приданое» (Ульян., Дон. обл. и Грузин. ССР); *везти постель* – «перезжать с приданым в дом жениха» (Ворон. обл.) [5. Вып. 30. С. 221].

2-й день – *выкуп*, *свадебный пир и дары*. Непременным элементом описываемого обряда был *выкуп*. Родственники и друзья жениха с гармошкой и балалайкой приходили в дом невесты. Торги были скромными, зато все от души веселились и радовались за молодоженов. А затем шли в дом жениха, где было свадебное застолье. В. И. Даль толкует: *выкуп невесты* – «жених или дружки его выкупают невесту или *косу* ее, или *место* подле невесты за столом у приставленного к ней с кнутом или с дубинкой сторожа, обычно младшего брата ее или мальчика из ее

родни. Другой *выкуп* невесты: женихом, когда девки на девичнике прячут ее между себя, накрываясь фатами; жених должен сразу узнать ее либо выкупить ее у них подарками» [3]. *Свадебный пир* – основное гулянье в обряде. Это праздник сближения двух разных человеческих родов. Угощения были простыми, но доступными всем селянам, так как все жили практически одинаково. В. И. Даль указывает значение лексемы *пир*: «многолюдное угощение, большой званый обед, ужин, иногда с музыкой, пляской и другими потехами» [Там же].

В многолюдности свадебного действия заложен глубокий нравственный смысл. Принародно называя себя мужем и женой, молодые возлагают на себя перед всеми гостями большую ответственность за будущность своей семьи [6].

Какая же свадьба без подарков! В конце свадебного застолья начинались *дары*. Они заметно отличались от современных и больше были чисто символическими. Деревенский уклад жизни с его материальными трудностями не позволял делать друг другу дорогие подарки. В. И. Даль толкует: *дары* – «свадебные подарки...» [3]. В СРНГ лексема *дары* в значении «свадебный подарок или свадебные подарки» [5. Вып. 7. С. 271] распространена в Кур., Орл., Ворон., Калуж., Симб. областях. В значении «процесс дарения» территория употребления слова несколько расширяется: Ворон., Волог., Ленинг., Новг., Астр., Яросл. обл., КА ССР [Там же. С. 272].

3-й день – *блины*. В этот день близкие родственники, девушки и парни со стороны жениха и невесты перевоплощались: одевались в разные наряды (от старинных до самых смешных), ходили по деревне с песнями, пританцовывая. Веселье ряженных можно было услышать на другом конце села. Мать невесты встречала гостей и угощала их вкусными деревенскими блинами, испеченными из пшеничной или кукурузной муки. Этот день в большей степени содержал игровые элементы, что давало гостям возможность проявить себя максимально творческими, активными, показать талант и силу сельского человека в танце, игре на гармошке, пении и т.д. Особая раскрепощенность собравшихся свидетельствовала о том, что сельские жители умели радоваться за своих родственников и веселиться несколько иначе, чем гости на современных свадьбах.

Угощение блинами на второй день свадьбы зафиксировал еще В. И. Даль [3]. Устаревшая лексема литературного языка *ряженные*, непосредственно относящаяся к проведению данного обряда, имеет значение «одетый, переодетый таким образом, чтобы изображать кого-либо, ради шутки» [7]. Слово *ряженный* имеет у В. И. Даля значение «переряженный, окрутник, одетый чудно, не по обычаю, ради шуток» [3]. В названных значениях данная лексическая единица существует и в кутковском говоре.

И хотя многие элементы свадебного обряда потерялись во времени и он сильно упростился, не исчезла связь времен [1]. В сельской местности люди по преимуществу стараются соблюдать передающиеся от предков традиции, и обрядовые действия носят архаический характер. Лексика говора сохранила все.

Обрядность представляла собой единый и нерушимый уклад жизни людей, в котором отразилась их своеобразная этика и эстетика. Они составляют подлинную основу традиционной культуры, а свадебный обряд является ее памятником. Фиксация народных обычаев и обрядов и их речевое отражение в языке сельских жителей становится одной из важнейших задач лингвистов-диалектологов, поскольку с карты России ежегодно исчезают сотни малочисленных населенных пунктов. С ними уходит в безвозвратное прошлое самобытная система с определенным мировоззрением носителей данного языка.

Литература

1. Недоступова Л. В. Лексика свадебного обряда в говоре посёлка городского типа Таловая Воронежской области (этнолингвистическое описание) // Научный вестник ВГАСУ. Серия «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». Вып. № 2 (12). Воронеж, 2009. .
2. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М., 1992.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2008.
4. Таратынова Н. Ю. Названия одного из элементов сватовства в Псковских говорах // Лексический атлас русских народных говоров – 2001–2004. ИЛИ. СПб., 2004.
5. Словарь русских народных говоров. М.-Л.; СПб., 1965-.
6. Разумихина Г. П. Мир семьи // Г. П. Разумихина. М., 1986.
7. Словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999.

*Воронежский государственный
архитектурно-строительный университет*

Чудным-чудно

Конструкции на -ым в фольклоре и поэзии

© М.А. БОБУНОВА,
доктор филологических наук

Статья посвящена конструкциям на -ым, статус которых в русском языке до сих пор остается неопределенным. Анализируется лексикографическое описание подобных единиц в разных словарях и приводятся примеры использования указанных конструкций в русском фольклоре и русской поэзии.

Ключевые слова: языковая конструкция, словарь, язык фольклора, язык поэзии.

The article is devoted to constructions with -ым in the middle. Their status in the Russian language is still indefinite. The analysis of the lexicographic description of such units in different dictionaries is presented within the article with examples of usage of these units in the Russian folklore and the Russian poetry.

Key words: language construction, dictionary, folklore language, language of poetry.

В русском языке есть единицы, лингвистический статус которых до сих пор остается неопределенным. К их числу можно отнести конструкции на -ым типа *белым-бело, полным-полно*.

Для подавляющего большинства лингвистов это примеры сложных наречных форм. В. В. Виноградов писал: «Разные конструкции с плеонастическим или тавтологическим повторением основ имен существительных или прилагательных (вроде творительного усиления), обычно ведут к образованию наречий. В них реальное значение слова поглощается функцией эмоционального усиления» [1]. А. П. Евгеньева, объясняя историю возникновения подобных языковых единиц, истоки их

жизненности и причины изменения семантики, воспринимала такие наименования как «одно сложное слово, как единое смысловое целое, в котором мы видим усиленное повторение» [2]. Однако авторы «Русской грамматики» настаивают на лексемной суверенности форм на *-ым*: «Характер наречных образований имеют формы с суф. *-ым* (фонемат. |им|), обозначающие тот же признак, что и мотивирующее прилагательное, но с оттенком усиления. Они употребляются только препозитивно рядом с формами мотивирующих прилагательных (преимущественно краткими) или с наречиями на *-о*, мотивированными теми же прилагательными» [3].

В толковых словарях XX века указанные конструкции разрабатывались по-разному в зависимости от позиции составителей справочников. Они могли включаться в словник в качестве самостоятельных заголовочных единиц [4] или приводиться в словарной статье прилагательного или наречия после особого знака, свидетельствующего об употреблении слова в образной речи, в сравнениях, устойчивых сочетаниях, фразеологических оборотах [5]. Так, в словаре С. И. Ожегова подобные тавтологические конструкции помещались рядом с другими фразеологическими единицами. Например, *белым-бело* в одном ряду с устойчивыми выражениями *белая горячка*, *белая кость*, *белое мясо*, *белые стихи*, *белый билет*, *среди бела дня* [6. С. 39], а *черным-черно* – с фразеологизмами *в черном теле держать*, *черным по белому* и др. [Там же. С. 765].

Составители же «Фразеологического словаря русского языка» под редакцией А. И. Молоткова, признавая самостоятельность лексем на *-ым*, вывели словосочетания, образованные путем повторения разных форм одного и того же слова или сочетания двух слов с одной основой, за пределы фразеологизмов. Среди многообразных структурных типов таких словосочетаний указаны *давным давно*, *полным полно*, *светлым светло*, *черным черно*, *белым бело*. По мнению составителей фразеологического словаря, «подобные словосочетания могут быть сами по себе прототипами фразеологизмов или могут служить структурным образцом для образования фразеологизмов» [7]. Заметим: прототипом или образцом не наречия, а неоднословной идиомы.

Оттенок усиления, свойственный данным конструкциям, в словарных дефинициях тоже отражался по-разному, даже в пределах одного справочника. Например, в «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой используются два способа описания подобных единиц. Один – с помощью специального комментария, дополнительного пояснения, приводимого в скобках после толкования, например: «РАНЫМ-РАНО, нареч. Разг. То же, что рано (с усилением)» [4. Т. 3. С. 640]. Другой – путем непосредственного толкования, в которое включается наречие *очень*: «ЧЕРНЫМ-ЧЕРНО, нареч. Очень черно» [Там же. Т. 4. С. 668].

В современных толковых словарях тоже нет единообразия и в определении статуса тавтологических конструкций, и в их лексикографическом описании. Так, в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова указанные конструкции характеризуются как наречия, но подаются по-разному: они могут или открывать словарную статью, или входить в гнездо производных слов, или описываться дважды.

Например, *раным-рано* – это самостоятельная заголовочная единица, а *черным-черно* включается в словообразовательное гнездо словарной статьи Черно. Ср.: «РАНЫМ-РАНО, нареч. Усилит. = Рано» [8. С. 1086] и «ЧЕРНО < Черным-черно, нареч. Усилит.» [Там же. С. 1473].

Белым-бело и *полным-полно* представлены в словаре дважды, но описаны по-разному. Ср.: «БЕЛЫМ-БЕЛО, нареч. в функц. сказ. “Очень бело”» [Там же. С. 71]; «БЕЛО < Белым-бело, нареч. Усилит.» [Там же. С. 69] и «ПОЛНЫМ-ПОЛНО см. Полно» [Там же. С. 904]; «ПОЛНО < Полным-полно, нареч. Усилит.» [Там же. С. 903].

«Большой академический словарь русского языка», продолжая традицию семнадцатитомного издания, приводит подобные конструкции в словарной статье соответствующего прилагательного и/или наречия за знаком <> (ромб), где представлены разные устойчивые сочетания. Например, *белым-бел* (*-бела, -бело*) находим в словарной статье с заголовочным словом БЕЛЫЙ [9. Т. 1. С. 530], а *белым-бело* – в словарной статье БЕЛО (наречие) [Там же. С. 535] с пометами «усилительное». *Раным-рано* с такой же пометой – в словарной статье РАНО в одном ряду с конструкцией *рано-рано* [Там же. Т. 22. С. 593], а *полным-полон* (*-полна, -полно*) – в словарной статье ПОЛНЫИ с пометой «разговорное» и со значением «Очень полон (полна, полно)» [Там же. Т. 18. С. 493].

Если в словаре под редакцией А. И. Молоткова сочетания типа *давным давно* не признавались идиомами, то в современных фразеологических словарях отдельные тавтологические конструкции имеют статус фразеологизмов. Например, в справочнике, составленном А. И. Федоровым, в словнике встречаем *полным-полно*: «Разг. Прост. Очень много чего-либо» [10]. Думается, такая лексикографическая «разноголосица» обусловлена синкретичным характером данных конструкций, которые квалифицируются и как наречия, и как идиомы, и как словосочетания.

В «Русской грамматике» говорится, что преимущественная сфера употребления таких единиц – «тексты, ориентированные на старую народную речь и фольклор» [3]. Наше исследование народно-песенного языка подтверждает сказанное.

Рассматриваемые формы используются в разных фольклорных жанрах, например, в лирических и исторических песнях: «На Иванушку невзгодушка пришла, На удаленького сударушка гневна, Что

гневым-то гневна, сердита на меня» [11. Т. 2. № 447. Курсив здесь и далее наш. — М.Б.]; «— Не бойсь, не бойсь, Ванюшка, я на зорьке разбужу, / По утру *раным-ранехонько* за ворота провожу...» [Там же. № 465]; «Уж и чтой-то это, братцы, / Мне *тошным-тошно*, / Мне сегодняшней денечек / Да грустнехонько?» [12. № 176]. Однако наиболее часто они встречаются в былинном тексте. Приведем пример из онежского эпоса: «Как первое там чудо *белым-бело*, / А другое-то чудо *красным-красно*, / А третьеё-то чудо *черным-черно*» [13. Т. 1, № 49]. Конструкция на *-ым* в былинах может отделяться от последующей тавтологической формы частицей, союзом, местоимением, наречием или повторяться: «А как тут-то *скорым да скорёшенько* / Да завияла пошла да тут-то повитерь / По тому-то да синю морю» [Там же. № 53]; «Ай как *низким они низёхонько* ему кланялись» [Там же. Т. 3. № 210]; / «Они видели над Киевом *чудным чудным-чудно*, Они видели над Киевом *дивным дивным-дивно*» [Там же. Т. 1. № 22].

Элемент слова в эпическом тексте обычно так себя не ведет, это могут себе позволить только самостоятельные компоненты неоднословных структур, поэтому при создании словника онежских былин формы типа *белым*, *дивным*, *скорым* признавались нами самостоятельными лексемами с предельно узкой сочетаемостью.

«Нарушение цельности слова, разрыв слова другими словами приводится русскими грамматистами только как редкое исключение <...> Однако эти примеры являются лишь иллюстрацией исторической зыбкости границ между сложными словами, с одной стороны, и устойчивыми словосочетаниями, с другой» [14]. Правда, составители исторического словаря русского языка XI—XVII веков обратили внимание на то, что «расчленение сложного слова, своего рода игра словом», используется как выразительный прием риторического стиля. Включение служебных слов (частиц и союзов) в словообразовательных швах сложных слов — явление нередкое, характеризующее как сращения, так и собственно сложные слова. Это свидетельствует о том, что в памятниках письменности, как и в живых языках, «те или иные сложные единицы нередко бывают представлены в переходном состоянии. Отсюда трудность их грамматической квалификации в словаре» [15].

Для исследователей, не считающих конструкции на *-ым* самостоятельными лексемами, основным аргументом несамостоятельности формы служит факт тавтологии. Однако в фольклорных текстах нам встречались примеры, когда тавтология отсутствует: «Ай во темном лесу как стоит знамян, / Как *ровным много* как лесу сухого» [13. Т. 3. № 210]; «У нас-то есть во Киеви Илья-то ведь да Муромец / А волосом да возрастом *ровным с меня*» [Там же. Т. 1. № 48].

Конструкции на *-ым* используются и за пределами языка фольклора. Приведем примеры из русской поэзии XX столетия. «Обо мне забудь, но

помни одно: / Опустелое сердце — *полным-полно*» [16. М. Кузмин. «В какую высь чашка весов взлетела...»].

Под спудом бусина синела,
И в черноте *черным-черно*
Чернело и окаменело
В кувшине царское зерно [16. А. Тарковский. Эребуни].

Закопшится, загорится,
Закружится *красным-красно*,
Как будто ветром-проходимцем
То дерево подожжено!
[Там же. И. Елагин. «Какая осень! Что за странность...»].

Пришла зима. Исчез под снегом луг.
Белым-бело. И видит каждый ворон,
как сам Борей впрягся в хрустальный плуг,
вослед норд-ост влечет упряжку борон
[Там же. И. Бродский. «Пришла зима,
и все, кто мог лететь...»].

Конструкции на *-ым* могут быть не единичным явлением в творчестве того или иного писателя. Так, в поэзии Е. А. Евтушенко они не редкость. Приведем примеры из поэмы «Братская ГЭС»: «Стань, Сибирь, светлым-светла, радуйся и радуй!» [17. С. 89]; «Пускай цветы таежные стоят, *красным-красны...*» [Там же. С. 96]; «О своей судьбе я не жалею, / отчего же все-таки тогда / зубы у меня из нержавеющейки, / да и голова *седым-седа!*» [Там же. С. 125].

Немало подобных наименований и в поэзии Е. А. Благининой. Например, в сборнике для взрослых «Складень» нами зафиксировано восемь конструкций: *бедным-бедна*, *белым-бело*, *грустным-грустна*, *темным-темно*, *ясным-ясна* и др.: «И о свече... / *Бедным-бедна*, / Погаснуть бы должна! Но все еще / Горит она... Горит она...» [18. С. 54].

Формы на *-ым* нередко встречаются в стихах Б. А. Чичибабина [19]: «Но синева отравлена трагизмом, и пахнут чем-то горьким и прокислым *хмельным-хмельные* вечера» (Осень); «И женщина, пришедшая на берег, в наплывах волн стоит *голым-гола*» (Женщина у моря). В индивидуально-авторском бытовании форма на *-ым* тоже стремится вывить свою относительную отдельность, образуя, например, диминутив: «Он *живехоньким живой*, с ним полмира в переписке» (На вечную жизнь Л. Е. Пинского).

Как свидетельствует «Русская грамматика», продуктивность данного типа ограничена образованиями от исконно русских качественных прилагательных [3], а формы на *-ым* обычно сочетаются с однокоренными прилагательными или наречиями/словами категории состояния.

Однако в поэтическом тексте возможны окказиональные сочетания с глаголами и существительными, а в качестве мотивирующего слова может выступать относительное прилагательное: «И с жадным страхом лица глядела, / как девочки ступали впереди, / как в отблесках дешевого газета / *белым-белели* руки на груди» (Б. Ахмадулина. Абхазские похороны); «Я был малыш, *голым-голыш* и всем чужой, но вот поди ж: чудак прохожий подарил мне как-то бубен...» (К. Воробьев. «Генка, брат мой...»); «В карманы руки зябкие засовываю, / А улицы кругом *снежным-снежны...*» (Е. Евтушенко. «Нет, нет, я не сюда попал...»).

Конструкции на *-ым* обладают достаточно выразительным потенциалом, особенно если в тексте используется сразу несколько таких единиц, как, например, в стихотворении Е. А. Благиной «Журавушка»: «Прилетел журавушка / На старые места... / Травушка-муравушка / *Густым-густа*. / Ивушка над заводью / *Грустным-грустна*, / А водица в заводи / *Чистым-чиста!* / А заря над ивушкой / *Ясным-ясна...* / Весело журавушке – *Весным-весна!*» [18. С. 13].

Для достижения определенного эффекта авторы могут создавать окказиональные формы, преднамеренно нарушая языковые нормы. Приведем фрагмент из бардовской песни В. Пальчикова: «Зимой хвоя *вкусным-вкусна*, / А зимний лес – *сосным-сосна*, / И в том лесу – *белым-бело*, / А на краю – *сельм-село*. / Ах, то село – *дырым-дыра*, / А за селом – *горым-гора*. / У той горы – *горбым-горба* – / Стоит одна *избым-изба*» [20]. Подобная языковая игра связана с желанием автора привлечь внимание читателей и слушателей и в определенной мере «спровоцировать» их на создание подобных конструкций.

Таким образом, формы на *-ым*, выполняющие функцию эмоционального усиления, оказываются интересным объектом исследования. Неопределенность их статуса, отразившаяся в лексикографической практике, заставляет искать новые подходы к описанию таких единиц. Мы имеем дело с так называемыми нечеткими множествами, изучение которых, вероятно, станет приоритетным в лингвистике XXI века.

Литература

1. *Виноградов В. В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.-Л., 1947. С. 382–383.
2. *Евгеньева А. П.* Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв. М.-Л., 1963. С. 338.
3. Русская грамматика. В 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 399–400.
4. Словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984.
5. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М.-Л., 1948–1965.

6. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1984.
7. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М., 1986. С. 15.
8. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000.
9. Большой академический словарь русского языка. М.-СПб., 2004–2014. Т. 1–23.
10. Фразеологический словарь русского литературного языка / Сост. А. И. Федоров. М., 2001. С. 469.
11. Великорусские народные песни. В 7 т. СПб., 1895–1902.
12. Исторические песни XVII века. М.-Л., 1966.
13. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. В 3 т. СПб, 1894–1900.
14. *Жирмунский В. М.* О границах слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.-Л., 1963. С. 10.
15. *Шаламова А. Н.* Словарь русского языка XI–XVII вв.: Проблемы и результаты (по материалам авторских томов) // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 42.
16. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/search-poetic.html> (дата обращения: 10.10.2016).
17. *Евтушенко Е. А.* Поэт в России – больше, чем поэт. М., 1973.
18. *Благинина Е. А.* Складень. Книга стихов. М., 1973.
19. *Борис Чичибабин.* Стихотворения разных лет [Электронный ресурс]. URL: <http://chichibabin.ru/> (дата обращения: 01.11.2016).
20. *Пальчиков В.* Весным-весна [Электронный ресурс]. URL: <http://bards.ru/archives/part.php?id=51547> (дата обращения: 10.11.2016).

*Курский государственный
педагогический университет*

Новый словарь об отечественных лексикографах

Известные петербургские ученые В. А. Козырев и В. Д. Черняк выпустили очень полезную работу «Кто есть кто в русской лексикографии: справочная книга» (СПб., 2016). В ней собраны библиографические статьи о более чем 2700 исследователях, которые занимались разработкой теории и практики словарного дела, начиная почти с XVII века и по настоящее время.

Стоит отметить, что сведения об отечественных лексикографах в таком объеме представляются впервые и позволяют оценить богатство научной мысли наших лингвистов прежде всего с точки зрения разработки новых проектов последних десятилетий, получивших общественное признание в филологии.

Книга построена по алфавитному принципу. В словарной статье дается краткая информация об авторе, составителе или редакторе того или иного словаря: даты жизни, ученая степень, место работы, научная специализация. Указываются также и сопутствующие труды ученого, имеющие отношение к становлению его как личности филолога. При всей краткости словаря авторы помещают статьи о лингвистах, чей вклад в науку признан мировым сообществом. Это касается таких имен, как Р.И. Аванесов, В.П. Адрианова-Перетц, Н.М. Каринский, Б.А. Ларин, А.А. Шахматов и др.

В то же время работы и деятельность первопроходцев хорошо известны и освещены во многих исследованиях. Поэтому более пристальное внимание авторы уделили биографиям лексикографов второй половины XX—начала XXI века. Здесь представлены обширные статьи о В.И. Зимине, Ю.Н. Караулове, Л.П. Крысине, С.А. Мызникове, А.Н. Тихонове, Н.М. Шанском и многих других ученых-словарниках. Надо сказать, что авторы почти не дают оценок их трудам, а только перечисляют основные работы, но и этой информации уже достаточно, так как имеются отсылки к соответствующим библиографическим данным. По непонятным причинам в словарь не вошли статьи о А.И. Соболевском, стоявшем у истоков древнерусского словаря, и В.Д. Бондалетове, выпустившим много ценных арготических словарей. Значит, работа в этом направлении еще будет продолжаться.

Завершает книгу раздел «Словари русского языка», включивший 3302 библиографические единицы изданий (С. 405-592) отечественных лексиконов. Здесь особо ценной, на наш взгляд, является информация о

региональных школах и ученых, которые занимаются данной проблематикой на местах и решают многие ключевые проблемы современной лексикографической науки: описание диалектов и фразеологизмов, стилистическая характеристика русского языка, исследование детских ассоциаций в языковедческом отношении и многое другое.

Этот список имеет не только вспомогательное, но и самостоятельное значение как лексикографический источник, своего рода энциклопедия наших знаний об этой древней и одновременно новой науке, откликающейся на современные вызовы и вкусы эпохи «на грани нервного срыва», но остающейся в рамках традиционных научных школ с их незыблемыми авторитетами и культурными константами.

Изданный словарь показывает, как развивалась лексикография на протяжении нескольких столетий, какие направления и школы этой науки функционировали. Зачастую достижения «движителей» словарного труда остаются неизвестными широкой научной общественности, и только в последнее время возрождается интерес к забытому прошлому, например, «Словарь областного вологодского наречия» (СПб., 2006) краеведа и этнографа П. А. Дилакторского, включенный в этот справочник.

Полагаем, что книга В. А. Козырева и В. Д. Черняк «Кто есть кто в русской лексикографии», безусловно, займет достойное место на полке и начинающего, и известного ученого. Для педагогов-практиков и студентов данная работа может быть особенно полезна, так как она знакомит с пространственными и временными векторами современной лексикографии, показывает ее связь с другими отраслями филологии и, что очень важно, помогает оценить так называемый человеческий фактор в науке о словарях, которая создается обычными людьми с необычными биографиями.

© **О.В. Никитин**,
доктор филологических наук
Московский государственный
областной университет